

INSPIRIA

Люсинда
Райли
Лавандовый
САД

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты Люсинды Райли

Люсинда Райли
Лавандовый сад

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Райли Л.

Лавандовый сад / Л. Райли — «Эксмо», 2021 — (Novel. Мировые хиты Люсинды Райли)

ISBN 978-5-04-163903-7

От автора «Семи сестер» Люсинды Райли. Это история о мире и войне, преемственности поколений, о любви и предательстве, и о тайнах, которые должны быть раскрыты, чтобы изменить жизни многих, очень многих людей.

Эмили наследует по линии отца старинный родовой замок с прекрасными садами и виноградниками, но вместе с этим — уйму долгов и вопросы без ответов о прошлом семьи. До этого она вела простую жизнь в Париже. У нее были сложные отношения с матерью, она не планировала возвращаться в места, где провела детство. Однако смерть матери и знакомство с Себастьяном, владельцем картинной галереи в Лондоне, чья бабушка также была связана с родовым домом Эмили, перечеркивают всю ее жизнь на до и после. «Семейные тайны, шпионаж военного времени и верность, которую приходится поставить на карту. Все это "Лавандовый сад" — идеальная книга для поклонников исторических романов». — The Booklist.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-163903-7

© Райли Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1	7
2	12
3	23
4	35
5	43
6	51
7	60
8	66
9	75
10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Люсинда Райли Лавандовый сад

Посвящается Оливии

*То, что вы собой представляете, есть дело случая, этим вы
обязаны исключительно факту своего рождения; а всем, чем являюсь
я, я обязан только самому себе.*

Людвиг ван Бетховен

**Lucinda Riley
The Light Behind the Window**

* * *

The author has asserted her moral rights. All rights reserved.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London
Copyright © Lucinda Riley 2012

© Красневская З., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

* * *

Свет за окном

*Глухая полночь за окном.
Мой мир теряется во мгле.
Ночная тьма накрыла дом.
Откуда ждать спасенья мне?
Но с первым проблеском зари
Вновь светом полнится душа.
Не руки ль тянутся твои,
Чтобы согреть меня?
Как сладок пробужденья час,
Когда из тени выступаешь ты.
Огонь желанья вспыхивает в нас,
И сердце тает от любви.
Да будет свет ликующего дня!*

*Сгорела ночь, и растворился мрак.
О, как же я люблю тебя,
Тебя, мой свет! И это так...*

София де ла Мартиньер, июль 1943 года

1

Гасси, Юг Франции, весна 1998 года

Эмили почувствовала, как ослабла и разжалась рука, которую она держала, и взглянула на мать. Кажется, душа Валерии уже отделилась от ее тела. И боль тоже отступила, разгладив все черты покойной. Эмили смотрела на просветленное лицо своей матери и вдруг вспомнила о том, какой красавицей она была когда-то.

– Отошла! – невнятно пробормотал Филипп, ее лечащий врач, констатируя очевидное.

– Да, ушла.

Эмили услышала, как доктор, стоя у нее за спиной, стал читать молитву, но особого желания присоединиться к нему у нее не возникло. Она тупо уставилась на мать, с удивлением замечая, как быстро сбегает краска с ее лица, как буквально на глазах сереет кожа и превращается в прах плоть женщины, которая довела над ее жизнью целых тридцать лет. На какую-то долю секунды Эмили даже захотелось потрогать мать, встряхнуть ее, заставить очнуться. Уж слишком стремительным был переход от жизни к смерти, особенно учитывая сильный и властный характер Валерии де ла Мартиньер. Разум дочери отказывался признать очевидное.

Эмили не была вполне уверена в том, что ее переживания в эту минуту были такими, какими им следовало или полагалось быть. Впрочем, за последние несколько недель она уже не раз мысленно обыгрывала саму ситуацию, вот, наверное, и привыкла к неизбежности развязки. Эмили отвернулась от усопшей матери и взглянула в окно: в голубом небе зависли перистые облака, похожие издали на сырые меренги. Через открытое окно в комнату долетел слабый писк жаворонка, старательно оповещающего всех о наступлении весны.

Эмили медленно поднялась со стула, чувствуя, как онемели ноги после многочасового ночного бдения у постели больной, и подошла к окну. Пейзаж, открывшийся ее взору в этот ранний утренний час, был на удивление легким и жизнеутверждающим. Ничто не напоминало о той тяжести утраты, которой обернулась минувшая ночь. Природа являла миру свое свежее, будто только что проявленное изображение, как она это делала всякий раз на рассвете. Типичная палитра провансальских красок: мягкие полутона смеси зелени и умбры, свидетельствующие о наступлении нового дня. Эмилия посмотрела вдаль. Прямо за террасой начинался огромный регулярный парк, который тянулся вплоть до виноградников, окружающих дом со всех сторон и волнообразно стелющихся до самого горизонта. Великолепный вид! К тому же неизменный в своей величавой красоте на протяжении столетий. Замок де ла Мартиньер был ее убежищем, ее пристанищем в детстве, тем уголком, где она чувствовала себя в полной безопасности. Его спокойная и величавая незыблемость, кажется, уже вошла в ее плоть и кровь, навеки отпечатавшись в извилинах ее сознания.

И вот отныне замок принадлежит ей. Хотя вряд ли мама оставила ей что-то, кроме финансовых издержек. Разве что какую-то сумму на то, чтобы и далее содержать замок в надлежащем виде. Впрочем, в этом Эмили совсем не была уверена.

– Мадемуазель Эмили... Оставляю вас наедине с усопшей, чтобы вы могли попрощаться с нею.

Голос доктора нарушил ход ее мыслей.

– А сам пойду вниз. Мне еще надо бумаги оформить, заполнить все необходимые бланки. Мне очень жаль... Еще раз примите мои самые искренние соболезнования.

Врач отвесил легкий полупоклон и покинул комнату.

А мне жаль? – мелькнуло у Эмили.

Вопрос пулей просвистел в ее голове. Она подошла к стулу и снова уселась на него. Попыталась начать искать ответы на те вопросы, которые встали перед нею после смерти матери. И все они торопили ее с ответом. Надо проявить решительность и твердость, свести воедино раздирающие друг друга эмоции, чтобы обрести некую уверенность в себе и в своих силах. Конечно, с первого раза такая попытка едва ли окажется успешной. Ведь эта женщина, которая на протяжении всей жизни Эмили имела над ней некую странную, необъяснимую власть и которая сейчас неподвижно лежала перед нею, более не представляя для нее никакой угрозы. А при жизни матери Эмили всегда было неуютно в ее присутствии, да и влияние матери всегда казалось дочери пугающе сложным.

Да, Валерия подарила дочери жизнь. Она кормила, одевала Эмили, давала ей кров. Никогда, ни единого разу она не ударила ее, не обидела, не унизила.

Она ее просто не замечала.

Валерия, – Эмили задумалась в поисках подходящего слова, – она просто *не интересовалась* ею. Что в какой-то степени поспособствовало тому, что постепенно Эмили превратилась в дочь-невидимку.

Эмили положила свою руку на руку матери и обронила едва слышно:

– Ты меня не видела, мама... Ты меня не видела...

Для Эмили всегда было мучительно осознавать, что ее рождение, скорее всего, было такой неохотной уступкой необходимости. Ведь семейству де ла Мартиньер нужен был наследник по прямой. Как можно прервать преемственность поколений? А потому рождение ребенка было продиктовано не столько желанием Валерии стать матерью, сколько осознанием своего долга перед фамилией мужа. А уж когда на свет появилась наследница вместо желанного и нужного наследника, то Валерия и вовсе утратила всякий интерес к новорожденной. Она была уже слишком немолода, чтобы сделать еще одну попытку стать матерью – ведь Эмили появилась на свет уже на излете ее репродуктивного возраста, в сорок три года. А потому сразу же после рождения дочери Валерия вернулась к своей прежней великосветской жизни в Париже, где она славилась как хозяйка одного из самых изысканных домов, такая очаровательная, утонченная и красивая хозяйка богатого и гостеприимного дома. А что же до Эмили, то ее присутствию в своей жизни Валерия уделяла не больше внимания, чем своим любимцам чихуахуа. Подумав, к трем четвероногим, уже обитающим в доме, добавилась еще одна собачонка. Изредка девочку извлекали из детской комнаты и ласкали наравне с собачками, но только тогда, когда маман считала это нужным или необходимым. Впрочем, у чихуахуа было заметное преимущество перед ребенком. Ведь их же было трое, они хотя бы могли играть друг с другом. А вот Эмили провела большую часть своего детства в полнейшем одиночестве.

Пожалуй, прохладному отношению матери к дочери поспособствовало и то, что Эмили пошла в породу де ла Мартиньеров, не унаследовав почти ничего от изящной, миниатюрной Валерии, хрупкой блондинки, позаимствовавшей цвет волос у своих славянских предков. В отличие от красавицы матери, Эмили росла приземистой, плотной, смуглолицей, с пышной гривой каштановых волос, которые регулярно, каждые шесть недель, подстригались под мальчика. Густая челка свисала до самых бровей, темных, как у ее отца, которого звали Эдуардом.

– Я иногда смотрю на тебя, дитя мое, и сама удивляюсь. Неужели это я произвела тебя на свет? – роняла порой мать свои комментарии в те редкие моменты, когда она появлялась в детской перед тем, как, скажем, отправиться в оперу. – Слава богу, хоть глаза у тебя мои.

А Эмили порой охватывало непреодолимое желание вырвать из глазниц эти голубые глаза и заменить их такими же глазами, как у папы, красивого светло-карего цвета. Она считала, что к ее лицу голубые глаза совсем не подходят. К тому же всякий раз, когда она смотрелась в зеркало и встречалась взглядом с этими голубыми глазами, то видела в этот момент перед собой маму.

Да и вообще, Эмили совершенно искренне полагала, что она появилась на свет безо всяких способностей, особенно тех, которые могла бы оценить ее мать. В возрасте трех лет ее повели в балетную школу. И тут Эмили обнаружила, что ее тело категорически отказывается повиноваться ей и отчаянно сопротивляется тому, чтобы встать в нужную позицию. Пока другие девочки порхали по студии, словно легкокрылые бабочки, она неуклюже пыталась продемонстрировать хоть какие-то признаки грации. Но ее маленькие крепкие ножки упорно сопротивлялись, не желая отрывать от земли и взмывать ввысь, а потому любая ее попытка неизменно оканчивалась неудачей. Уроки музыки – ее стали обучать игре на пианино – тоже потерпели фиаско. А занятия по вокалу не состоялись, потому что, как выяснилось, она ничто лишена слуха.

В равной степени она чувствовала себя неуютно в нарядных девичьих платьях, когда мама заставляла ее присутствовать на своих суаре, которые она устраивала в розарии, украшавшем задний двор их парижского особняка. Именно там среди благоухающих роз Валерия проводила свои знаменитые на весь Париж приемы и вечеринки. Как правило, Эмилия забивалась в самый дальний угол и уже оттуда весь вечер наблюдала за тем, как ее мать, красивая, элегантная, обворожительная во всех смыслах дама, искусно лавирует между гостями, ведя с ними непринужденные светские разговоры. Сама же Эмилия, и это постоянно случалось с нею на всяких светских мероприятиях не только в Париже, но и у них в замке, чувствовала себя стеснительно и боялась выдавить из себя лишнее слово. То есть к отсутствию всех мало-мальски стоящих талантов добавлялось еще и это: она начисто была лишена той светской непринужденности и особого шарма, которые были присущи Валерии.

Вместе с тем в глазах окружающих она была ребенком, рожденным, что говорится, с серебряной ложкой во рту. Ведь у нее было все. Поистине сказочное детство: красивый дом в Париже, отменное происхождение – и отец, и мать были из родовитых дворянских семей с многовековой родословной, богатство, которое по счастливой случайности сохранилось и в годы военного лихолетья. Словом, у нее было все, о чем иные молодые француженки могли только мечтать.

Но по крайней мере в детстве у нее был любимый папа. Не то чтобы он проявлял к ней больше внимания, чем мать. Отец был всецело занят своими раритетными книгами, собрание которых он неустанно пополнял и расширял. Это собрание хранилось в их фамильном замке. Но все же когда Эмили удавалось хоть изредка привлечь внимание отца к своей персоне, то он удостаивал ее своим вниманием и дарил девочке ту любовь, которой ей так не хватало.

Когда она родилась, отцу было уже шестьдесят. Он умер, когда ей исполнилось четырнадцать. Они редко встречались и провели вместе не так уж много времени, но Эмили быстро поняла, как многое в своем характере она унаследовала именно от отца. Эдуард был спокойным, уравновешенным и глубокомысленным человеком. Шумной светской круговерти с бесконечной чередой гостей и посетителей, которую устроила его жена в их парижском доме, он предпочитал тихую, размеренную жизнь в замке в окружении своих драгоценных книг. Эмили часто задавалась вопросом, как могли влюбиться друг в друга и сойтись две такие противоположности, как ее отец и мать. Но одно не вызывало сомнения: Эдуард обожал свою молодую, намного моложе его самого, жену. Ни единого слова жалобы или упрека по поводу ее рассеянного образа жизни, хотя большую часть времени он коротал в одиночестве в своем замке. К тому же он явно гордился и красотой Валерии, и ее известностью в светских гостиных Парижа.

Часто в конце лета, когда наступала пора им с матерью возвращаться в Париж, Эмили начинала спрашивать отца позволить ей остаться.

– Папочка! Мне так хорошо здесь с тобой, в деревне. Можно я останусь? Здесь же и школа есть в деревне... Я бы ходила в эту школу, ухаживала бы за тобой. Наверняка ведь тебе одиноко, когда мы уезжаем и ты остаешься в замке один.

Эдуард ласково трепал дочку за подбородок, но всегда отвечал неизменным «нет».

– Нет, моя милая. Несмотря на то что я тебя очень люблю, тебе надо возвращаться в Париж. Ты должна посещать уроки в своей школе, а еще учиться у мамы искусству того, как стать настоящей дамой.

– Но, папочка! Я совсем не хочу возвращаться в Париж вместе с мамой. Я хочу остаться здесь, с тобой...

А потом, когда ей исполнилось тринадцать... Эмили смахнула внезапно набежавшие слезы. Она все еще не была морально готова снова вернуться в собственное прошлое, в тот злополучный отрезок времени, когда равнодушие матери к своей дочери обернулось вдруг откровенным пренебрежением, искалечившим всю ее дальнейшую жизнь. Эмили так и не смогла простить этого матери.

– Как же ты *могла*, мама, не замечать всего того, что происходило со мной? Ведь я же твоя дочь!

Один зрачок у Валерии вдруг расширился, и Эмили даже вздрогнула. Внезапно ее объял страх. А вдруг мама еще жива и даже слышала, что она только что сказала? Она взяла руку Валерии за запястье (нужно убедиться еще раз!) и стала нащупывать пульс. Пульса не было. Просто непроизвольно сработали остывающие мускулы. Расслабились, явив на короткое мгновение некое подобие признаков жизни.

– Мама... Я постараюсь простить тебя. Я сделаю все от себя зависящее, чтобы понять тебя. Но конкретно сейчас, в эту самую минуту, я даже не могу сказать, счастлива ли я от того, что ты ушла... Или что твоя смерть сильно огорчила меня.

Эмили вдруг почувствовала, что ей трудно дышать. Такая своеобразная защитная реакция на ту боль, которая скрывалась в ее словах, впервые произнесенных вслух.

– А ведь я так любила тебя... так старалась угодить тебе во всем, делала все, чтобы привлечь к себе твое внимание и завоевать твою любовь. Чтобы почувствовать себя... *достойной* быть твоей дочерью. Видит Бог, я делала для этого все! – Руки Эмили непроизвольно сжались в кулаки. – Что и понятно. Ведь ты была моей *матерью*.

Ее слова эхом отозвались в огромной спальне, и она испуганно замолчала. Какое-то время она бесцельно созерцала нарисованный фамильный герб, украшавший спинку величественного ложа, на котором сейчас покоилась ее мать. Герб был старым, выцветшим от времени. Пожалуй, этому рисунку уже как минимум века два с половиной, если не больше. Два свирепых вепря сошлись воедино в непримиримой схватке. Рядом вездесущие цветки лилии, обязательная гербовая фигура на щитах французских дворян, и девиз, расположенный чуть ниже: «Победа решает все». Буквы почти неразличимы и читаются с трудом.

Эмили зябко поежилась, хотя в комнате было тепло. В замке стояла тишина, такая звенящая тишина, от которой немедленно закладывает уши. Дом, в котором когда-то кипела жизнь, превратился в пустынную скорлупу, заселенную лишь призраками прошлого. Она глянула на перстень-печатку, который носила на мизинце своей правой руки. На печатке был выгравирован их фамильный герб, но только в миниатюре. Итак, она последняя из рода де ла Мартиньер.

Эмили вдруг почти физически почувствовала, как давит на нее груз минувших столетий со всей этой нескончаемой вереницей ее предков. Как грустно, что такое благородное, такое знаменитое семейство выродилось в итоге в одну-единственную незамужнюю наследницу, тридцатилетнюю бездетную девицу. Фамилия, сумевшая сохранить себя на протяжении столетий, отмеченных множеством кровавых событий, неожиданно быстро пришла в упадок за минувшие пятьдесят лет, вместивших в себя целых две мировые войны, после которых в живых остался лишь ее отец.

Что ж, тем лучше. Меньше будет возни вокруг дележки наследства. Ведь согласно старому Кодексу Наполеона о правах наследования, майоратные привилегии были упразднены еще в правление императора. С тех далеких пор все братья и сестры имели равные права на имущество своих родителей. Уж сколько семей было разрушено при такой дележке наслед-

ства, когда один из родственников вдруг категорически отказывался продавать свою долю. Как грустно осознавать, что в ее конкретном случае как раз сработал именно майоратный принцип, когда все имущество *переходит к старшему наследнику по прямой*, то есть к ней.

Эмили вздохнула. Вполне возможно, ей тоже придется продать их фамильный замок. Но об этом сейчас не время думать. Сейчас ей надо проститься с матерью.

– Покойся с миром, мама.

Она запечатлела легкий поцелуй уже на слегка посеревшем лбу покойной и перекрестилась. Потом устало поднялась со стула и вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

2

Две недели спустя

Подхватив чашку с кофе латте и круассан, Эмили вышла через черный вход на кухне в задний дворик, утопающий в зарослях лаванды. Замок своим фасадом обращен к югу. А потому в ранний утренний час о лучшем месте для встречи солнца нового дня и мечтать не приходилось. Занимался еще один красивый день, напоенный благоуханными ароматами весны; и уже достаточно тепло, чтобы выйти на улицу в одной майке.

А два дня тому назад после обеда, когда проходили похороны Валерии и длилась долгая процедура погребения, в Париже лило как из ведра. На поминальном обеде, устроенном согласно воле усопшей в отеле «Ритц», Эмили послушно выслушала слова утешения и соболезнований от всех сильных мира сего, самых лучших из лучших представителей парижского бомонда. Дамы, почти все приблизительно такого же возраста, как и ее мать, облаченные в черное, почему-то напомнили Эмили стаю старых ворон. Старомодные шляпки самых причудливых фасонов умело скрывали их редеющие волосы, они о чем-то мило щебетали между собой, потягивая шампанское. Их тщедушные тела с возрастом словно ужались в своих размерах, а макияж на лицах был похож на гипсовую маску, ненароком приклеившуюся к обвисшей и сморщенной коже.

Когда-то, в пору своего расцвета, все эти женщины считались самыми красивыми и влиятельными дамами Парижа. Но неумолимый бег времени постепенно сдвинул их всех на обочину жизни. На смену пришло новое поколение – толпа селебритиз из числа кинозвезд и прочих разных скандальных особ полусвета. А эти дамы – все они сейчас просто доживали свой век, коротая время в ожидании смерти. От подобных мыслей Эмили захотелось плакать. Покинув «Ритц», она поймала такси и попросила отвезти к себе на квартиру. Она чувствовала себя такой несчастной. Возможно, потому что выпила вина гораздо больше обычного. Добравшись домой, она сразу же завалилась спать и проснулась лишь на следующее утро совершенно разбитой с похмелья.

Что ж, худшее уже позади, постаралась успокоить она себя и отхлебнула кофе. За минувшие две недели у нее совсем не было времени, чтобы сосредоточиться на чем-то еще, помимо похорон. Она понимала, что должна организовать для матери подобающую траурную церемонию. Уж сама Валерия все проделала бы безукоризненно, на самом высшем уровне. Что же до Эмили, то она мучилась, снедаемая самыми разными страхами и сомнениями. Что лучше? Подать к кофе крохотные кексикки или обойтись птифурами? А роскошные кремовые розы, которые так любила ее мама, подойдут ли они для украшения стола? Подобные на первый взгляд мелкие проблемы ее покойной матери приходилось решать в свое время сотнями, каждую неделю, и Валерия со всем отлично управлялась. Эмили с некой неожиданной для себя самой досадой была вынуждена признать, что испытывает невольное уважение к матери за то, с какой легкостью она вела все хозяйственные дела в своем огромном парижском особняке.

А сейчас... Эмили подставила лицо солнечному свету, ощутив его приятное тепло на своем лице. А сейчас самое время подумать о будущем.

Жерар Флавье, их семейный нотариус, который вел все дела их семейства на протяжении многих лет, в эту самую минуту уже на пути из Парижа сюда. Едет в замок, чтобы встретиться с нею. И пока он не введет ее в курс дела, пока не обрисует ей истинную картину их финансового положения, бессмысленно начинать строить какие-то планы на будущее. Эмили взяла на работе месячный отпуск. Она хорошо понимала, что предстоящее вхождение в права

на наследство сопряжено со множеством сложных процедур, на которые уйдет уйма времени. Жаль, что рядом с ней нет никого из близких, нет детей, других родственников, которые могли бы разделить с ней это бремя хлопот. К тому же она никогда не была сильна ни в юриспруденции, ни в финансах. Ее ужасала уже сама мысль о том грузе ответственности, который вскоре взвалится на ее плечи.

Кто-то потерся мягкой шерсткой о ее голую лодыжку. Она глянула вниз и увидела Фру-Фру, последнюю из маминых любимиц, оставшуюся в живых. Старенькая чихухуа жалобно смотрела на нее снизу вверх. Эмили подхватила собачонку с земли, усадила к себе на колени и ласково погладила ее за ушками.

– Сдается мне, Фру, что остались мы с тобой одни-одинешеньки на всем белом свете. А потому давай-ка мы будем беречь друг друга, ладно?

В полуослепших глазах Фру-Фру отразилась такая собачья преданность, что Эмили невольно улыбнулась. Хорошее дело – пообещать беречь собачку в будущем. Вот только как это сделать на практике? Пока Эмили и понятия не имела как. Хотя и мечтала о том дне, когда сможет окружить себя дома любимыми четвероногими питомцами. Однако ее крохотной квартирке в квартале Марэ, престижном районе Парижа на правом берегу Сены, явно будет мало-мало для содержания животных. К тому же она работает допоздна. Что тоже не способствует обзаведению собачкой. Как она может забрать Фру к себе, когда та с раннего детства привыкла к ласке и постоянному живому общению с хозяйкой?

Между тем работа Эмили была тоже связана с животными и уходом за ними. Можно сказать, что Эмили жила ради своих беззащитных и ранимых пациентов, которые даже не могли рассказать ей, что они чувствуют и где им больно.

«Как это печально, что моя дочь, судя по всему, предпочитает людям общество животных...»

Этими своими словами Валерия словно подвела черту и выразила свое отношение к тому образу жизни, который вознамерилась вести Эмили, став взрослой. Когда в свое время она объявила матери, что хочет поступить в университет и выучиться на ветеринарного врача, Валерия лишь брезгливо поджала губы. На лице матери читалось явное осуждение.

– Не понимаю, как можно днями хотеть возиться с трупиками маленьких животных, препарировать несчастных и разглядывать их внутренности.

– Мама, это всего лишь необходимый этап в обучении, но отнюдь не самоцель. Ты же знаешь, я люблю животных и хочу помогать им, – возразила Эмили запальчиво.

– Хорошо, но если ты так рвешься работать, то почему бы не начать делать карьеру в более подходящем месте? Например, в мире моды. У меня есть приятельница в журнале *«Мари Клер»*. Уверена, она сможет подыскать тебе хорошее местечко, если я обращусь к ней за помощью. Что-нибудь несложное, не очень обременительное... Разумеется, когда ты выйдешь замуж, то и думать не захочешь о работе. Быть женой и хозяйкой дома – вот твоя главная обязанность по жизни.

Эмили не винила мать за то, что та продолжала мыслить устаревшими стереотипами. Но иногда ей так хотелось, чтобы Валерия по достоинству оценила ее научные успехи и даже гордилась бы ими. Эмили была лучшей студенткой своего выпуска, а потому сразу же после окончания университета получила приглашение на работу стажером в престижную ветеринарную клинику в Париже.

– Наверное, мама все же была права. – Она тяжело вздохнула. – И я действительно отдаю предпочтение животным, а не людям.

Послышался шорох шин подъезжающей к дому машины. Эмили опустила Фру-Фру на землю и заторопилась к парадному входу, чтобы встретить Жерара.

– Ну как вы тут, Эмили? – приветствовал ее Жерар Флавье, расцеловывая по-родственному в обе щеки.

– Все хорошо, спасибо. Как добрались?

– Летел самолетом до Ниццы, а там нанял машину, которая и доставила меня прямо сюда.

Жерар миновал Эмили, открыл парадную дверь и вошел в просторный вестибюль. Остановился посреди комнаты. Окна были закрыты ставнями, и в помещении царил полумрак.

– Счастлив, что смог вырваться из Парижа и посетить одно из моих любимейших мест во Франции. Тем более весной. А что может быть прекраснее весны в Приморских Альпах?

– Я подумала, что нам стоит встретиться именно здесь, в замке, – согласилась с гостем Эмили. – Все бумаги отца и мамы в письменном столе в библиотеке. Наверное, для начала вы захотите разобраться с ними.

– Пожалуй, да. – Жерар пересек вестибюль, шагая по выщербленной мраморной плитке, которой был вымощен пол, потом мимоходом глянул на влажное пятно, расплывшееся на потолке. – Замку необходим надлежащий уход. Нужно, чтобы о нем постоянно заботились, и заботились с любовью. Я прав? – Он подавил вздох. – Все мы – увь! – стареем и ветшаем, как люди, так и все остальное. И замок – не исключение.

– Давайте пройдем через кухню, – предложила Эмили. – У меня кофе готов.

– Чудесно. Кофе – это именно то, что мне сейчас нужно, – улыбнулся в ответ Жерар и проследовал за хозяйкой по коридору вглубь дома.

– Присаживайтесь, – пригласила его Эмили, кивнув на стул, стоящий за длинным дубовым столом, а сама повернулась к плите, чтобы заново вскипятить немного воды.

– Здесь, как я посмотрю, все довольно просто. Никакой роскоши.

Жерар окинул взглядом скромно обставленную кухню, в которой было только самое необходимое.

– Да, тут все очень просто, – согласилась с ним Эмили. – Но, с другой стороны, в кухне обитали ведь только слуги. Они готовили еду и членам семьи, и их гостям. Едва ли мама за всю свою жизнь помыла в раковине хотя бы одну чашку. Очень в этом сомневаюсь.

– А кто сейчас приглядывает за замком? – поинтересовался Флавье.

– Марго Дюваль, наша домоправительница. Она служит у нас уже более пятнадцати лет. Живет в соседней деревне и каждый день приходит сюда. Всех остальных слуг мама после смерти отца рассчитала и перестала приезжать в замок каждое лето. Ей больше нравилось проводить вакации на Лазурном берегу, на яхте, которую она арендовала на это время.

– Да уж, ваша матушка любила жить на широкую ногу, это точно, – заметил адвокат, беря чашку с кофе, которую поставила перед ним Эмили. – Обожала тратить деньги, особенно на то, что считала для себя важным.

– К сожалению, замок не входил в этот перечень важных для нее вещей, – ответила Эмили, бросив отрешенный взгляд в окно.

– Это так, – согласился с ней Флавье. – Насколько я могу судить о состоянии ее финансовых дел, с которыми я пока ознакомился весьма приблизительно, расходам на замок она предпочитала траты на модный дом Шанель.

– О, мама была большой поклонницей от кутюр, и в частности стиля мадам Шанель. Это мне хорошо известно. – Эмили уселась за стол напротив адвоката со своей чашкой кофе. – Даже когда она уже была очень больна, в последний год своей жизни, она все равно неизменно присутствовала на всех показах мод.

– Валерия действительно была необыкновенной женщиной. Весьма известной к тому же. На ее кончину откликнулись, пожалуй, почти все колумнисты наших ведущих газет. Буквально шквал комментариев, – задумчиво бросил Флавье. – Но это и неудивительно. Ведь семейство де ла Мартиньер – одно из самых родовитых во Франции.

– Все так, – скорчила гримасу Эмили. – Я тоже читала эти отклики. И вот теперь в роли наследницы выступаю уже я.

– Когда-то ваша семья была баснословно богата. Но, к сожалению, Эмили, времена изменились. То есть я хочу сказать, что благородное имя Мартиньеров осталось, а вот от их состояния мало что сохранилось.

– Я так и предполагала, – совсем не удивилась Эмили.

– Вы ведь понимаете, Эмили, ваш отец никогда не был бизнесменом. Он был скорее интеллектуалом в полном смысле этого слова, человеком поистине энциклопедических знаний. Но вот к деньгам Эдуард де ла Мартиньер не проявлял ни малейшего интереса. Много раз я убеждал его вложить деньги в какой-нибудь успешный проект, сделать выгодные инвестиции, подумать, так сказать, о своем будущем и о будущем своих потомков. Но все эти разговоры оставляли его совершенно равнодушным. Правда, двадцать лет тому назад ваши финансовые проблемы были не столь остры, деньги еще были, много денег. Но полнейшее пренебрежение графа к финансам и расточительный образ жизни, который всегда вела ваша матушка, с пеленок привыкшая к роскоши и ко всему самому лучшему, сделали свое дело. В результате ваше фамильное состояние значительно уменьшилось. – Жерар подавил очередной тяжелый вздох. – Мне очень жаль, что я привез с собой не самые лучшие вести.

– Ничего страшного, – тут же поспешила успокоить его Эмили. – Нечто в этом духе я и подозревала. Я просто хочу побыстрее покончить со всеми делами, связанными со вступлением в права наследства, и вернуться в Париж, к своей работе.

– Боюсь, Эмили, ситуация не так проста, как вы предполагаете. Правда, как я уже говорил, я еще не успел вникнуть во все детали, но пока могу сказать лишь одно. На наследство уже претендует целая куча кредиторов. Причем с ними следует рассчитаться в первую очередь и как можно скорее. Ваша мать задолжала почти двадцать миллионов франков только Парижскому банку. Наверняка имеются и другие долги, о которых мне пока ничего не известно, но которые тоже нужно незамедлительно погасить.

– Двадцать миллионов франков? – задыхнулась от ужаса Эмили. – Но как такое могло вообще случиться?

– Все очень просто. Когда средства закончились, Валерия и не подумала начать ограничивать себя хоть в чем-то. Она просто стала жить на заемные деньги, только и всего. И так прожила много-много лет. Только не паникуйте, Эмили! – Жерар заметил растерянное выражение лица девушки. – Все эти долги вы сумеете легко погасить. И не только благодаря продаже парижского особняка. Хотя, думаю, только он потянет миллионов на семьдесят как минимум. А плюс еще мебель, антиквариат, которого полно в доме. Плюс знаменитая коллекция драгоценностей вашей матушки, которая хранится в банковской ячейке в ее банке, картины, другие произведения искусства, которыми тоже забит весь особняк. Так что в любом случае без денег вы точно не останетесь, Эмили. Уж вы поверьте моему слову! Другое дело, что действовать надо быстро и незамедлительно принять все необходимые меры, чтобы положить конец подобному расточительству и, соответственно, скорректировать свои планы на будущее с учетом того, что есть.

– Понятно... – медленно проговорила Эмили. – Простите, Жерар, но должна признаться, что я пошла в папу и тоже мало что смыслю в финансовых вопросах. Да и опыта у меня по этой части нет никакого.

– Понимаю. Ситуация в целом мне ясна полностью. К сожалению, родители оставили вам тяжелый груз проблем, который отныне ложится исключительно на ваши плечи. Хотя...

Жерар выразительно вскинул брови.

– Хотя всякий раз, когда веду дела о наследстве, не перестаю удивляться тому, как неожиданно вдруг и невеста откуда всплывают всякие разные родственники. Да вы и сама вскоре удивитесь тому, сколько новой родни обретете в ближайшее время.

– Что вы имеете в виду? Я вас не совсем понимаю.

– То и имею, что стервятники не преминут воспользоваться случаем. Слетятся, так сказать, на дармовую добычу. Ко мне уже пришло более двадцати писем от тех, кто заявляет, что они имеют прямое отношение к семейству де ла Мартиньеров. Уже объявились четверо ваших доселе никому не известных незаконнорожденных братьев и сестер, появившихся на свет благодаря якобы вашему отцу. Далее два кузена, какой-то дядя, какая-то служанка, работавшая в парижском доме ваших родителей еще в шестидесятые годы. Эта женщина клянется, что ваша мать обещала, что завещает ей картину Пикассо после своей смерти. – Жерар усмехнулся. – Такой наплыв претендентов можно считать вполне предсказуемым. Но в любом случае каждая из претензий на имущество должна рассматриваться, согласно французскому законодательству, исключительно в судебном порядке.

– Неужели все эти заявления имеют под собой какую-то почву?

– Маловероятно, и все же... По собственному опыту могу сказать лишь одно: я постоянно сталкиваюсь с подобной ситуацией всякий раз, когда речь идет о кончине какого-то известного или богатого человека. Но волноваться пока не стоит. – Флавье обнадеживающе пожал плечами. – Предоставьте мне разбираться с этим ворохом претензий. Вам лучше сейчас сосредоточиться на проблемах, связанных с замком. Надо решать, Эмили, что вы станете делать с ним в будущем. Как я уже говорил, все долги своей матери вы сможете легко погасить, продав парижскую недвижимость – особняк и его обстановку. Но остается еще замок... С ним надо тоже что-то решать. Насколько я могу судить по своим первым впечатлениям, он отчаянно нуждается в капитальном ремонте. Какое бы решение вы ни приняли, помните: в любом случае вы будете весьма состоятельной женщиной. И все же... Что думаете сами? Хотите продать замок или нет?

Эмили отрешенно уставилась куда-то вдаль и тяжело вздохнула.

– По правде говоря, Жерар, мне вообще ни о чем думать не хочется. Вот было бы здорово, если бы все решили вместо меня... кто-то другой. А что вы скажете про виноградники? От них есть хоть какая-то прибыль?

– И это тоже мне предстоит выяснить в ближайшие дни. Если надумаете продавать замок, то тогда виноградники можно будет исключить из пакета сделки. Станем рассматривать их как отдельное действующее предприятие, которое следует сохранить за собой и оставить на будущее.

– Продать замок, – тихо повторила Эмили слова Жерара. Произнесенные вслух, они вдруг навалились на нее тяжелой глыбой ответственности, которую ей придется сдвинуть с места уже самой. – Ведь это же родовой замок де ла Мартиньеров, который принадлежал нашему семейству на протяжении последних нескольких веков. И надо же случиться такому несчастью, что именно мне предстоит решать его окончательную участь. А между тем, – она снова вздохнула, – я и понятия не имею, какой вариант лучше.

– Конечно, не имеете, – согласился с ней адвокат. – Как я сказал, беда в том, что вы остались совсем одна. – Жерар сочувственно покачал головой. – Ну что тут можно сказать? Не мы выбираем... Довольно часто все мы оказываемся в ситуациях, которые от нас не зависят. Со своей стороны, Эмили, обещаю вам всемерную поддержку и помощь во всем. Думаю, ваш отец воспринял бы мое обещание как должное. А сейчас пойду наверх и приведу себя немного в порядок с дороги. Может, днем вместе сходим на виноградники и побеседуем с управляющим? Как смотрите?

– Не возражаю, – бросила Эмили устало. – Я открыла ставни в спальне, в той, что слева от парадной лестницы. Оттуда открывается самый лучший вид на окрестности. Вас проводить?

– Нет, не надо. Спасибо. Я ведь столько раз бывал в этом замке, что могу с легкостью найти дорогу и сам.

Жерар поднялся со стула, попрощался кивком головы с Эмили и вышел из кухни. Стал подниматься по парадной лестнице на второй этаж. На середине лестницы остановился и при-

нялся разглядывать поблекший от времени, покрытый пылью портрет одного из предков Мартиньеров. Сколько аристократических семейств во Франции канули уже в Лету вместе со своими семейными преданиями и всеми историями их подвигов. Все ушло в песок, растворилось в небытии, оставив после себя едва заметный след пребывания этих людей на земле. Вот и прославленный Жиль де ла Мартиньер, портрет которого он сейчас разглядывал. Благороднейший из дворян, храбрый воин, а по некоторым сведениям, еще и любовник Марии-Антуанетты. Интересно, каковы были бы его чувства, узнай он, что вся его родословная в итоге сведется в конце концов к одной-единственной молодой женщине? К тому же весьма странной женщине, по мнению самого Жерара Флавье.

В прошлом ему приходилось неоднократно бывать в замке, и он хорошо помнил Эмили еще ребенком. Такая некрасивая девочка, замкнутая, неохотно идущая на контакт с посторонними и никак не реагирующая на его ласковое обращение с нею. Этакое угрюмое, неприступное маленькое создание, категорически отвергающее малейшие проявления дружелюбия с его стороны. Будучи *нотариусом* до мозга костей, Жерар хорошо понимал, что его работа сопряжена не только с чисто техническими манипуляциями с документами и цифрами. Хороший нотариус обязан быть и хорошим психологом тоже, уметь мгновенно считывать настроения и чувства своих клиентов.

Но вот Эмили де ла Мартиньер по-прежнему оставалась для него загадкой.

Он с интересом наблюдал за ее поведением на похоронах матери. На протяжении всей церемонии лицо Эмили оставалось непроницаемым. Правды ради стоит признать, что с возрастом Эмили похорошела и стала гораздо лучше. Она уже больше не напоминала ту угловатую и неловкую девочку, какой была в детстве. Но замкнутость осталась. Даже сейчас, когда он разговаривал с ней на кухне, когда на нее обрушилось столько всего разного – смерть матери, ворох проблем, которые всплыли с ее уходом, все равно он не заметил на лице Эмили никаких особых переживаний или следов растерянности и скорби. Парижская жизнь наследницы Мартиньеров не имела ничего общего с ее аристократическим происхождением. Пожалуй, дистанцироваться еще дальше от своих именитых предков уже просто невозможно. Эмили вела такую тихую, неприметную жизнь заурядного столичного обывателя. А вот жизнь ее родителей, вся история их рода... Едва ли эту жизнь можно охарактеризовать как нечто заурядное. Их семья всегда была замечательной во всех отношениях: столько славных имен, столько свершений...

Жерар продолжил свой путь по лестнице. Невнятная реакция Эмили на его вопросы невольно подняла в нем волну раздражения. Что-то есть в этой девушке ускользающее, что-то такое, чего он никак не может понять. И как к ней достучаться? Как найти правильный подход? Пока Жерар и понятия не имел, с какой стороны подступиться к Эмили.

Эмили тоже поднялась из-за стола и поставила кофейные чашки в раковину. Но тут дверь отворилась, и в кухню вошла Марго, их домоправительница. При виде Эмили ее лицо радостно вспыхнуло.

– Мадемуазель Эмили, как я рада! – Марго подбежала к ней и заключила ее в свои объятия. – А я и не знала, что вы приезжаете! Почему не сообщили мне? Я бы тут все приготовила для вас.

– Я приехала поздно ночью, не стала вас беспокоить, – пояснила Эмили. – Я тоже рада видеть вас, Марго.

Марго слегка отстранилась от Эмили и окинула ее внимательным взглядом. Ее глаза были полны участия.

– Ну как вы?

– Справляюсь... как-то, – призналась Эмили без тени лукавства, чувствуя, что комок застрял у нее в горле. Она помнила эту женщину с раннего детства. Та присматривала за ней, когда Эмили совсем еще маленькой девочкой оставалась на лето вместе с отцом в замке.

– Вы сильно похудели, одни кости торчат. Вы что, не едите совсем? – Марго снова окинула ее оценивающим взглядом.

– Да ем я, Марго, ем. Не волнуйтесь, уж что-что, а полное истощение мне никак не грозит, – Эмили слабо улыбнулась и провела руками по своему телу.

– У вас прекрасная фигура, мадемуазель Эмили! Но подождите, со временем тоже расплыветесь. Станете такой же толстушкой, как и я! – Марго издала веселый смешок.

Эмили глянула на ее выцветшие голубые глаза, светлые волосы, уже тронутые сединой, и вспомнила, какой красавицей была Марго всего лишь каких-то пятнадцать лет тому назад. И при мысли о том, как же быстротечно время и как стремительно оно пожирает все на своем пути, ей опять стало грустно.

Дверь в кухню снова отворилась. Вошел мальчишка-подросток, стройный, с такими же огромными голубыми глазами, как и у матери, которые, казалось, занимали половину его худенького личика. Он бросил удивленный взгляд на Эмили, а потом вопросительно уставился на мать.

– Мам, ничего, что я сюда пришел? – обратился он к Марго.

– Мадемуазель Эмили, вы не будете против, если Антон побудет вместе со мной в замке, пока я тут работаю? Сейчас у него в школе пасхальные каникулы, а я не хочу, чтобы он торчал дома в одиночестве. Посидит здесь где-нибудь в уголке тихонько, с книжкой в руке.

– Само собой. Никаких проблем. – Эмили ободряюще улыбнулась мальчугану. Марго потеряла мужа восемь лет назад. Он погиб в автомобильной катастрофе. С тех пор она растила сына одна, выбивалась из сил, чтобы поставить его на ноги. – По-моему, здесь предостаточно места для всех нас. Разве не так?

– Так, мадемуазель Эмили! Спасибо вам, – прочувствованно поблагодарил ее Антон, подходя к матери.

– Кстати, должна предупредить, что наверху сейчас находится месье Флавье, наш семейный нотариус. Он останется в замке на ночь, Марго. – Эмили немного помолчала и добавила: – Днем мы с ним пойдем на виноградники, повидаемся с Жаном и Жаком.

– А я в это время подготовлю ему комнату. Что прикажете подать к ужину?

– Спасибо, ничего. Мы пообедаем в деревенском кафе на обратном пути.

– Тут пришли кое-какие счета за дом. Вам принести их прямо сейчас, мадемуазель? – поинтересовалась у Эмили Марго немного растерянным тоном.

– Да, конечно, – уже в который раз тяжело вздохнула та. – Теперь мне предстоит платить по всем счетам. Больше некому...

– Мне очень жаль, мадемуазель. По себе знаю, как это тяжело – остаться одной, – почувствовала ей Марго.

– Спасибо за слова поддержки, Марго. Увидимся позже.

Эмили попрощалась с матерью и сыном легким кивком головы и, покинув кухню, направилась на поиски Жерара.

Во второй половине дня Эмили в сопровождении Жерара отправилась на винодельню. Виноградники, окружавшие со всех сторон родовую замок Мартиньеров, были не такими уж и обширными. Они занимали площадь всего лишь в десять гектаров. Так что сам винодельческий бизнес их был довольно скромным – где-то двенадцать тысяч бутылок вина в год: светлорозовое, красное и белое. Большая часть продукции расходилась среди местных магазинов, ресторанов и отелей.

Внутри пещеры, в которой были оборудованы винные погреба и винодельня, было прохладно и темно. В помещении стоял стойкий запах брожения, исходивший из огромных дубовых бочек, выстроившихся в ряд по обе стороны прохода.

При их появлении Жан Бено, управляющий виноградниками и винодельней, стремительно поднялся из-за стола.

– Мадемуазель Эмили, какая приятная неожиданность! Рад видеть вас! – Он тепло расцеловал ее в обе щеки. – Отец! Взгляни, кто к нам пришел.

Жак Бено, несмотря на то что ему уже пошел девятый десяток и стало трудно ходить из-за мучившего его ревматизма, тем не менее являлся на работу каждый день. Вот и сейчас он восседал за столом и тщательно заворачивал бутылки с вином в красную тисненую бумагу. Увидев гостей, он тут же расплылся в улыбке:

– Мадемуазель Эмили! Как поживаете?

– Хорошо, спасибо. А как вы?

– Да уж больше не гоняюсь по горам в поисках диких вепрей, как бывало раньше, когда мы охотились с вашим батюшкой. – Старик издал негромкий смешок. – Но пока еще, как видите, копчу небо, дышу помаленьку.

Эмили почувствовала неожиданный прилив благодарности и нежности к этим людям: встретили ее как родную. В свое время отец был очень дружен с Жаком, а сама Эмили часто гоняла в деревню на своем велосипеде, чтобы пойти искупаться вместе с Жаном. Мальчишка был старше ее на целых семь лет и в то время казался ей уже совсем взрослым. Для Эмили он был все равно что старший брат. Всегда заботился о ней, был добр и обходителен. Сам он рос без матери. Франческа умерла, когда Жан был еще совсем маленьким ребенком. Так что Жак поднимал своего сына один, будучи вдовцом.

И отец, и сын, как, впрочем, и не одно поколение их предков, выросли в небольшом деревенском доме, буквально прилепившемся к винным погребам. В настоящее время Жан заправлял винодельческим бизнесом де ла Мартиньеров, а раньше этим занимался Жак, постепенно передавая все секреты винодельческого мастерства сыну. У него были свои особые методики того, как получить изысканный букет ароматов, смешивая воедино различные сорта винограда, произраставшего на их плантациях, или как правильно выдерживать вино, чтобы получить отменный вкус.

Эмили глянула на Жерара, семенящего за ней следом, и поняла, что чувствует он себя здесь не очень комфортно. Она оторвалась от своих воспоминаний и торопливо представила адвоката:

– Прошу знакомиться. Жерар Флавье, наш семейный нотариус.

– По-моему, мы уже встречались с вами, месье Флавье, много-много лет тому назад, – сказал Жак, протягивая ему руку для приветствия.

– Это правда. До сих пор ощущаю на своих губах изысканный вкус вашего вина, которым вы меня тогда потчевали, – улыбнулся в ответ Жерар. – Я потом часто вспоминал вас в Париже.

– Благодарю за столь лестную оценку моего труда, месье Флавье. Но должен сказать, что мой сын пошел гораздо дальше меня. Он – самый настоящий художник от виноделия. Его провансальское розовое – верш совершенства, уверяю вас.

– Наверное, месье Флавье, вы хотите проверить финансовое состояние наших дел, – вмешался в разговор Жан, чувствуя себя немного неловко от комплиментов отца.

– Да, мне хотелось бы получить от вас кое-какие цифры, касающиеся рентабельности предприятия. Я готовлю общий анализ всех дел семьи де ла Мартиньеров. Боюсь, мадемуазель Эмили придется в обозримом будущем принять ряд непростых решений, касающихся имущества семьи.

– Что ж, пока вы тут будете просматривать бумаги, пойду прогуляюсь по виноградникам, – сказала Эмили. – Все равно от меня толку никакого. Ничего не смыслию в финансах.

Она кивком головы попрощалась с тремя мужчинами и покинула винный погреб.

Уже на улице она попыталась разобраться в том неприятном смятении, которое вдруг охватило ее после последних слов Жерара. По всему выходит, что непростые решения, которые

она должна принять, представляют прямую угрозу для дальнейшего существования семейства Бено. Их образ жизни оставался неизменным на протяжении столетий. В первую очередь грядущие перемены ударят по Жану, и, кажется, он хорошо понимал, какие последствия ждут их семью, если Эмили решится продать виноградники. Новый владелец наверняка поставит на его место своего управляющего, а Жан и Жак останутся без работы. Сама мысль о таком повороте событий ужасала. Ведь Бено из поколения в поколение трудились на виноградниках. Можно сказать, что они уже давно вросли в эту землю, растворились в ней и стали ее частью.

Солнце уже клонилось к закату. Эмили неспешно шла по каменистой земле между рядами виноградных кустов с хрупкими лозами. Уже в ближайшие несколько недель они стремительно пойдут в рост, дадут обильную завязь, которая к концу лета превратится в крупный сочный виноград. А потом наступит праздник сбора винограда, и урожай всех поздних сортов будет направлен на переработку. Из него в следующем году будет изготовлено высококачественное винтажное вино с неповторимыми вкусовыми качествами.

Эмили повернулась к замку и взглянула на него. Совсем рядом, метрах в трехстах от того места, где она сейчас стояла. Она снова сокрушенно вздохнула. Розоватые стены, ставни, выкрашенные в традиционный для южных мест голубой цвет, высокие кипарисы, обрамляющие замок со всех сторон. И все это великолепие подсвечено лучами заходящего солнца. Сам дом, внешне простой, но очень элегантный, идеально вписался в окружающий ландшафт. Сдержанные линии фасада исполнены особого благородства. Что ж, в чем-то она тоже похожа на свой фамильный дом: благородство и сдержанность.

И это, по сути, все, что у нас осталось...

Эмили вдруг почувствовала прилив нежности к дому. Ведь он тоже сейчас влачит сиротское существование. Да, признанный архитектурный памятник и все такое. Но столько лет стоит в запустении, и столько лет в нем никто не живет. Однако, несмотря на вынужденное прозябание в гордом одиночестве, дом не выглядит брошенным. Он все равно сохранил в своем облике красоту и благородное достоинство. Эмили невольно подумала о том, что старый родовой замок стал для нее верным другом, настоящим товарищем в их совместной борьбе за выживание.

– Но что я могу дать тебе сейчас из того, что тебе действительно нужно? Что? – прошептала она едва слышно, обращаясь к замку. – И что мне с тобой делать? Ведь я живу своей жизнью совсем в другом месте. Я...

Эмили подавила очередной вздох и тут услышала, как кто-то окликает ее по имени. Обернулась. Жерар уже спешил к ней. Подошел ближе и, проследив за ней взглядом, тоже посмотрел на замок.

– Красив, правда?

– Да. Только я понятия не имею, что с ним дальше делать.

– Давайте прогуляемся пешком, а я в это время постараюсь изложить вам свое видение предмета нашего разговора. Может быть, вы найдете в моих рассуждениях толику полезного, что-то такое, что поможет вам определиться в главном.

– Спасибо.

Минут через двадцать, когда солнце уже спряталось за вершины соседних гор, со всех сторон окружающих средневековый городок Гасси, Эмили сидела за столиком местного кафе и внимательно слушала то, что говорил ей Жерар.

– Ваш винодельческий бизнес абсолютно нерентабелен по всем статьям, и с точки зрения объемов производства, и с точки зрения чистой прибыли. За последние несколько лет на мировых рынках произошел скачок спроса, резко увеличился объем продаж именно розового вина. Отныне розовое вино уже не рассматривается как некий бедный родственник своих более успешных сородичей – красного и белого вина. Жан надеется, что в этом году ему удастся собрать небывалый урожай, если, конечно, погода не помешает и не спутает все планы в бли-

жайшие несколько недель. Но беда в том, Эмили, что для семейства де ла Мартиньеров виноделие было всегда лишь барской прихотью, этакой разновидностью аристократического хобби, и ничего более.

– Пожалуй, вы правы, – вынуждена была согласиться Эмили с адвокатом.

– Жан, который, попутно замечу, произвел на меня впечатление человека в высшей степени компетентного и знающего свое дело, сказал мне, что после смерти вашего отца пятнадцать лет тому назад в эту отрасль не было вложено ни единого су инвестиций. Разумеется, когда-то эти виноградники закладывались с одной-единственной целью: обеспечить обитателей замка своим домашним вином отменных вкусовых качеств. Во время оно, когда ваши предки предавались здесь всяческому увеселениям, развлекая себя и своих гостей, тут было принято встречать всех на широкую ногу, и вино лилось рекой. Но времена изменились, а ваш винодельческий промысел остался таким, каким был сотни лет тому назад.

Жерар взглянул на свою собеседницу, ожидая прочесть хоть какую-то реакцию на ее лице. Ничего! Тогда он продолжил свой рассказ:

– В виноградники следует вложить деньги, живые деньги, то есть много наличных, чтобы сделать семейный бизнес конкурентоспособным. Так, к примеру, Жан считает, что можно увеличить площади, занятые под виноград, как минимум вдвое, ведь вокруг полно пустующих земель. Нужно также оснастить производство вин современным оборудованием, и тогда, по мнению Жана, виноградники начнут приносить хорошую прибыль. Все зависит от того, как вы намереваетесь распорядиться своим имуществом в будущем, – подвел черту под своим курсом Жерар. – Оставляете за собой замок и виноградники или нет? Заранее предупреждаю: и то и другое потребует больших затрат. А еще понадобится много времени, практически на это уйдет все ваше время.

Эмили выслушала Жерара в полнейшей тишине. Воздух вокруг них словно застыл в неподвижности. Даже легкий ветерок не пролетал мимо. Атмосфера тишины и покоя окутала ее со всех сторон и странным образом согрела душу. Впервые после смерти матери Эмили вдруг почувствовала некое умиротворение. Но одновременно с этим ей вдруг категорически не захотелось принимать решение сию же минуту.

– Спасибо вам, Жерар, – прочувствованно поблагодарила она старого адвоката. – Вы мне очень помогли. Но, боюсь, я не готова ответить на ваш вопрос прямо сейчас. Задай вы его мне две недели тому назад, и я, не раздумывая, ответила бы вам, что да, хочу продать и замок, и виноградники. Но сейчас...

– Понимаю, – кивнул головой в знак согласия Жерар. – Боюсь, я тоже не могу ничего посоветовать вам с точки зрения чувствований и переживаний. Могу лишь дать чисто финансовые рекомендации. Возможно, вам будет небезынтересно узнать, что после продажи вашего парижского особняка и драгоценностей, принадлежавших Валерии де ла Мартиньер, у вас будет достаточно свободных средств для того, чтобы не только привести замок и все остальное в надлежащий вид, но и вести обеспеченный образ жизни в будущем. И потом, не забывайте об отцовской библиотеке здесь, в замке. Да, ваш покойный отец не слишком интересовался бизнесом, не обращал должного внимания на состояние своей недвижимости, это так, но все его богатство сосредоточено внутри замка. Он собрал поистине уникальную коллекцию раритетных книг. Достаточно взглянуть лишь на гроссбухи, которые он вел, чтобы понять, что отец практически удвоил то собрание книг, которое досталось ему по наследству. Я, конечно, не большой специалист по антиквариату, в том числе и по старинным книгам, но хорошо представляю себе, каких огромных денег может стоить его собрание.

– Я ни за что на свете не расстанусь с папиными книгами! – горячо возразила ему Эмили, сама удившись внезапно вспыхнувшей в ней решимости. – Папа потратил всю свою жизнь на собирание этой коллекции. Ребенком я постоянно сживала вместе с ним в библиотеке, наблюдая за тем, как он работает.

– А никто этого от вас и не требует, – резонно заметил ей Жерар. – Даже если вы все же надумаете продавать замок, придется подыскать себе в Париже квартиру побольше и перевезти туда отцовскую библиотеку. А сейчас, – резко поменял он тему разговора, – я хочу есть. Не прогуляться ли нам прямо сейчас в деревню, чтобы поужинать вместе? Я собираюсь уехать завтра рано утром, а после ужина, если вы не возражаете, займусь изучением всех бумаг вашего отца, которые хранятся в его рабочем столе. Наверняка там имеются и финансовые документы.

– Конечно, не возражаю. Пожалуйста.

– Но для начала мне надо сделать пару звонков, – бросил Жерар извиняющимся тоном. – Минут через тридцать освобожусь, и мы отправимся на ужин.

Он поднялся из-за стола и скрылся в доме. Эмилия слегка расправила плечи. Она всегда чувствовала себя немного зажатой в присутствии их семейного нотариуса, хотя знала его с раннего детства. Но даже сейчас она обращалась с ним настороженно, как обычно ведут себя маленькие дети с дальними родственниками. К сожалению, мамы больше нет, и отныне все деловые вопросы ей придется решать уже самой, напрямую и вместе с ним. Пожалуй, это нечто новое и точно уж не самый приятный опыт в ее жизни.

Эмили тоже побрела в дом, размышляя по пути, что у нее складывается впечатление, будто бы Жерар откровенно диктует ей свою волю, давая указания, что и как делать. Но, разумеется, нет! Она ошибается. Он ведь просто хочет помочь ей. Но тогда почему в его глазах время от времени читается обида и даже откровенное негодование? Наверное, он полагает – и совершенно справедливо, кстати! – что она совсем не подходит на роль последней хозяйки родового замка де ла Мартиньеров. Не по плечу ей тот груз истории, который довлеет на наследниками славной фамилии. Да она и сама отлично понимает, что нет в ней ни блеска, ни шика, ни славы, которыми обладали ее предки. Будучи рожденной в такой знаменитой семье, она всю свою жизнь стремилась лишь к одному: быть самым обычным, заурядным человеком.

3

Рано поутру Эмили услышала звук отъезжающей от замка машины Жерара. Она еще лежала в постели, узенькая такая кровать, на которой спала в детстве. Окна в комнате выходили на северо-запад, а потому в спальне царил полумрак, ибо ранние солнечные лучи сюда не проникали. Конечно, размышляла Эмили, ничто и никто не мешает ей сейчас занять любую из тех роскошных нарядных спален, которые выходят своими окнами на фасад дома. Из них ведь открывается такой чудесный вид и на парк, и на окружающие замок виноградники.

Фру-Фру, которая вчера вечером отчаянно просилась к ней в кровать, пока Эмили не сдалась и не позволила ей занять место рядом с собой, заслышав шевеление, немедленно стала лаять на дверь, давая понять, что ей пора на улицу по своим делам, совершать, так сказать, утренние процедуры.

Спустившись вниз на кухню, Эмили сварила себе кофе, а потом направилась по коридору в библиотеку. Огромная комната с высокими потолками, в которой отец постоянно держал ставни на окнах закрытыми, чтобы предохранить книги от солнечного света. Немного затхлый запах, но такой привычный и знакомый ей с самого раннего детства. Она поставила чашку с кофе на старый письменный стол отца, обтянутый сверху кожей, потом подошла к окну и распахнула ставни. Мириады пылинок весело заплясали в лучах солнца, подхваченные со своих мест легким дуновением ветерка.

Эмили уселась возле окна и окинула взглядом бесконечные ряды книжных стеллажей, уходящих вверх до самого потолка. Она и понятия не имела, сколько книг числится в отцовской библиотеке. В последние годы жизни отец занимался составлением каталогов своего собрания, но при этом постоянно пополнял его все новыми и новыми книгами. Она поднялась с места и медленно прошла по комнате. Со всех четырех сторон ее окружали книги. Высота стеллажей тоже раза в четыре превышала ее собственный рост. В какое-то мгновение ей показалось, что книги тоже изучают ее, словно гадая, какую участь готовит им новая хозяйка.

Эмили вдруг вспомнила, сколько счастливых часов своего детства она провела здесь, в библиотеке, вместе с отцом, играя в «Алфавит». Игра заключалась в том, что она должна была назвать две любые буквы из алфавита в любом порядке. И отец тут же начинал шарить по стеллажам в поисках книги, у автора которой были точно такие же инициалы. Крайне редко отцу не удавалось найти нужное. Несмотря на все ухищрения дочери, даже тогда, когда она выдумывала такие заковыристые пары, как X и Z, отец, поразмыслив немного, извлекал из дальнего угла пожухлый, растрепанный экземпляр книги какого-нибудь китайского философа или тонюсенький сборник стихов давным-давно забытого русского поэта.

Годами наблюдая за тем, как ловко отец манипулирует со своими книгами, Эмили, кажется, сейчас впервые пожалела о том, что мало обращала внимания на его эклектические методы каталогизации книг и способы их расстановки. Достаточно лишь беглого взгляда на стеллажи, чтобы понять, что книги на них расставлены отнюдь не в алфавитном порядке. Вот взять хотя бы полку, перед которой она сейчас стоит. На ней уместились труды Платона, а рядом стоят романы Диккенса и произведения Ги де Мопассана.

К тому же она прекрасно понимала, что коллекция столь обширна, что едва ли те каталоги, составлением которых занимался отец и которые сейчас хранятся в недрах его письменного стола, смогли охватить все собрание. Скорее всего, успел копнуть неглубоко, скользнув лишь по поверхности. А вот свой главный секрет, *умение* почти мгновенно находить на полках нужную ему книгу, эту свою тайну отец унес вместе с собой в могилу.

– Если мне все же придется продавать замок, куда же мне вас всех деть? – прошептала Эмили, обращаясь к книгам.

Книги безмолвно взирали на нее со своих полок. Тысячи брошенных детей, осознающих, что отныне их будущее в ее руках. Пора стряхнуть с себя наваждение прошлого и вернуться в день сегодняшний. Нельзя же поддаваться исключительно эмоциям. Если она решится на продажу замка, что ж, тогда для книг придется подыскать другое место. Эмили закрыла ставни на окне и вышла из библиотеки, а книги снова погрузились в привычный для них мрак.

Остаток утра Эмили провела, обследуя все углы замка и суя свой нос в каждую щель. Совершенно неожиданно для себя она вдруг оценила красоту фриза, насчитывающего уже более двухсот лет, которым был украшен потолок в роскошной гостиной, обставленной элегантной старинной мебелью. Французская мебель, несмотря на всю свою ветхость, все равно производила впечатление утонченного изящества и роскоши. А сколько в замке картин... Буквально все стены увешаны ими.

Ближе к полудню Эмили заглянула на кухню, чтобы напиться воды. Выпила с жадностью, чувствуя себя немного не в своей тарелке, как это бывает по утрам, когда вдруг просыпаешься от нехорошего сна. Красота, окружавшая ее со всех сторон, та красота, которую она, кажется, впервые заметила именно в это утро, – она ведь, если задуматься, была той средой, в которой Эмили выросла и росла. Так почему же раньше она не обращала внимания на все это величие? Почему не воздавала ему должного? И вот сегодня она впервые испытала чувство, отдаленно похожее на восторг, увидев в замке не просто родовое гнездо ее предков, имущество, которое должно перейти к ней на правах наследования, то самое имущество, которое доселе казалось ей петлей, насильно наброшенной на ее шею и от которой следует освободиться, причем незамедлительно. Нет, она вдруг увидела нечто значительно большее и важное.

Этот прекрасный дом, со всем тем богатством, которым наполнились его комнаты, он отныне *принадлежит ей*.

Внезапно Эмили почувствовала, что голодна. Ткнулась в пустой холодильник, пошарила по кухонным шкафчикам. Безрезультатно! Подхватив на руки Фру-Фру, она направилась к машине: усадила собачку на сиденье рядом с собой и поехала в Гасси. Припарковала машину и поднялась по древним ступенькам лестницы на вершину холма. Там на бульваре расположились местные рестораны и бары. Она села за столик возле самого края террасы, чтобы иметь возможность лицезреть прекрасный пейзаж, открывающийся взору с высоты. Она заказала небольшой графин розового вина и овощной салат и с наслаждением подставила лицо лучам полуденного солнца, которое уже пекло во всю силу. Мысли продолжали беспорядочно кружиться в голове.

– Прошу прощения, мадемуазель! Вы ведь Эмили де ла Мартиньер, не так ли?

Она приставила руку к глазам, чтобы защитить их от солнца, и глянула на мужчину, застывшего возле ее столика.

– Да.

Эмили бросила на него вопросительный взгляд.

– Буду очень рад познакомиться с вами. – Мужчина протянул ей руку для приветствия. – Меня зовут Себастьян Каррузерс.

Эмили слегка пожала протянутую руку.

– Мы с вами встречались?

– Нет.

Эмили обратила внимание на отличный французский своего собеседника, правда, с легким английским акцентом.

– Тогда могу я у вас поинтересоваться, откуда вы меня знаете? – отрывисто бросила она, теряя терпение.

– О, это очень длинная история. С которой я бы охотно поделился с вами. Вы кого-то ждете? – Мужчина кивнул на свободный стул.

– Я? Нет, я никого не жду, – Эмили растерянно покачала головой.

– Вы позволите мне присесть рядом с вами и кое-что объяснить?

Не успела Эмили возразить незнакомцу, как Себастьян уже плюхнулся на стул, стоящий напротив нее. Теперь когда солнце уже больше не слепило глаза, она смогла получше разглядеть незнакомца. Приблизительно одного возраста с нею, сухощавый, стройный, одежда, явно дорогая и отменного качества в стиле «кэжуал», сидит на нем с небрежной элегантностью. Симпатичные веснушки вокруг носа, каштановые волосы, светло-карие глаза.

– Примите мои соболезнования в связи с кончиной вашей матушки, – начал он первым.

– Спасибо, – ответила Эмили учтивым тоном человека, получившего хорошее воспитание, и отхлебнула глоток вина из своего бокала. И тут же добавила: – Бокал вина?

– Не откажусь, – с радостью согласился Себастьян и махнул рукой официанту, который тут же поставил перед ним пустой бокал. Эмили налила в него из графина немного вина.

– Откуда вы знаете о смерти моей мамы? – поинтересовалась она между делом.

– Ну, положим, во Франции об этом знают все, – многозначительно бросил в ответ Себастьян. – Валерия де ла Мартиньер была ведь довольно известным человеком, не так ли? Могу лишь еще раз выразить вам свои самые искренние соболезнования. Вы сейчас переживаете очень непростое время.

– Это так, – ответила Эмили напряженным голосом. – Так вы англичанин?

– Догадались, да? – Себастьян делано округлил глаза от якобы охватившего его ужаса. – А я ведь так старался избавиться от своего акцента! Видит Бог, я действительно старался. Я целый год изучал в Париже искусство и живопись. И сейчас вполне могу себя охарактеризовать как работающего франкофила, получающего еще к тому же и деньги за свое увлечение.

– Понятно, – неопределенным тоном пробормотала Эмили. – Но...

– Да, разумеется, – мгновенно согласился он. – Это ни в коей степени не объясняет, почему я знаю вас как Эмили де ла Мартиньер. Дело в том, – он несколько экзальтированно поднял глаза вверх, – дело в том, что вся история нашего заочного знакомства началась очень давно и уходит своими корнями в далекое прошлое.

– Так вы мой родственник? – спросила у него Эмили, немедленно вспомнив слова Жерара, который только накануне, вчера вечером, предупреждал ее о наплыве потенциальных родственников и наследников.

– Нет, определенно нет! – улыбнулся в ответ Себастьян. – Хотя моя бабушка наполовину француженка. Недавно я узнал, что в годы Второй мировой войны она тесно сотрудничала с Эдуардом де ла Мартиньером. Как я понимаю, это ваш отец.

– Ох, вот в чем дело, – коротко отреагировала на его слова Эмили. К своему стыду, она практически ничего не знала о прошлом отца. Частично и потому, что он сам никогда не любил особо распространяться на эту тему. А вот этот англичанин... Он явно ее нервирует. Чего он хочет? Чего добивается от нее? – Я плохо осведомлена об этом периоде жизни своего отца, – подвела она черту.

– Да я тоже не сильно интересовался прошлым своей бабки, пока она сама не рассказала мне кое-что перед смертью. Она сказала, что была здесь во время оккупации. И много рассказывала о том, каким храбрым и мужественным человеком был Эдуард.

– Я ничего не знаю об этом. – Эмили почувствовала, как комок подступает к ее горлу. – Поймите, я родилась, когда моему отцу было уже за шестьдесят. То есть спустя более двадцати лет после окончания войны.

– Понимаю, – с готовностью согласился с ней Себастьян.

– К тому же, – Эмили снова отхлебнула немного вина, – мой отец был не из тех людей, которые любят бравировать своими подвигами.

– Моя бабушка, кстати, ее звали Констанцией, очень уважительно отзывалась о нем. От нее же я узнал и о существовании прекрасного замка в окрестностях Гасси. Бабушка расска-

зывала, что останавливалась в замке в свою бытность во Франции. Он ведь расположен совсем рядом с деревней, не так ли?

– Так. – В эту минуту официант принес Эмили салат. И она снова из чистой вежливости поинтересовалась у собеседника: – А вы будете кушать?

– Если вы ничего не имеете против моего общества, то с удовольствием.

– Конечно, не имею.

Себастьян сделал заказ, и официант удалился.

– Итак, что же конкретно привело вас в Гасси? – спросила Эмили.

– Хороший вопрос, – улыбнулся в ответ Себастьян. – После того как я получил в Париже степень в области изящных искусств, я решил уже профессионально заняться искусством. В настоящий момент я являюсь владельцем небольшой картинной галереи в Лондоне, но большую часть своего времени трачу на поиски редких и старинных картин, главным образом под заказ своих клиентов. В частности, на сей раз я приехал во Францию, чтобы постараться убедить одного человека, у которого имеется Шагал, продать эту картину мне. Он живет в Грасе, то есть совсем рядом. А я тут как раз прочитал в газетах некролог, извещавший о смерти вашей матери. Все рассказы бабушки о связях с вашим семейством немедленно всплыли в моей памяти. Вот я и решил сделать короткую остановку по пути в Грас и своими глазами взглянуть на замок, о котором я столько слышал. У вас здесь очень красивая деревня.

– Красивая, – согласилась с ним Эмили, немного сбита с толку этим немного странным разговором.

– Так вы живете в замке, Эмили? – спросил Себастьян.

– Нет, – коротко обронила она. Напористость собеседника и его манера задавать вопросы прямо в лоб немного напрягала. – В настоящее время я проживаю в Париже.

– О, у меня в Париже полно друзей, – почему-то страшно обрадовался Себастьян. – Когда-нибудь, я на это сильно надеюсь, у меня появится больше свободного времени, чтобы пожить во Франции. Но пока я пытаюсь упрочить свою репутацию арт-дилера у себя в Великобритании. То, что мне так и не удалось заполучить Шагала для своего клиента, конечно, факт огорчительный. По сути, эти переговоры стали моим своеобразным дебютом в высшей лиге тяжеловесов от искусства.

– Сочувствую, – сказала Эмили.

– Благодарю. Постараюсь справиться с неудачей. А у вас в замке не завалилось чего-нибудь бесполезного? Вдруг есть пара-тройка картин, не представляющих никакой ценности, от которых вы бы с радостью избавились, а?

В глазах Себастьяна вспыхнули веселые огоньки.

– Понятия не имею, – честно призналась ему Эмили. – Кстати, оценить коллекцию живописи, хранящуюся в замке, мне еще предстоит. Этот пункт тоже значится в списке моих ближайших неотложных дел.

– Уверен, для этой цели вы пригласите лучших парижских экспертов, которые смогут не только точно атрибутировать полотна, но и определить их стоимость. Но если вам нужен знающий гид с хорошо наметанным глазом прямо сейчас, то я к вашим услугам.

Официант принес Себастьяну его заказ – горячий сэндвич с сыром и ветчиной. Он извлек из кармана бумажник и протянул свою визитку Эмили.

– Вот, убедитесь сами. У меня с законом все в порядке. Вполне легальная деятельность. А в случае необходимости могу представить рекомендации от своих клиентов.

– Вы очень любезны, но всеми этими вопросами занимается наш семейный нотариус, – чересчур поспешно отреагировала на предложение Себастьяна Эмили. Причем, как ей самой показалось, ее реплика прозвучала несколько высокомерно.

– Конечно-конечно, – тут же согласился с нею Себастьян и снова наполнил их бокалы вином из графина, после чего взялся за свой сэндвич. – Могу я поинтересоваться, – он опять резко поменял тему разговора, – чем вы занимаетесь в Париже?

– Работаю ветеринарным врачом в большой клинике в квартале Марэ. Деньги там, правда, небольшие, но сама работа мне очень нравится.

– В самом деле? – Себастьян удивленно вскинул брови. – Вы меня поразили. А я-то думал, что вы с вашим происхождением и родословной занимаетесь чем-то таким очень гламурным. Ну если у вас вообще есть необходимость работать...

– Вы не один, кто так думает... Простите, но мне уже пора.

Эмили нетерпеливо махнула рукой в сторону официанта, чтобы тот поскорее принес счет.

– Прошу простить меня, Эмили, – сокрушенно повинился Себастьян. – Мои слова действительно несколько банальны. На самом деле я имел в виду другое. Я вовсе не хотел обидеть вас. Напротив! Я хотел сказать, что вы большая молодец.

Эмили вдруг охватило непреодолимое желание бежать прочь от этого назойливого мужчины, буквально засыпавшего ее своими вопросами. Она схватила сумочку, достала оттуда несколько франков и положила их на стол. Потом подхватила на руки Фру-Фру и, бросив на прощание «Рада была познакомиться», быстрым шагом отошла от стола. Так же стремительно она сбежала по ступенькам лестницы по направлению к своей машине. Слова Себастьяна странным образом разбередили ей душу, и она почувствовала, что еще немного, и она расплачется.

– Эмили! Пожалуйста, подождите!

Сделав вид, что она не расслышала возгласа у себя за спиной, Эмили лишь еще более ускорила свой шаг, но Себастьян все же нагнал ее.

– Послушайте, – проговорил он, слегка запыхавшись. – Мне действительно очень жаль, если я чем-то обидел вас. Кажется, у меня просто талант говорить невпопад. – Себастьян поравнялся с Эмили и зашагал рядом. – Если это хоть как-то оправдает меня в ваших глазах, то спешу сообщить, что, к сожалению, я тоже родился с тяжелым грузом наследственности. Включая полуразвалившийся дом в Йоркшире, который мне надлежит – так, во всяком случае, считает моя родня – отреставрировать и сохранить для потомков. Хотя на сегодняшний день у меня нет за душой ни пенни на подобное мероприятие.

Они подошли к машине, и Эмили поневоле была вынуждена остановиться.

– Так продайте его? – предложила она.

– Не могу. Это наше родовое гнездо. И потом, – он обреченно пожал плечами, – все так запутано. Нет-нет, никаких слезливых историй! Я не стану посвящать вас в собственные проблемы. Просто мне хочется, чтобы вы поняли: я тоже знаю по себе, каково это жить, когда над тобой постоянно довлеет прошлое твоих предков.

Эмили стала молча рыться в сумочке в поисках ключей от машины.

– Я вовсе не намереваюсь состязаться с вами по степени родovitости и прочее, – продолжил Себастьян свои путанные объяснения. – Просто пытаюсь сказать, что все это мне хорошо понятно. И я действительно сочувствую вам.

– Спасибо, – Ключи наконец отыскались. – Но мне пора ехать.

– Так я прощен?

Она отвернулась от машины и посмотрела на него, досадуя на собственную чувствительность, но все еще не в силах справиться с обуревающими ее эмоциями.

– Я просто... – Эмили отрешенно глянула на утопающие в зелени луга, раскинувшиеся внизу, мучительно подбирая нужные слова, чтобы все правильно объяснить этому чересчур назойливому англичанину. – Я просто хочу чего-то добиться в этой жизни сама. Чтобы люди судили обо мне не по фамилии...

– Понимаю, я и сам поступил точно так же. Не смею вас более задерживать, но честно! Я очень рад нашему знакомству. – Себастьян протянул ей руку для прощания. – Удачи вам во всем!

– Спасибо. До свидания.

Эмили открыла дверцу машины и усадила уже заметно нервничающую Фру-Фру на переднее сиденье. Потом залезла сама, включила двигатель и медленно поехала вниз по холму, пытаясь разобраться в собственных чувствах. Почему она так болезненно отреагировала на слова этого человека? Может, он слишком прямолинеен? Французы все же предпочитают более формальный стиль общения, особенно при первом знакомстве. Непосредственность Себастьяна явно застала ее врасплох. С другой стороны, возразила она сама себе, он просто пытался быть с ней дружелюбным. Нет, дело тут не в нем. Дело в *ней самой*. Себастьян невольно задел самое больное место в ее душе, отсюда и ее чрезмерная реакция на его слова. Эмили посмотрела в ветровое стекло. Себастьян тоже спускался вниз с холма в нескольких метрах впереди нее. Она вдруг почувствовала себя страшно виноватой.

Тебе уже целых тридцать лет, разозлилась она мысленно на саму себя. И ты вольна распоряжаться наследством Мартиньеров по собственному усмотрению. Делай с ним что хочешь. Может, пришло уже время начать вести себя как взрослая самостоятельная женщина, а не как неуравновешенный подросток?

Когда машина поравнялась с Себастьяном, Эмили сделала глубокий вдох и опустила боковое стекло.

– Ну раз вы приехали сюда, чтобы взглянуть на замок, то было бы огорчительно, если бы вы уехали, так и не увидев его. Хотите, Себастьян, я прокачу вас туда прямо сейчас?

– Вы это серьезно? – Удивление разлилось по лицу Себастьяна, оно же звучало и в его голосе. – Конечно, я был бы счастлив взглянуть на замок. Особенно в обществе человека, который хорошо знает дом изнутри.

– Тогда садитесь, – она наклонилась к дверце и открыла ее, приглашая его занять пассажирское место.

– Спасибо, – Себастьян мигом запрыгнул в салон и захлопнул за собой дверцу. Машина снова покатила вниз по холму. – Но я все еще переживаю, что невольно расстроил вас. Вы точно уже простили меня?

Эмили тяжело вздохнула:

– Вы тут совсем ни при чем, Себастьян. Тут все дело во мне. При малейшем упоминании имени Мартиньеров меня словно заклинивает. Психолог назвал бы такое поведение «срабатыванием триггера». Надо учиться изживать этот комплекс.

– У нас у всех полно своих комплексов. В том числе присутствует и комплекс неполноценности, особенно если речь идет о предках, которые были более успешными, более могущественными и значимыми, чем мы, сырые.

– Вот такой сильный характер был у моей матери, – задумчиво бросила Эмили. – С ее уходом в жизни многих людей образовалась самая настоящая дыра. Но вы правы. Сильный характер – это судьба. Боюсь, я не такая. Я всегда знала, что мне не под силу тянуть на себе груз ответственности за фамильную честь семьи Мартиньеров.

Кажется, два выпитых бокала вина изрядно развязали ей язык, мелькнуло у нее. Но как-то она не почувствовала ни капли неловкости, пустившись на откровенности. И это почему-то возбуждало. Но и пугало тоже.

– К сожалению, не могу сказать то же самое о своей матери, – ответил ей признанием на признание Себастьян. – Впрочем, она предпочитала, чтобы мы, дети, называли ее Викторией. По правде говоря, я ее совсем не помню. Она родила меня и моего маленького братишку в колонии хиппи в Штатах. Когда мне исполнилось три годика, а младшему – два, она привезла нас в Англию и швырнула на руки своим родителям, моим дедушке и бабушке, которые жили

в Йоркшире. А через пару недель укатила прочь, оставив детей на попечение стариков. С тех пор я ее не видел. Больше мы о ней никогда и ничего не слышали.

– Ах, Себастьян, – только и смогла вымолвить потрясенная Эмили. – Так вы даже не знаете, жива ли ваша мать сегодня?

– Нет, не знаю. Маму нам с братом заменила бабушка. Нас привезли к ней и бросили на ее попечение совсем малышами, и бабушка *стала для нас* всем тем, чем обычно является для детей мать. Честно признаюсь, если бы я где-нибудь увидел свою мать, на улице, в толпе людей, где-то в доме, то я бы даже не узнал ее.

– Вам повезло, что у вас была такая замечательная бабушка. Но все равно это очень грустно. – В голосе Эмили звучало нескрываемое сочувствие. – И отца своего вы тоже не знаете?

– Нет. Я даже не уверен, что у нас с братом был один отец. Потому что уж очень мы разные. Но в любом случае...

Себастьян оборвал себя на полуслове.

– А что ваш дедушка? – поинтересовалась у него Эмили.

– Дедушка умер, когда мне было пять лет. Он был прекрасным человеком. В годы войны сражался в Северной Африке, был тяжело ранен на фронте, и последствия этого ранения потом отравляли всю его оставшуюся жизнь. Мои дедушка и бабушка обожали друг друга. А потому со смертью дедушки бедняжка Констанция в полном смысле этого слова осиротела: потеряла не только горячо любимого мужа, но и свою единственную дочь тоже. Пожалуй, лишь осознание того, что она должна поставить нас с братом на ноги, и давало ей силы жить. Совершенно потрясающая была женщина. Кремень, а не человек! Даже в свои семьдесят пять оставалась бодрой, крепкой, подвижной. А потом внезапно заболела и сгорела буквально за неделю. Не уверен, что среди нынешнего поколения есть похожие люди. – Голос Себастьяна был исполнен неподдельной грусти. – Что-то я, однако, разболтался. Прошу простить меня.

– Не за что вам извиняться передо мной. Для меня это даже своеобразное утешение – знать, что кто-то еще рос в сходных и весьма непростых обстоятельствах. Иногда, – продолжила Эмили, подавив очередной вздох, – мне кажется, что иметь богатое прошлое так же плохо, как и не иметь прошлого совсем.

– Согласен целиком и полностью, – Себастьян энергично кивнул головой и улыбнулся. – Бог мой! Если бы кто-то из посторонних сейчас услышал наш разговор, то наверняка подумал бы, что вот двое мажоров, пресыщенных всеми благами жизни, сокрушаются о самих себе, посыпая голову пеплом. Не будем забывать, что мы пока живем еще не на улице. Разве не так?

– Так, – согласилась с ним Эмили. – Но всегда найдутся и те, кто будут думать именно так, как вы только что сказали. Во всяком случае, обо мне. И их тоже можно понять. Они же не видят того, что скрывается за слоем позолоты и мишуры. А вот и замок. Взгляните! – Она махнула рукой в сторону родительского дома.

Прямо перед ними на некотором расстоянии возвышался сказочно красивый дворец, окрашенный в бледно-розовый цвет, элегантно утонченный, поражающий взгляд изяществом стиля и декора. Замок уютно примостился в долине, раскинувшейся перед ними. Себастьян восхищенно присвистнул:

– Вот это да. В жизни не видел подобной красоты. Точь-в-точь как мне рассказывала о нем бабуля. И к тому же полный контраст с нашим фамильным гнездом в Йоркшире, затерявшимся среди тамошних болот и пустошей. Впрочем, суровая природа тех мест тоже придает своеобразное очарование Блэкмор-Холлу, но уже по-другому, – добавил он.

Эмили свернула машину на длинную подъездную дорогу, ведущую к парадному крыльцу, затем объехала дом и припарковала машину на заднем дворе. Заглушила мотор, и они вышли на улицу.

– Вы уверены, что сейчас у вас есть время устраивать для меня экскурсии? – Себастьян бросил на нее вопросительный взгляд. – В конце концов, я могу приехать сюда и в другой раз.

– Не волнуйтесь, все в порядке, – поспешила успокоить его Эмили и направилась в сопровождении Фру-Фру к крыльцу. Себастьян последовал за ней, они вошли в коридор, потом на кухню.

Эмили повела его по другим комнатам. Они медленно переходили из одной залы в другую. Себастьян то и дело, останавливался, внимательно разглядывал картины на стенах, мебель, огромное количество всяческих безделушек и прочих произведений искусства, которыми были сплошь уставлены все каминные полки, бюро и столики. Все они были покрыты толстым слоем пыли, целый кладезь недооцененных и заброшенных вещей. Они вошли в утренний будуар, и Себастьян тут же устремился к полотну, висевшему на одной из стен.

– Эта картина напоминает мне полотно Матисса, датированное 1904 годом. *«Роскошь, покой и наслаждение»*. Он написал эту картину в Сен-Тропе. Здесь та же пунктирная манера изображения предметов. – Себастьян осторожно прошелся пальцами по полотну. – Правда, это в чистом виде пейзаж. Скалы, море, и никаких фигур людей.

– *«Роскошь, покой и наслаждение»*, – повторила Эмили название картины, но уже по-английски. – Помню, как отец читал мне стихотворение Бодлера *«Приглашение к путешествию»*.

– Да, это Бодлер! – воскликнул Себастьян, явно обрадованный тем, что Эмили тоже знает это стихотворение. – А для Матисса оно стало источником вдохновения, и он нарисовал свою картину. Она сейчас экспонируется в Национальном музее современного искусства в Париже. – Он снова взглянул на полотно, висевшее перед ним. – К сожалению, здесь нигде не просматривается его подпись. Во всяком случае, я ничего не вижу. Вполне возможно, подпись скрывается под рамой. А может, он вполне сознательно не подписал свое полотно. Но стиль, художественная манера практически идентичны тому, что мы видим на других полотнах Матисса, в частности, тех, которые он создал в Сен-Тропе. А оттуда до ваших мест рукой подать. Я прав?

– Мой отец был знаком с Матиссом в Париже, – задумчиво бросила Эмили. – Наверняка художник регулярно посещал салоны для творческой интеллигенции, которые отец устраивал, живя в столице. Он очень любил Матисса и часто говорил о нем. Но мне ничего не известно о том, посещал ли художник наш замок.

– Как многие художники и писатели того времени, Матисс с началом Второй мировой перебрался на Юг, подальше от всех ужасов войны. Так что исключать такую возможность никак нельзя. О, я просто обожаю Матисса. Можно сказать, он – страсть всей моей жизни. – Голос Себастьяна дрогнул от переизбытка охвативших его чувств. – Можно мне снять картину со стены? Вдруг подпись находится на обороте? Иногда ведь художники дарят свои полотна в знак глубокого уважения или благодарности щедрым хозяевам или своим благодетелям. Ваш батюшка был наверняка из числа таких.

– Конечно, снимайте, – Эмили подошла поближе к Себастьяну, наблюдая за тем, как он, осторожно обхватив раму обеими руками, бережно снял картину, явив взору кусок невыцветших обоев на стене. Потом он так же осторожно перевернул картину тыльной стороной к себе, и они вместе с Эмили принялись изучать обратную сторону холста. Никаких подписей они там не обнаружили.

– Ничего, это еще не конец света, – успокоил Эмили Себастьян. – Если бы Матисс подписал картину, то это лишь упростило бы процесс атрибуции, и только. Но все равно это его работа.

– Вы так считаете?

– С учетом того, о чем вы мне только что поведали, с учетом того, что на полотне мы видим тот же штриховой стиль, с которым Матисс экспериментировал как раз в те годы, когда писал *«Роскошь, покой и наслаждение»*, я более чем убежден, что картина принадлежит кисти

Матисса. Само собой, в обозримом будущем ее нужно будет обязательно показать экспертам для окончательного вердикта.

– А если это и правда *Матисс*, то сколько, по-вашему, может стоить такое полотно?

– Не стал бы гадать. Тем более подпись отсутствует. Да и оценочного опыта у меня пока маловато. Как известно, Матисс был очень плодовитым художником и прожил долгую жизнь, очень долгую. А вы что, хотите продать картину?

– Вот еще одна проблема, которую мне тоже надо будет решать в ближайшем будущем. – Эмили обреченно повела плечами.

– В таком случае, – Себастьян с теми же мерами предосторожности вернул полотно на прежнее место, – у меня есть выход на высококвалифицированных экспертов-искусствоведов, которые с большой долей вероятности охотно согласились бы помочь вам определить аутентичность картины. Впрочем, ваш нотариус вполне может проделать это и сам, без моего участия. Благодарю вас за то, что показали мне эту картину, а заодно и позволили ознакомиться с замком, так сказать, изнутри. Прекрасный замок!

– Не стоит благодарностей, – сдержанно ответила Эмили, и они покинули утренний будуар.

– Между прочим, – заметил Себастьян, уже стоя в вестибюле, сосредоточенно почесав себе затылок, – насколько я помню, бабушка еще упоминала о каком-то совершенно фантастичном собрании редких книг, которое она видела в замке. Или я что-то придумываю?

– Нет, все правильно, – подтвердила ему Эмили, только сейчас спохватившись, что библиотеку во время экскурсии по замку она гостю так и не показала. – Библиотека здесь рядом. Пойдемте.

– Благодарю вас. Но это при условии, что у вас еще есть время, – куртуазным тоном ответил ей Себастьян.

– Есть.

Едва переступив порог библиотеки, Себастьян замер в немом восхищении.

– Боже мой, – выдохнул он, медленно двинувшись вдоль стеллажей с книгами. – Уникальная коллекция! И сколько же здесь книг, интересно? Пятнадцать тысяч? Двадцать?

– Понятия не имею.

– А каталог имеется? Или хотя бы алфавитный перечень? В каком порядке расставлены книги?

– Порядок расстановки выбирал отец. Судя по всему, он придерживался того порядка, который соблюдал уже его отец и дед. И прадед... Ну и так далее, на протяжении более двух с половиной столетий. Но наверняка новые поступления все же вносились в каталог. – Эмили кивнула головой на толстые гроссбухи в кожаных переплетах, стопкой лежавшие на письменном столе отца.

Себастьян взял одну из книг, открыл ее и пролистал несколько страниц. Десятки, сотни записей о новых поступлениях, сделанных безупречным почерком покойного де ла Мартиньера.

– Конечно, это не моего ума дело, Эмили. Но должен доложить вам, что это совершенно необычная коллекция книг. Насколько я могу судить по записям, сделанным вашим отцом, он покупал много раритетных книг: инкунабулы, самые первые издания и прочее. И это уже не говоря о том, сколько редких книг насчитывалось в собрании и до того, как он стал пополнять библиотеку новыми приобретениями. Не удивлюсь, если узнаю, что это самое полное собрание книжных раритетов во Франции. Но все же книги нужно соответствующим образом обработать, внести в каталог, создать базу данных.

Эмили безвольно опустилась в кожаное кресло отца, стоявшее рядом с письменным столом.

– Ну вот, – едва слышно прошептала она. – Теперь еще и книги. С каждым днем работы только прибавляется. У меня такое впечатление, что упорядочение имущественных дел моих родителей потребует от меня в скором времени загрузки на полный рабочий день. А как же моя основная работа?

– Но работа здесь того стоит, поверьте мне, – проговорил Себастьян убедительным тоном.

– Да, но у меня есть еще и своя жизнь... Другая жизнь, и она мне нравится. Все тихо... – Эмили хотела закончить «и спокойно», но слишком уж звучит странно, а потому она сказала: – Упорядоченно.

Себастьян подошел к ней и, опустившись на одно колено, ухватился рукой за кресло для равновесия.

– Я очень хорошо понимаю вас, Эмили. Но если вы хотите вернуться к своей прежней жизни, тогда просто нужно найти людей, которым бы вы доверяли, как самой себе. И пусть они занимаются всеми этими делами вместо вас.

– Да, но *кому я могу доверять?* – спросила Эмили, не адресуя свои слова никому конкретно.

– Для начала вашему нотариусу. Вы же сами о нем упоминали. Передоверьте ему все хлопоты, и дело с концом, – предложил Себастьян.

– Но ведь... – Эмилия почувствовала, как слезы снова подступили к ее глазам. – Но ведь это же моя прямая обязанность – позаботиться о семейном наследии и обо всем том, что с ним так или иначе связано. Я не могу просто так все бросить и убежать прочь.

– Послушайте меня, Эмили, – начал Себастьян мягким тоном. – Эмоции сейчас бушуют вас. Столько всего навалилось, а времени прошло совсем немного. Ваша мать умерла лишь пару недель тому назад. Вы все еще не можете оправиться от своего горя, переживаете утрату. Оставьте пока все как есть. Пусть пройдет немного времени, тогда и примете окончательное решение. – Он осторожно погладил ее по руке, а потом поднялся с колен. – Мне пора уходить, но у вас есть моя визитка. Само собой, я буду счастлив помочь вам всем, чем смогу. Для меня ваш замок самая настоящая находка. Драгоценная находка... Конечно, в первую очередь, из-за живописных полотен, которые я тут увидел. – Себастьян улыбнулся. – В любом случае я уже почти решил задержаться в Гасси подольше. А потому, если вы сочтете возможным привлечь и меня к атрибуции вашего Матисса, позвоните на мой мобильник. Номер телефона тоже указан в карточке.

– Спасибо, – поблагодарила его Эмили и ощупала рукой карман своих джинсов. На месте ли карточка? Не выбросила ли она ее ненароком?

– А я тем временем подниму свои связи и постараюсь разыскать в Париже лучших специалистов-букинистов и тех, кто занимается антиквариатом. Это самое малое, что я могу для вас сделать на данный момент. Да, вот еще что! Если вы все же надумаете продавать замок, то для начала неплохо было бы узнать его оценочную стоимость. Наверняка ваши родители страховали свое имущество. Имеются ли в вашем распоряжении эти страховые полисы?

– Понятия не имею, – уже в который раз повторила Эмили, неопределенно пожав плечами. Зная характер отца, можно быть уверенной в том, что никакими страховками он никогда не занимался. Но надо не забыть уточнить эту деталь в разговоре с Жераром. – Спасибо за совет, – искренне поблагодарила она Себастьяна и тоже поднялась с кресла, слегка улыбнувшись ему при этом. А потом повела его назад к черному ходу, чтобы выйти во двор к припаркованной машине – Прошу простить меня за чрезмерную... эмоциональность. Вообще-то это не похоже на меня. Возможно, в другой раз мы более подробно поговорим с вами о вашей бабушке, о том, что она рассказывала вам о подвигах моего отца в годы Второй мировой.

– Отличная мысль, буду рад. И пожалуйста, не надо никаких извинений, – бросил он, усаживаясь в машину. – Вы ведь не только потеряли своих близких. На вас еще свалилась целая куча проблем, требующих своего решения. А все это чертовски трудно.

– Я справлюсь. Я должна, – решительно заявила в ответ Эмили и, включив двигатель, медленно покатила по подъездной дороге в обратную сторону.

– Я тоже абсолютно уверен в том, что вы со всем справитесь. Но повторяю еще раз. Если я чем-то могу помочь вам, пожалуйста, звоните без промедления. Вы знаете, как меня найти.

– Спасибо.

– Домик, который я тут арендую в деревне, совсем рядом, слева от дороги, – поспешил сообщить Себастьян, заметив поворот. – Можете высадить меня прямо здесь. Пройдусь немного пешком. Такой красивый день...

– Хорошо, – сказала Эмили и притормозила машину. – Еще раз большое вам спасибо.

– Удачи вам, Эмили. Берегите себя, – попрощался Себастьян, вылезая из машины. Легкий взмах рукой, и он зашагал вниз по проселочной дороге.

Эмили развернулась и покатила назад в замок. Растревоженная неожиданным знакомством, стала бесцельно слоняться по дому, медленно переходя из одной комнаты в другую. Кажется, впервые в жизни она, как никогда остро, ощутила собственное одиночество. Ни единой живой души рядом.

Ближе к вечеру жара спала и повеяло прохладой. Эмили спустилась на кухню и кое-как расправилась с рагу «касолет», которое приготовила для нее Марго. Аппетита не было совсем, а потому Фру-Фру, к вящему своему удовольствию, получила дополнительную порцию угощения.

После ужина она закрыла на засов дверь черного хода, потом заперла на ключ парадную дверь. Поднялась к себе и пустила тонкую струйку воды в старинную ванну, покрытую известковым налетом. Напустила воды и погрузилась в нее, уныло размышляя о том, что ванна как раз в ее рост, подходит по размеру, точно гроб. Вылезла из ванны и стала обтираться полотенцем, но неожиданно для себя уронила полотенце на пол и уставилась на собственное отражение в большом напольном зеркале.

Усилием воли Эмили заставила себя внимательно обозреть свое нагое тело. Она всегда относилась к нему, как к некоему не вполне стандартному оборудованию. Оно досталось ей в той лотерее, которую порой устраивает генетика со своими чадами природы. В детстве Эмили была откровенно полным ребенком, в подростковом возрасте все еще оставалась пухленькой. Несмотря на все призывы матери ограничивать себя в еде и питаться исключительно здоровой пищей, несмотря на все ее протесты и мольбы, где-то годам к семнадцати Эмили полностью отказалась от каких бы то ни было диет – огуречных, дыневых и прочих, что прописывали ей диетологи. После чего облекла свое несовершенной формы тело в свободную одежду, в которой сразу же почувствовала себя удобно и легко, предоставив суровой природе и коварной наследственности продолжать вершить свое черное дело и дальше.

Приблизительно в то же самое время она наотрез воспротивилась участию в любых светских мероприятиях и вечеринках, которые устраивались исключительно для деток сливок общества обеих полов одного возраста с нею. Все эти высокосветские *сборища* организовывались мамашами для того, чтобы подстраховаться на всякий случай и быть уверенными в том, что их отпрыски смогут не только познакомиться с достойными представителями противоположного пола и даже подружиться с ними, но и подыскать себе в будущем спутника или спутницу жизни с соответствующим социальным статусом. Попасть в число участников этих элитных *вечеринок* было мечтой каждого французского подростка, мечтающего пробиться наверх, а потому и конкуренция за право появиться в таком обществе было преогромной. Что касается Валерии, с ее именем и титулом, то для нее привлечь на свои вечера любого, кого ей только вздумается, было делом техники. Легкий взмах рукой – и вуаля! Приглашенный уже спешит к ним в дом. А потому она впала в полнейшее отчаяние, когда Эмили заявила, что больше не будет появляться на ее коктейль-пати, устраиваемых в их доме. В равной степени как и в дру-

гих аристократических домах. И это несмотря на то, что именно участие ее дочери в подобных мероприятиях и являлось гвоздем программы.

– Как ты можешь поворачиваться спиной к своему происхождению? Как можно не считаться со своим именем? Со своей родословной? – восклицала разъяренная мать.

– Я ненавижу все, что связано с моей родословной, мама! Потому что я значу много больше, чем мое имя или счет в банке. Прости меня, но со всем этим покончено раз и навсегда.

Разглядывая в зеркале свою пышную грудь, закругленные бедра, стройные ноги, Эмили невольно обратила внимание на то, что за последние несколько недель она действительно изрядно убавила в весе. И сейчас, глядя на себя критическим глазом, она невольно удивилась. Да, верно. У нее широкая кость. С таким телосложением едва ли станешь когда-нибудь длинноногой нимфой. Но вот назвать ее жирной или толстой тоже нельзя. Ни в коем случае!

Но прежде чем начать отыскивать в себе недостатки и изъяны, чем она постоянно занималась, Эмили поспешно отошла от зеркала, натянула на себя ночную сорочку и юркнула в постель. Выключила свет и прислушалась к звенящей тишине, царящей в доме. А потом принялась размышлять над тем неожиданным открытием, которое только что сделала, разглядывая себя в зеркале. Что-то подсказывало ей, что это не случайное совпадение.

Минуло уже почти шесть лет с того момента, как она рассталась с парнем, которого с большой натяжкой можно было назвать бойфрендом. Ее роман с Оливером, красивым ветеринарным врачом, из числа новеньких, появившихся в их парижской клинике, продлился всего лишь несколько недель. Собственно, Оливер ей даже не нравился, но его присутствие рядом помогало ей как-то скрашивать одиночество своего существования. Все же приятно чувствовать тепло другого тела рядом с тобой по ночам, приятно перекинуться с кем-то парой слов за ужином. Но Оливер довольно быстро как-то выпал из ее жизни сам собой, ретировался, увидев, что она не прилагает никаких усилий для того, чтобы поддерживать их связь.

Что же до Эмили, то она даже затруднялась ответить самой себе на вопрос: «А что такое любовь?» Что это? Смесь физического влечения и родства душ? А возможно, просто *колдовские чары* и ничего более. Одно она знала точно. Она еще никогда и никого не любила. И уж само собой, никто не любил *ее*.

Всю ночь Эмили прометалась без сна, чувствуя, что вскоре у нее взорвется мозг от переизбытка проблем, стоящих перед ней. Груз ответственности, от которой никак не увилишь, ужасал. Но не только дела домашние лишили ее сна. Стоило ей только закрыть глаза, и перед ее внутренним зрением тут же являлся образ Себастьяна.

Он совсем немного пробыл в замке, и тем не менее в его присутствии она сразу же почувствовала себя спокойно и в полной безопасности. Уже один его вид внушал доверие: сильный, надежный мужчина и да! – очень красивый к тому же. Когда он лишь на мгновение коснулся ее руки там, в библиотеке, она и не подумала отдернуть ее прочь, как обычно всегда это делала, если кто-то посторонний вторгнулся в ее личное пространство.

Она принялась укорять саму себя. Какой же одинокой и неприкаянной она себя чувствует, если случайный мужчина, с которым она общалась не более двух часов, смог настолько впечатлить ее. И потом, разве такой, как Себастьян, образованный, умный, красивый, разве такой мужчина посмотрит в ее сторону дважды? Нет, этот мужчина ей явно не по зубам. Не ее поля ягодка... Да и вряд ли она еще когда-нибудь увидит его. Правда, она может позвонить ему. Ведь он же оставил ей свою визитку. Позвонить и попросить его помочь разобраться с этим Матиссом...

Но в глубине души Эмили отлично понимала, что она никогда не осмелится на такой шаг.

Словом, опять дорога в никуда. Много-много лет тому назад она для себя твердо решила, что будет жить одна. Тогда никто ее не обидит и не предаст. Да, одиночество – это для нее наилучший выход. С этой мыслью она наконец и заснула.

4

Проведя бессонную ночь, на следующее утро Эмили проснулась поздно. И сразу же после чашки кофе приступила к составлению длиннющего перечня того, что «нужно сделать в первую очередь». На другом листе бумаги она записывала вопросы, которые следует задать уже себе самой. Ведь с самого начала она хотела продать оба дома, как парижский особняк, так и фамильный замок, и планировала избавиться от недвижимости как можно быстрее. Словом, раз и навсегда покончить со всеми сложностями, которые сопряжены с владениями Мартиньеров, после чего вернуться к своей обычной размеренной жизни в Париже. Но теперь...

Эмили задумчиво почесала переносицу карандашом и оглядела кухню, пытаясь зацепиться взглядом за что-то такое, что подсказало бы ей верное решение. Парижский особняк она, конечно, продаст. Без сомнения. С ним у нее не связано никаких приятных воспоминаний. А вот что касается замка... Те последние несколько дней, что она провела в Гасси, существенно поменяли ее отношение к своему фамильному владению. И не только потому, что замок является родовым гнездом семейства Мартиньеров. Он ведь был построен еще в середине восемнадцатого века графом Луи де ла Мартиньером и с тех пор считался главной резиденцией семьи. А еще и потому, что она всегда любила атмосферу самого дома. Здесь ей всегда было хорошо и покойно. А сейчас вдобавок все напоминало о тех счастливых днях, которые она провела когда-то в замке вместе с отцом.

Что, если все же решиться и оставить замок за собой?

Эмили поднялась со стула и принялась расхаживать по кухне, обдумывая внезапно пришедшую ей в голову мысль. Что за сумасбродная идея. Чистой воды безумие... Как можно одинокой женщине содержать такую махину на должном уровне?

Впрочем, ее покойная мать так не считала, сохранив замок за семьей. Но Валерия, она ведь была совсем из другой касты, из высшей касты аристократов. Из которой она, Эмили, добровольно выпала много лет тому назад. Она прекрасно знает, как и в каких условиях живут обычные простые люди. И однако мысль о том, что она может поселиться в замке, среди всей этой красоты, в тишине и покое, тоже казалась ей весьма привлекательной и с каждым днем все более и более. Всю свою жизнь Эмили считала себя чужой в своей семье. И вот поди ж ты! Приехав в замок, впервые за долгие годы почувствовала себя дома. Ее саму поразило это внезапно вспыхнувшее желание остаться в Гасси навсегда.

Эмили снова уселась на стул, повернувшись спиной к кухонному столу, и продолжила писать вопросы, которые она задаст уже Жерару. Если она сможет отреставрировать замок и вернуть ему былые блеск и славу, то, в конце концов, не для себя же одной она будет стараться. Ведь их фамильный замок – это тоже часть французской истории. И таким образом она окажет услугу своему народу и государству. Последнее соображение не только удовлетворило ее, но и показалось весьма приятным. Она достала свой мобильник и набрала номер Жерара.

После продолжительного разговора с адвокатом Эмили принялась изучать те пометки, которые сделала по ходу беседы. Жерар несколько раз повторил, что в принципе реставрация замка не такое уж архисложное дело и оно ей вполне по силам. Но нужно иметь в виду одну вещь: дело не столько сложное, сколько весьма затратное. Потребуются деньги. Много денег, причем живых денег. Любая ее задумка должна быть соответствующим образом оплачена. Придется уже в ближайшем будущем многое из своего имущества распродать.

Сказать по правде, старый нотариус был немного обескуражен той внезапной переменой, которая случилась с Эмили.

– Я вполне вас понимаю, Эмили. И ваше стремление сохранить фамильный замок тоже вполне объяснимо. Но отреставрировать такой огромный дом – это очень трудоемкое предприятие. Если вы все же решитесь на подобный шаг, то боюсь, что в ближайшие два года при-

дется сосредоточиться исключительно на реставрационных и ремонтных работах. Надо будет заниматься лично всем и вся, вникать в любую мелочь. Ведь вы же одна.

Эмили была почти уверена, что вот сейчас нотариус добавит сакраментальное «и женщина к тому же», но он благоразумно промолчал на сей счет. Впрочем, наверняка Жерар тут же стал прикидывать, какой объем работы ляжет уже на его плечи. Ведь ясно же как божий день, что одна она со своей затеей не справится. Прохладное отношение Жерара к ее идее немного разозлило Эмили. Но она прекрасно понимала, что и сама не очень преуспела в том, чтобы переубедить его. Эмили достала свой ноутбук и включила его. И тут же спохватилась. О каком интернете можно вести речь, если в замке даже электропроводка не менялась последние полвека как минимум? Подхватив Фру-Фру на руки, она заторопилась к машине и покатила в Гасси. Вскарабкавшись по ступеням на вершину холма, поинтересовалась у Дамиена, хорошего знакомого их семьи и владельца местного рыбного ресторанчика, можно ли у него подключиться к интернету.

– Конечно, можно, мадемуазель де ла Мартиньер, – любезно ответил ей хозяин заведения и тут же провел в тесную комнатку, выполняющую функцию рабочего кабинета и расположенную в самом дальнем конце ресторана. – Прошу прощения, что не смог засвидетельствовать вам лично свое почтение и выразить слова соболезнования раньше, но я был в отъезде. В Париже. У нас в деревне всех без исключения опечалила смерть вашей матушки. Ведь ваша семья, кстати, как и моя, обитает в этих местах уже несколько столетий. Но, наверное, с уходом матушки в мир иной вы продадите замок, не так ли? – не преминул он задать вопрос прямо в лоб.

Эмили поняла, что интерес у него отнюдь не праздный и он ждет такого же прямого ответа. К тому же именно в его ресторанчике всегда аккумулировались все местные сплетни и слухи для того, чтобы стать потом достоянием всей широкой деревенской общественности.

– Пока еще сама не знаю, – честно ответила ему она. – Предстоит еще во многое вникнуть, прежде чем принять окончательное решение.

– Понятное дело, – согласился с нею Дамиен. – Надеюсь, вы все же решите оставить замок за собой. Но если все же надумаетесь продавать, то имейте в виду. Я знаю много предпринимателей, которые с радостью согласились бы купить у вас этот прекрасный замок, причем за бешеные деньги, с тем чтобы потом превратить его, скажем, в высококлассный отель. Тут уже давно многие наводят справки о замке. За последние годы я не раз слышал, как люди интересуются его будущей судьбой.

Выглянув в окно, Дамиен устремил свой взор вглубь долины, туда, где далеко внизу виднелись очертания замка. Посеребренная от времени красноватая черепица на крыше переливалась и искрилась в лучах солнца.

– Буду думать, Дамиен, – снова повторила Эмили. – А подумать есть над чем.

– Что ж, мадемуазель, если вам вдруг понадобится какая-то помощь, обращайтесь, не стесняйтесь... Мы здесь все очень любили вашего отца. Он был хорошим человеком. После войны деревня утонула в нищете, и именно граф занялся тогда обустройством наших мест. Добился от правительства, чтобы в деревню проложили дорогу через горный перевал... Чтобы туристы из Сен-Тропе смогли приезжать к нам. В начале пятидесятых моя семья открыла этот ресторанчик, и мало-помалу деревня стала обживаться. Ваш отец также поспособствовал закладке местных виноградников, на которых стали выращивать лучшие сорта винного винограда, и мы стали самостоятельно производить на продажу чудесное вино. – Дамиен махнул рукой в сторону тянувшихся до самого горизонта виноградников, в которых утопала вся долина внизу. – А я еще помню времена, когда в моем детстве все эти земли использовались исключительно как самые обычные сельскохозяйственные угодья. Поля засеивались зерном, и на них пасся скот. А сейчас наше провансальское розовое – марка, известная во всем мире.

– Приятно слышать о том, что мой отец помогал своей малой родине, которую, кстати, он очень любил, – сказала Эмили.

– Семейство Мартиньеров – это неотъемлемая часть Гасси, мадемуазель! – с некоторым пафосом в голосе воскликнул Дамиен. – Надеюсь, вы тоже решите остаться и жить среди нас.

Какое-то время Дамиен еще продолжал суетиться вокруг нее, принес кувшин с водой, свежий хлеб и тарелку с сыром. Но как только Эмили подключилась к сети, он тут же оставил ее одну. Вначале она проверила свою почту, потом достала визитку Себастьяна и по ней отыскала в интернете его галерею.

Галерея называлась на французский манер: «Арте», расположена на Фулхэм-роуд и специализируется главным образом на современной живописи. Но Эмили захотелось просто удостовериться в том, что такая галерея вообще существует. Оказывается, да, есть. Она почувствовала, как у нее отлегло от сердца. Настроившись еще более решительно, она набрала номер мобильного Себастьяна. Ответил голосовой ящик, предложил оставить сообщение. Она продиктовала номер своего телефона и попросила Себастьяна перезвонить ей по поводу вчерашнего разговора.

Завершив работу в сети, она поблагодарила Дамиена за возможность подключиться к интернету и за ланч и поехала назад к себе в замок. Энергия переполняла ее через край. Еще никогда она не испытывала подобного воодушевления. Итак, если она все же решится заняться обновлением замка, то тогда почти наверняка придется расстаться с ветеринарной практикой в Париже и перебраться в замок на постоянное место жительства, чтобы самолично наблюдать за всеми строительными работами. Наверное, именно к такому существованию она и стремилась всегда, а ведь по иронии судьбы Эмили никогда и не думала о подобной перспективе для себя. Во всяком случае, еще несколько дней тому назад она бы крайне удивилась, если бы кто-нибудь подкинул ей столь неожиданную идею.

Однако радостное возбуждение, в котором она пребывала всю дорогу обратно, тотчас же сменилось паникой, стоило ей, подъехав ближе к замку, заметить патрульную полицейскую машину на входе. Она поспешно притормозила машину, взяла на руки Фру-Фру и поспешила к дому. Зашла в вестибюль и увидела жандарма, беседующего с Марго.

– Мадемуазель Эмили! – воскликнула Марго при ее появлении с расширенными от испуга глазами. – У нас побывали грабители, взломали парадную дверь. Я, как обычно, пришла в два часа дня и обнаружила, что парадная дверь раскрыта настежь. Ах, мадемуазель! Какая беда!

Эмили почувствовала странную пустоту в желудке. Только сейчас до нее дошло, что, собираясь впопыхах в Гасси и обуреваемая своими новыми планами переехать из Парижа в замок, она забыла запереть за собой дверь черного входа перед тем, как отправиться в деревню.

– Марго, твоей вины тут нет. Кажется, я забыла запереть заднюю дверь и уехала, оставив ее открытой. Что пропало?

Она тут же подумала о потенциально ценной картине, висевшей на стене утреннего будуара.

– Я обошла все комнаты и ничего не заметила. Кажется, все на месте... Но, быть может, вы тоже взглянете? – предложила ей Марго.

– Обычно такого рода преступления квалифицируются как случайные, – заметил жандарм. – Кто-то увидел незапертую дверь и воспользовался прекрасной возможностью поживиться. Вокруг полно цыган. Может, подумали, что замок стоит бесхозный и там никто не живет. Вот они и зашли в дом в поисках наличных денег или драгоценностей.

– Тогда их поиски с самого начала были обречены на неудачу, – хмуро бросила в ответ Эмили. – В доме нет ни денег, ни драгоценностей.

– Мадемуазель Эмили, ключ от парадной двери случайно не у вас? – спросила у нее Марго. – Что-то я никак не могу его отыскать. Подумала, что вы сами спрятали его где-нибудь в надежном месте. А то он обычно вечно торчал в замочной скважине.

– Нет, я не брала ключ.

Эмили уставилась на пустую замочную скважину, которая без ключа, постоянно торчащего в ней, показалась особенно большой. Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить, был ли ключ на месте сегодня утром, но безуспешно. Она, конечно же, не обратила внимания на подобные мелочи, когда направлялась через вестибюль в кухню.

– Если ключ так и не обнаружится, то нужно срочно заказать у слесаря новый ключ или даже поменять замок, – посоветовал ей жандарм. – Иначе вы не сможете запирать дверь. К тому же велика вероятность того, что ключ унесли с собой грабители. Вполне возможно, они планируют нагрянуть в замок еще раз.

– Да-да, конечно. Я так и сделаю, – поспешила заверить его Эмили, прислушиваясь к глухим ударам сердца в груди и чувствуя, как испаряются из ее воображения картинка райской жизни в замке, которые она уже успела себе нафантазировать.

Марго глянула на свои часы.

– Прошу прощения, мадемуазель Эмили, но мне пора домой. Антон там один. Я могу уйти? – обратилась она уже к жандарму.

– Да. Если мне потребуется дополнительная информация, я с вами свяжусь.

– Спасибо, – поблагодарила его Марго и снова повернулась к Эмили. – Мадемуазель, я боюсь за вас. Оставаться в таком доме одной... Может быть, на ближайшие пару дней переехать лучше в какой-нибудь отель?

– Не волнуйтесь, Марго. Я, не откладывая, займусь поиском подходящего мастера по ключам и дверным замкам, а сегодня на ночь запиру дверь своей спальни. Так что все обойдется.

– Пожалуйста, если что, сразу же звоните мне. А впредь не забывайте запирать за собой дверь черного хода.

Марго торопливо попрощалась с обоими и поспешила на выход, где стоял ее велосипед.

– Пожалуйста, осмотрите весь дом еще раз. Вдруг мы с вашей домоправительницей что-то упустили, не заметили. – Жандарм достал из нагрудного кармана блокнот и нацарапал номер своего телефона на листке. – Если обнаружите пропажу, то незамедлительно свяжитесь со мной вот по этому номеру. – Он протянул ей листок и издал протяжный вздох. – Пожалуй, это все, что я могу сейчас для вас сделать.

– Спасибо, что приехали, – поблагодарила его Эмили, чувствуя себя кругом виноватой. Надо же, какая раззява. Забыла запереть дверь. – Во всем случившемся виновата только я сама.

– Реагировать на подобные происшествия – наша работа, но в любом случае я бы порекомендовал вам усилить меры безопасности по охране дома. И сделать это следует безотлагательно. Замок часто пустует. Нужно оборудовать надежную систему сигнализации. Постарайтесь купить что-то стоящее.

Жандарм кивком головы попрощался с ней и, выйдя через распахнутую настежь дверь, направился к патрульной машине.

Как только патрульная машина отъехала от замка, Эмили пошла наверх, чтобы убедиться, что ничего не было украдено. Поднявшись до середины лестницы, она вдруг заметила на подъездной дороге еще одну машину, которая направлялась к замку. Вот машина приблизилась вплотную и тут же исчезла за углом. Сердце у Эмили екнуло от страха. А это кто еще пытается проникнуть к ней в дом с черного хода? Она торопливо сбежала по лестнице и устремилась на кухню, чтобы запереть дверь на ключ. Однако сквозь оконное стекло она увидела лицо Себастьяна. После чего она тут же отомкнула дверь и широко распахнула ее.

– Добрый день, – Себастьян бросил на Эмили вопросительный взгляд, заметив ее взволнованное лицо. – Может, я не вовремя? Что-то случилось?

– Да. К сожалению, у меня недавно побывали грабители. Да и машину вашу я тоже не узнала сразу.

– Ужасная новость, Эмили! – воскликнул Себастьян, переступая порог кухни. – И что они взяли?

– Марго считает, что ничего. Но я как раз поднималась наверх, чтобы проверить все самой.

– Вам помочь?

– Я... сама... – Эмили вдруг почувствовала, как ноги ее стали ватными, и она тяжело рухнула на стул, стоявший рядом.

– Эмили, вы стали белой как мел. Послушайте. Прежде чем начать суетиться по дому, позвольте мне приготовить для вас традиционное английское лекарство, которое, по словам самих англичан, «лечит все». Чашечку хорошего чая, а? Как смотрите? Вы только что испытали самый настоящий шок. А потому сидите там, где вы сидите, и постарайтесь успокоиться. А я пока поставлю чайник на плиту.

– Спасибо, – вялым голосом поблагодарила его Эмили.

У нее все еще кружилась голова и туман плыл перед глазами. А на полу возле ног жалобно скулила Фру-Фру, требуя, чтобы ее немедленно взяли на руки и приласкали. Она подняла собачонку и, усадив у себя на коленях, принялась гладить ее шерстку. Ритмичные движения успокаивали.

– Но как же воры проникли в дом? – спросил у нее Себастьян.

– Думаю, через черный ход. Но покинули они замок уже через парадную дверь и ключ от замка унесли с собой. Мне нужно как можно скорее найти слесаря, который взялся бы поменять замки.

– В доме есть телефонный справочник? – поинтересовался Себастьян, ставя перед ней кружку. – Пока вы будете пить чай, я поищу что-нибудь подходящее по справочнику. – Он извлек из кармана мобильный телефон.

– Справочник, должно быть там, в одном из ящиков. – Эмили указала на большой буфет у стены. – Но, пожалуйста, не хлопчите, Себастьян. Я со всем сама управлюсь и потом...

Но Себастьян уже открыл один из шкафчиков и достал оттуда телефонный справочник.

– Это то, что надо! – провозгласил он спустя пару минут, листая страницы с телефонными номерами. – Три мастера зарегистрированы в Сен-Тропе, один проживает в Ла-Круа-Вальмере. Сейчас я перезвоню по всем четырем номерам и попытаюсь договориться с кем-нибудь из них. – Он набрал первый номер. – Алло, вас беспокоят из замка де ла Мартиньеров. Скажите, вы могли бы...

Эмили не стала прислушиваться к разговору. Она просто пила чай, наслаждаясь его теплом, благодарная человеку, который любезно, по собственной доброй воле вызвался помочь ей в домашних хлопотах.

– Хорошо, – проговорил Себастьян, отключая наконец свой телефон. – К сожалению, слесарь сможет подъехать только завтра, с самого утра. Для него это будет первый вызов. Он сказал, что имеет большой опыт по замене старых замков и часто бывает в здешних местах. – Себастьян глянул на Эмили. – Ну вот, хоть краска на лице появилась. Уже хорошо. Но до наступления вечера вы должны как минимум дважды обследовать весь дом. Хватит у вас сил? А это нужно сделать во что бы то ни стало. Хотите, я помогу вам?

– Но, Себастьян... У вас же и своих дел полно. Не хочу доставлять вам дополнительные хлопоты, – возразила ему Эмили.

– Не глупите. Истинный английский джентльмен никогда не бросит представительницу слабого пола в беде. – Себастьян галантно подал ей руку и добавил: – Вперед! Займемся делом прямо сейчас.

– Спасибо. Если честно, то я боюсь, что грабители все еще в доме. Прячутся в каком-нибудь укромном уголке. – Эмили невольно прикусила губу от волнения. – Ведь Марго же не видела собственными глазами, как они убегают прочь.

Вместе с Себастьяном они прошли по всем комнатам. На первый взгляд все было таким, как обычно. Хотя утверждать наверняка, что грабители ничего не взяли, Эмили бы не стала. Сама она плохо помнила все те предметы старины, которые хранятся в замке. Но в любом случае после осмотра дома ей немного полегчало и даже страх на время отступил прочь.

– Итак, мы осмотрели весь дом, – констатировал Себастьян, когда они снова вернулись в парадный вестибюль. – Где еще, по-вашему, могут прятаться потенциальные грабители?

– Быть может, в винном погребе? – предположила Эмили. – Но я туда никогда не спускалась.

– Так давайте спустимся в ваши погреба прямо сейчас, – предложил ей Себастьян. – Вы знаете, как туда пройти?

– По-моему, туда ведет дверь из коридорчика, который прямо за кухней.

– Тогда пошли! Осмотрим подвал и убедимся прямо на месте.

– Вы полагаете, что это так уж необходимо? – с сомнением в голосе спросила его Эмили. Ей не очень хотелось лезть в погреб. Темнота и замкнутое пространство всегда отпугивали ее.

– То есть вы хотите, чтобы я спустился туда один?

– Нет-нет, вы правы. Я должна взглянуть на все собственными глазами.

– Не волнуйтесь. В случае чего я вас защищу, – ободряюще улыбнулся ей Себастьян, направляясь в коридор, прилегающий к кухне. – Эта дверь?

– Похоже, да.

Он отодвинул в сторону поржавевший засов и с некоторым усилием повернул ключ в замочной скважине.

– Кажется, сюда никто не входил уже много лет. Маловероятно, что там может затаиться грабитель, – заметил Себастьян, пытаясь открыть дверь. Наконец после некоторой возни ему это удалось, потом он стал нащупывать рукой выключатель, нашел какую-то заржавевшую проволоку, болтающуюся прямо у него над головой. Дернул за нее, откуда-то снизу замерцал мутный рассеянный свет. – Я войду первым.

Осторожно ступая по ступенькам вслед за Себастьяном, Эмили наконец очутилась в прохладном помещении с низкими потолками. Спертый воздух, сильно пахнет сыростью.

– Вот это да! – восхищенно воскликнул Себастьян при виде бесконечных рядов полок, сплошь до самого потолка заставленных бутылками, покрытыми толстым слоем пыли. Вытащив наугад одну из бутылок, он стряхнул пыль с этикетки и прочитал надпись: – Шато Лафит Ротшильд 1949. Ничего себе! Конечно, я небольшой эксперт по винам, но, насколько я помню, заполучить бутылочку вина именно этого урожая – мечта любого виноторговца и просто ценителя вин. Впрочем, – добавил он, возвращая бутылку на прежнее место, – вполне возможно, вино уже успело испортиться и стать совершенно непригодным к употреблению.

Какое-то время они бесцельно слонялись по погребу, изредка снимая с полки ту или иную бутылку и внимательно изучая ее.

– Мне еще не попала в руки ни одна бутылка из урожаев после 1969 года. А вам? – поинтересовался Себастьян у Эмили. – Такое впечатление, что начиная с этого года коллекция перестала пополняться. Подождите-ка минутку, – Себастьян поставил две бутылки, которые он держал в руках, на пол, потом снял с полки еще четыре, потом еще шесть. На полу уже стояла дюжина бутылок. – Мне кажется, за этим стеллажом что-то есть. По-моему, это дверь. Видите?

Эмили вгляделась туда, куда показывал ей Себастьян. Действительно, дверь.

– Возможно, она ведет в еще один погреб, – предположила она. – Которым уже давно никто не пользуется.

Вообще-то ей уже страшно хотелось наверх, на свежий воздух.

– Скорее всего. В домах, подобных этому, всегда были огромные погреба. Порой они тянулись под землей по всему периметру дома. Ага! – Себастьян снял с полки последнюю бутылку, потом обхватил руками ветхий от времени деревянный стеллаж и легко передвинул его на середину комнаты. – Да, я был прав. Это дверь. – Он смахнул паутину с ручки и взялся за нее. Отсыревшая дверь неохотно поддалась его усилиям и с трудом открылась. Она разбухла от постоянной многолетней сырости и почти вываливалась из деревянной рамы. – Ну что? Взглянем своими глазами на то, что скрывается за этой дверью?

– Я... – немедленно запаниковала Эмили, категорически не желая идти следом. – Скорее всего, там ничего нет.

– Вот в этом нам и предстоит сейчас убедиться лично, – сказал Себастьян, налегая всем телом на дверь, чтобы расширить проход.

Наконец дверь распахнулась полностью. Он принялся ощупывать руками местоположение возможного выключателя. Никаких признаков онго!

– Стойте здесь, – приказал он Эмили, а сам двинулся вглубь комнаты, утопающей в темноте. – Если я не ошибаюсь, то здесь имеется источник естественного освещения. Вот только где он? – Себастьян растворился во тьме. – Нашел! Крохотное оконце вверх... Черт! Ударился обо что-то, – он снова вернулся к порогу. – У вас в доме есть какой-нибудь фонарик?

– Сейчас поднимусь наверх и поищу на кухне, – обрадовалась Эмили возможности вырваться на свежий воздух и, повернув назад, заторопилась к лестнице.

– Если не найдете фонарик, тогда прихватите с собой хотя бы пару свечей, – крикнул ей вдогонку Себастьян.

Фонарик в конце концов отыскался, но он был без батареек. Тогда она взяла в буфетной коробку восковых свечей и спички и повернула назад в погреб, сделав глубокий вдох, прежде чем начать спускаться вниз.

– Я принесла свечи, – сообщила Эмили, входя в погреб.

Себастьян вынул из коробки, которую она держала в руке, две свечи, она чиркнула спичкой и зажгла обе. Одну свечку он протянул ей и повернулся, чтобы снова нырнуть в темную комнату. Эмили неохотно последовала за ним.

Наконец они оказались в центре крохотной каморки. Пламя от свечей отбрасывало зловеющие тени вокруг. Они молча разглядывали помещение.

– Поправьте меня, если я что-то выдумываю, – заговорил первым Себастьян. – Но у меня такое впечатление, что в этой каморке кто-то когда-то обитал. Взгляните, вон кровать... рядом небольшой столик. Возле окна стоит стул. Причем поставлен так, чтобы ухватить хоть малую толику того света, который проникает сюда извне. Чуть поодаль небольшой комод. – Он посветил свечой в ту сторону. – Вон даже одеяло лежит на матрасе.

– Вы правы, – согласилась с ним Эмили. Глаза ее уже привыкли к полумраку, и она тоже с интересом разглядывала обстановку комнаты. – Даже ковер лежит на полу. Интересно, кто же здесь жил?

– Может, какой слуга? – предположил Себастьян.

– Наши слуги всегда обитали в комнатах самого верхнего этажа, в мансарде. В семье не поощрялось жестокое обращение со слугами. Едва ли кто-нибудь из Мартиньеров отправил бы своего слугу жить в этом угрюмом подземелье.

– Само собой, нет, – пристыженным голосом поспешил поддакнуть Себастьян. – Посмотрите, там еще одна маленькая дверь.

Он подошел к двери и открыл ее.

– Нечто вроде душевой. Вон кран на стене и большая эмалированная раковина на полу. Стульчак для ночного горшка.

Себастьян наклонил голову, чтобы ненароком не удариться о дверной косяк, и снова подошел к Эмили.

– Одно могу сказать со всей определенностью. Кто-то всем этим пользовался. Но кто? – Он взглянул на Эмили, и та увидела, как в его глазах вспыхнуло любопытство. – Пошли наверх, Мы вполне заслужили по стаканчику хорошего вина из ваших семейных запасов. Вот за рюмкой коллекционного вина и обсудим все возможные варианты событий.

5

Оказавшись на кухне, Эмили вдруг почувствовала, как ее стало знобить. То ли сказались последствия пережитого шока, то ли пребывание в холодном погребе, но всю ее затрясло как ненормальную.

– Ступайте наверх, найдите какой-нибудь теплый свитер, а я пока попытаюсь развести огонь в камине. Что-то потянуло холодом, как бы к вечеру совсем не похолодало, – заметил Себастьян. – Слышите, как ветер завывает снаружи?

– Да. Это мистраль, – ответила Эмили. – Когда начинает дуть мистраль, температура всегда резко падает. Вот только боюсь, что развести огонь у нас никак не получится. Нет ни угля, ни дров.

– Нет дров? – страшно удивился Себастьян. – И это в доме, окруженном со всех сторон деревьями? Да дрова мы в два счета раздобудем. Я вернусь через пару минут.

У себя в комнате Эмили натянула на себя кардиган, стащила с кровати одеяло, потом пробежалась по всем комнатам, чтобы проверить, плотно ли закрыты ставни на всех окнах. Ветер на улице усиливался с каждой минутой. Жители долины Роны всегда побаиваются мистралей, которые с неистовой силой обрушиваются на здешние места, буквально продувая всю долину насквозь. Как правило, мистраль налетает неожиданно и свирепствует считанные минуты, реже – часы. Согласно старинным поверьям, это ветер собирает ведьм на свой шабаш. Многие до сих пор искренне верят в то, что мистраль по-особенному влияет на женский организм, сбивая его привычный гормональный цикл, другие утверждают, что мистраль способен изменить даже поведение животных. Но лично Эмили всегда восхищалась мощью и великолепием этого ненастья. К тому же после того, как мистраль уходит, воздух становится необыкновенно свежим и чистым.

Минут через десять в кухне появился наконец Себастьян. Он подкатил к черному входу тачку, полную поломанных веток деревьев, которые он насобирав в саду. А еще отыскал в сарае несколько завалявшихся поленьев дров.

– Ну вот, дрова у нас имеются, – объявил он не без гордости в голосе. – Давайте приступим к самому процессу. Покажите мне, где у вас тут камин.

Эмили проводила его в утренний будуар, и вскоре огонь в камине уже полыхал вовсю.

– Совершенно фантастический камин! – не преминул восхититься Себастьян, вытирая руки о свои хлопчатобумажные брюки. – Да, были мастера-печники в свое время. Умели делать дымоходы на совесть.

– А я и понятия не имею, как растапливать камин, – призналась Эмили. – Этим всегда занимались слуги. К тому же в моей комнате вообще нет никакого камина.

– А в тех местах, откуда я прибыл к вам, моя маленькая принцесса, – весело ухмыльнулся Себастьян, – камин – это неотъемлемая часть нашего повседневного существования. Пойду-ка я открою бутылочку, которую мы прихватили с собой из погреба. А заодно и проверю, пригодно ли вино к употреблению. А если позволите, то еще и пошарю по вашим кухонным шкафчикам в поисках чего-нибудь съестного. Лично я не ел ничего с самого утра. Да и вам не мешало бы закинуть чего-нибудь в свой пустой желудок.

– Ах, право же... – Эмили попыталась встать на ноги, но Себастьян тут же снова усадил ее на софу.

– Нет! Оставайтесь здесь и постарайтесь согреться. Я сам со всем управлюсь.

Эмили поплотнее укуталась в одеяло, которое она предусмотрительно прихватила с собой, и бесцельно уставилась на яркие языки пламени, полыхающего в камине. Ей стало тепло и уютно. Пожалуй, с раннего детства, когда за ней присматривала ее любимая няня, никто о

ней так не заботился. Свернувшись калачиком, она положила голову на боковой валик софы, обтянутый старинным дамастным шелком, и закрыла глаза.

– Эмили! – кто-то осторожно тронул ее за плечо. – Пора просыпаться, моя дорогая.

Она открыла глаза и увидела прямо напротив себя светло-карие глаза Себастьяна.

– Уже почти девять часов вечера. Вы проспали более двух часов. Докладываю. Ужин готов.

Эмили подхватила и села. Сон разморил ее. К тому же ей было очень неловко.

– Простите меня, Себастьян.

– Вам не за что просить прощения. Вы действительно измотаны сверх всякой меры. Я решил накрыть стол к ужину прямо здесь. На кухне очень холодно. Мистраль все еще бушует. На обратном пути из супермаркета буквально сбивало с ног. Приступайте! – Он кивком головы указал на дымящуюся паром тарелку со спагетти болоньезе, стоящую на низком столике, придвинутом к софе. – Вино пахнет отлично. Сейчас попробуем его на вкус. – Себастьян поднес бокал с вином ко рту, отхлебнул, какое-то время пробуя напиток, потом удовлетворенно кивнул головой. – Великолепное вино! Надеюсь, цена этого красного вина не зашкаливает. Согласитесь, выбрасывать несколько сотен франков за бутылку ради всего лишь спагетти болоньезе – это все же непозволительное транжирство.

– Да там, в погребе, полно этих бутылок. Вот и прекрасно, что нашелся повод раскупорить одну из них. – Эмили тоже взяла бокал и сделал глоток. – Действительно чудесное вино. – Потом поднесла ко рту вилку со спагетти, впервые почувствовав, как же она голодна. – Спасибо вам, что позаботились об ужине. А вы хорошо готовите. Из вас получился бы отменный повар.

– Я не стал бы преувеличивать свои способности, но смешать ингредиенты и приготовить несколько базовых блюд – это я умею. Пока вы тут спали, я все обдумывал, с какой стороны нам приступить к вашему Матиссу. Позвонил своему приятелю в Лондоне. Он работает на Сотбис. Тот порекомендовал мне одного знакомого эксперта в Париже и дал номер его телефона. Так что, если захотите завтра позвонить ему, то можете смело вбрасывать мяч в игру.

– Обязательно позвоню. Еще раз большое вам спасибо, Себастьян.

– Он – один из лучших парижских аукционистов. Приятель дал ему блестящую характеристику. Должен сознаться вам, я бы очень хотел поприсутствовать при том моменте, когда он увидит картину. Исключительно для того, чтобы убедиться в том, что я был прав.

– Само собой, я вас приглашаю поучаствовать в этом действе, – кивком головы подтвердила свое приглашение Эмили. – А когда вы уезжаете в Лондон?

– В конце следующей недели. А до той поры можете распоряжаться мною по своему усмотрению. Если понадобится какая помощь, я весь к вашим услугам. – Себастьян немного помолчал. – Вам надо многое обдумать. Но главное сейчас – это позаботиться о безопасности дома и о собственной безопасности. Если хотите, я могу побеседовать завтра со слесарем, который приедет менять замок. Может, он порекомендует кого-то из местных, кто занимается установкой охранной сигнализации.

– Буду только рада, если вы поможете мне в этом, – признательным тоном ответила ему Эмили. – Сама я даже понятия не имею, с какой стороны приступить к этому делу.

– Тогда договорились, – сказал Себастьян и отправил себе в рот очередную порцию спагетти. – И все же мне покоя не дает этот схрон в вашем винном погребе. Как вы думаете, для кого он предназначался?

– Никаких мыслей на сей счет, – отрицательно покачала головой Эмили. – К сожалению, я плохо знаю историю своей семьи.

– А я вот что подумал. Что, если этой потайной комнатой пользовались во время войны? Прятали там кого-то... Представляю, каково было сидеть в заточении... Там и нескольких

минут хватило бы, чтобы сойти с ума. – Себастьян вскинул брови. – А каково было несчастному коротать в этой камере дни, а быть может, и долгие месяцы?

– Не могу себе представить, – согласилась с ним Эмили. – Как жаль, что папы уже больше нет в живых. Некого расспросить. Мне стыдно, что я не знаю прошлого своих родителей. Надеюсь, что сейчас, когда я займусь вопросами, связанными с наследством, кое-что мне откроется и я узнаю больше.

– Наверняка узнаете, – подтвердил Себастьян и, поднявшись из-за стола, стал собирать пустую посуду.

– Позвольте мне! Пожалуйста... Вы и так уж наработались. – Эмили подхватила со своего места. – К тому же уже поздно. Вам пора домой.

– Что? – с ужасом выпучил на нее глаза Себастьян. – И вы серьезно думаете, что я позволю вам остаться здесь одной на ночь? В огромном доме с незапертой парадной дверью? Да я глаз не сомкну всю ночь от всяческих дурных мыслей, которые неизбежно станут лезть мне в голову. Нет, Эмили, и еще раз нет. Уж позвольте мне остаться. Кстати, я могу прекрасно выспаться и на этой софе рядом с камином. Так что, как видите, никаких проблем с моим ночлегом не возникнет.

– Уверяю вас, Себастьян, со мною все будет в полном порядке. Молния редко ударяет дважды в день, да еще в одно и то же место, не так ли? Я пообещала жандарму, что, перед тем как ложиться спать, запру дверь своей спальни. И все будет хорошо, вот увидите. Вы и так целый день потратили на меня. Отправляйтесь домой. Прошу вас! – взмолилась Эмили.

– Что ж, если вы настроены столь категорически против моего присутствия в вашем доме, тогда я, конечно, уеду восвояси.

– Ничего я не настроена, – сбивчиво стала объяснять свои мотивы Эмили. – Просто чувствую себя виноватой, что отнимаю у вас столько времени. Ведь мы же, в сущности, едва знакомы.

– Уж это точно лишнее. Никакой вины! К тому же честно признаюсь, что постель в моем домике твердая, как камень. На такой особо не отоспишься...

– Хорошо. Если вы так настаиваете, – сдалась наконец Эмили. – Спасибо вам. Но только никаких кушеток. Глупости... В доме полно спален. Можете занимать любую из них.

– Заметано! – воскликнул Себастьян и наклонился к камину, чтобы взять с пола кочергу. – А вот это я положу рядом со своей кроватью. Так, на всякий случай...

После того как они вместе помыли посуду, Эмили заперла на ключ дверь черного хода и повела Себастьяна вверх в его спальню.

– Марго всегда держит эту комнату наготове для неожиданных гостей. Потому можете смело располагаться. Надеюсь, вам будет комфортно.

– Как-нибудь перекантуюсь, – пошутил Себастьян, с восхищением оглядывая огромную комнату, обставленную роскошной антикварной мебелью. – Спасибо, Эмили. Доброй вам ночи и сладкого сна.

– И вам тоже. Спокойной ночи.

Себастьян шагнул к ней навстречу, и тут же у нее мгновенно сработал рефлекс. Эмили успела захлопнуть за собой дверь прежде, чем он подошел к ней, и опрометью ринулась к себе в комнату. Первым делом заперла дверь на ключ. А затем рухнула на кровать как подкошенная. Сил больше не было.

Зачем она это сделала? Вполне возможно, Себастьян всего лишь хотел по-дружески поцеловать ее в щечку, желая доброй ночи. Она с досадой ударила рукой по постели. Теперь она уж точно никогда не узнает, какого рода поцелуем намеревался одарить ее Себастьян.

Еще одна бессонная ночь. Нервы напряжены до предела. В том числе и от осознания того, что Себастьян спит всего лишь в нескольких метрах от нее. Непозволительная близость! Прометавшись всю ночь без сна, Эмили спустилась рано утром на кухню, чтобы заварить себе

кофе. Она предполагала, что Себастьян еще нежится в кровати. Однако, глянув в окно, с удивлением обнаружила, что к черному входу подъехала его машина.

– Доброе утро, – поприветствовал он Эмили, заходя на кухню. – Я тут сгонял по-быстрому в булочную, прикупил кое-что нам на завтрак. Ваших вкусовых пристрастий я не знаю, а потому взял на свое усмотрение: багеты, круассаны, булочки с шоколадной начинкой. И, само собой, мой любимый джем из персиков.

Он стал выгружать покупки на стол.

– Спасибо, – поблагодарила его Эмили, а про себя подумала, что в последние два дня только то и делает, что благодарит его. – А я сварила кофе.

– Что мне больше всего нравится, когда я бываю во Франции, так это повсеместная традиция покупать по утрам свежий хлеб. В Англии, к большому сожалению, эта традиция уже ушла в прошлое. Да, совсем забыл! Мне звонил слесарь. Сказал, что прибудет сюда в течение часа.

– Дурацкая невнимательность, – сокрушенно вздохнула Эмили. – Это же надо додуматься! Уехать прочь, забыв запереть за собой дверь.

– Не переживайте так, Эмили, – Себастьян осторожно положил руку ей на плечо. – За последние две недели на вас столько всего навалилось. Горечь утраты близкого человека, пережитый шок... Реакция организма может быть самой разной и проявляться тоже на самых разных уровнях. – Рука Себастьяна медленно двинулась по ее плечу, легонько массируя его. – А потому не корите себя слишком сильно. В конце концов, никакого урона, к счастью, не было нанесено. Просто будет вам урок на будущее. Итак, что вы предпочитаете на завтрак?

– Багет, круассан... мне все равно.

Эмили отошла от Себастьяна, чтобы разлить по чашкам кофе, потом молча уселась за стол и принялась жевать круассан, прислушиваясь к тому, как Себастьян названивает в различные фирмы, занимающиеся установкой охранной сигнализации, из числа тех, что ему порекомендовал слесарь.

– Хорошо, – проронил он наконец, откладывая телефон в сторону и помечая что-то на листке бумаги. – Они все готовы взяться за работу и гарантируют надежность их систем. Но для этого им нужно приехать и осмотреть все на месте. И уж только затем они готовы обсуждать цену. Пригласить их на завтра?

– Да. Спасибо. – Внезапно Эмили посмотрела на него в упор. – А почему вы с мной возитесь? Почему помогаете?

– Станный вопрос, – совершенно искренне удивился Себастьян. – Ну, во-первых, потому что вы мне нравитесь. К тому же я вижу, что вы сейчас переживаете не самое простое время в своей жизни. А во-вторых, я почему-то уверен, что моя бабушка Констанция вполне одобрила бы такое мое поведение. Пожалуй, другого обращения с дочерью своего покойного друга Эдуарда де ла Мартиньера она бы от меня и не ждала. Переходим к следующему вопросу. Хотите побеседовать с тем парнем из Парижа, которого порекомендовали нам как специалиста по атрибуции Матисса? Или это лучше сделать мне?

Эмили стало нехорошо от той еды, которую она запихнула в себя безо всякого желания.

– Пожалуй, лучше, если это сделаете вы. Вы сможете поговорить с ним на понятном ему языке, как коллега с коллегой.

– Хорошо. Тогда я попрошу его заодно оценить и другие полотна, которые висят в замке. Сэкономим и время, и деньги. Две или даже три атрибуции за один раз.

– Не возражаю. Кстати, в нашем парижском особняке полно картин. И их тоже мне следует оценить.

– А когда вы намереваетесь вернуться в Париж?

– Скоро, совсем скоро. – Эмили тяжело вздохнула. – Но вы правы. Пока я здесь, нужно успеть как можно больше. Если я все же решусь оставить замок за собой, то тогда дел будет и вообще непочатый край.

– Полагаете, у вас хватит сил и средств содержать его?

– Полагаю, что да. Впрочем, при моей рассеянности, когда забываешь даже дверь на ключ запереть за собой, может, это и глупо – взваливать на свои плечи такую ношу. На моем месте любой бы, наверное, трижды подумал, прежде чем соглашаться.

– Что ж, в любом случае имейте в виду, я с радостью помогу вам чем сумею.

– Это очень любезно с вашей стороны, и я действительно вам благодарна.

Фру-Фру подбежала к двери и стала попискивать, требуя, чтобы ее немедленно выпустили на улицу. Эмили поднялась со стула и открыла ей дверь.

– Одно меня волнует. У вас же есть и свои дела. И ими надо заниматься. А тут еще я вас стану обременять.

– Вы правы. Дел много, – согласился с ней Себастьян. – Но не забывайте, живопись – это моя страсть. Как только речь заходит о картинах, я готов ехать хоть на край света и делать все, о чем меня попросят. А потому никакого обременения... Мы же еще забыли про вашу библиотеку. Может, вы позволите мне заняться поисками истинного знатока редких книг, эксперта-букиниста, который смог бы приехать и прямо на месте оценить ваше собрание?

– Нет, спасибо! С этим мы не будем торопиться, – быстроотреагировала Эмили, чувствуя легкое головокружение. – К тому же я не собираюсь продавать книги. А сейчас мне надо перезвонить Жерару, моему нотариусу. Он вчера вечером оставил мне целых три эсэмэски, но я так и не собралась с силами, чтобы ответить ему.

– Отлично! Занимайтесь пока своими делами, а я отправлюсь к себе домой. Хочу переодеться и принять душ. Увидимся позже. И еще раз напоминаю. Слесарь будет у вас с минуты на минуту.

– Большое спасибо, Себастьян.

Проводив мастера к парадной двери и оставив его там, Эмили не без чувства самоудовлетворения позвонила Жерару и отчиталась ему, что в замке у нее все под контролем. Они договорились встретиться в Париже на следующей неделе в родительском особняке. Потом она снова пошла взглянуть, как движутся дела у слесаря, колдующего над новым дверным замком, после чего отправилась в библиотеку, чтобы хоть немного отдохнуть в тишине и покое от той суеты, в которой она пребывает вот уже второй день кряду. Прошла мимо полок, заставленных тысячами книг, и лишний раз подумала о том, какой огромный объем работы предстоит выполнить, чтобы переправить все эти тысячи фолиантов куда-то на хранение. Что надо будет делать в любом случае, и если она решит продавать замок, и если она отважится затеять его ремонт и реставрацию. Она обратила внимание, что на одной из полок две книги выступают из общего ряда. Вытащила их наружу. Оказалось, обе книги о деревьях и обо всем том, что связано с их выращиванием и уходом за ними. Она аккуратно задвинула обе книги на прежнее место и, услышав звук приближающейся машины Себастьяна, заторопилась на кухню.

Он вбежал, сильно запыхавшись.

– Эмили! Я пытался дозвониться до вас. – Себастьян растерянно взъерошил волосы на голове. – Я только что нашел вашу собачонку на обочине дороги. Кто-то сбил ее. Надо срочно везти к ветеринару. Она лежит у меня на заднем сиденье. Поехали!

Оглушенная очередной драматичной новостью, Эмили вихрем бросилась за Себастьяном, вскочила в машину. Окровавленная Фру-Фру едва дышала. Себастьян гнал машину на полной скорости. Они держали путь в Ла-Круа-Вальмер, где, по словам Эмили, имеется ветлечебница, которую она хорошо знает. К тому же всего лишь десять минут пути. Она гладила безжизненное тельце Фру-Фру, которую положила себе на колени, и слезы градом катились по ее щекам.

– Надо же случиться такому несчастью, – всхлипывала она. – Утром я выпустила ее во двор. А тут приехал мастер, я с ним закрутилась и забыла позвать ее обратно в дом. Обычно Фру-Фру никогда не отлучается далеко от дома. Но вполне возможно, она увязалась за вашей машиной. А на большой дороге... она же совсем слепая... Вот и не увидела встречной машины. Господи! Как же я могла забыть о ней?

– Эмили, успокойтесь. Возьмите себя в руки. Ветеринар спасет вашу собачонку, вот увидите, – попытался успокоить ее Себастьян.

Но стоило лишь Эмили увидеть помрачневшее лицо ветеринара, осмотревшего Фру-Фру, и ей сразу же стало все понятно. Хотя она и сама своим профессиональным взглядом тоже видела, что бедняжке Фру-Фру уже ничем нельзя помочь.

– Мне очень жаль, мадемуазель, но у собачонки большая потеря крови и очень много серьезных внутренних повреждений. Разумеется, мы можем прооперировать ее, но она слишком слаба. К тому же старая. Пожалуй, самое лучшее в этой ситуации – усыпить бедняжку, чтобы не продлевать ее мучения. Наверное, вы посоветовали бы своему клиенту то же самое, окажись он в подобной ситуации.

– Да, – проговорила Эмили несчастным голосом и кивнула головой в знак согласия. – Конечно.

Двадцатью минутами позже Эмили поцеловала собачку в последний раз, и ветеринар воткнул в нее шприц. Крохотное тельце животного дернулось в последней конвульсии и тут же затихло. Совершенно разбитая случившимся, Эмили вышла из кабинета ветлечебницы и на негнущихся ногах стала спускаться по ступенькам крыльца, ухватившись за руку Себастьяна в качестве опоры.

– Мама обожала Фру-Фру... Я обещала ей, что буду смотреть за ее любимицей. И вот...

– Успокойтесь, дорогая моя, успокойтесь. Поехали домой.

Себастьян осторожно повел Эмили в сторону своей машины.

Эмили уселась рядом с ним, пребывая в полнейшем ступоре от того, что случилось, остро переживая собственную вину. Они зашли в дом через черный ход. Эмили безвольно опустилась на стул и в отчаянии обхватила голову обеими руками.

– Я даже не смогла обеспечить надлежащий уход за одной маленькой собачонкой! Я действительно ни на что не годный человек. Ничего не умею. Ни к чему не приспособлена. Так и мама мне постоянно твердила. И надо же! Я последняя, на ком обрывается генеалогия славного и благородного семейства. Наш род дал Франции столько героев, включая и моего отца. А теперь взгляните на меня. Совершенно бесполезная вещь в доме.

Вся застарелая боль, которую долгие годы вызывало в ней неприязненное отношение матери, полностью разочаровавшейся когда-то в своей дочери, вдруг всколыхнулось в ней с новой силой, и Эмили залилась слезами. Она плакала, громко всхлипывая, словно ребенок, закрыв лицо руками, чтобы никого не видеть и не слышать.

Когда она наконец отняла от лица руки, то увидела, что Себастьян тихо сидит за столом и молча наблюдает за ней.

– Прошу простить меня за эту сцену. – Эмили сделалось неловко за свое поведение. Надо же! Устроила тут истерику в присутствии незнакомого человека. – Меня что-то совсем развезло. Я... я в полном тупике. И кажется, я всегда там пребывала, – с трудом выдавила она из себя, чувствуя, что рыдания снова подступают к горлу.

Себастьян медленно поднялся со стула, обошел вокруг стола и присел на корточках перед Эмили, потом молча протянул ей свой носовой платок, чтобы она могла высморкаться.

– Эмили, уверяю вас, что картина, которую вы мне только что нарисовали, опираясь при этом, скорее всего, на мнение своей матушки, абсолютно не соответствует действительности. Потому что на самом деле, – он ободряюще улыбнулся, отодвинул прядь ее волос с лица и

заложил ее за ухо, – и я это понял с самого первого момента, как только увидел вас, вы мужественная, сильная и умная женщина. К тому же красивая.

– Красивая? – Эмили удивленно уставилась на него. – Нет, честное слово, Себастьян, я понимаю и ценю ваши усилия. Вам хочется успокоить меня, привести, так сказать, в чувства. Но к чему эта беспардонная ложь? Она лишь обижает меня и даже оскорбляет. Я совсем не «красивая», как вы изволили выразиться.

– Предполагаю, что и эту точку зрения вам в свое время озвучила ваша мать?

– Да. Но она лишь сказала то, что есть на самом деле, – ответила Эмили с особым ударением на последних словах.

– Что ж, тогда простите мне за то, что я рискнул озвучить уже собственную точку зрения. Но я воспринял вас как красавицу с первой нашей встречи и продолжаю так считать и по сей день. Что же до того, что вы называете себя неудачницей, то большей чуши я в жизни своей не слышал. Из моего весьма ограниченного опыта общения с вами я вынес убеждение, что вы мастерски держите удар в весьма сложной ситуации. Другие на вашем месте уже давно бы впали в отчаяние. А вы управляетесь со всеми своими проблемами, причем в одиночку. Послушайте меня, Эмили! – В голосе Себастьяна зазвучали умоляющие нотки. – Каким бы сложным ни было отношение вашей матушки к вам, вы не должны смотреть на себя ее глазами. Потому что, уверяю вас, душа моя, она была не права. Она ошибалась, сильно ошибалась. Но теперь ее больше нет рядом с вами. И следующий ход – ваш. Помните, больше она уже не сможет обидеть вас, доставить вам новые огорчения. Никогда!

Себастьян придвинулся ближе к ней и заключил ее в свои объятия. Он крепко прижал Эмили к себе, а та продолжала громко всхлипывать, уткнувшись ему в плечо.

– Тише, тише, – успокаивал он ее. – Все у вас образуется. Все будет хорошо. Вот увидите. И я здесь, рядом с вами. Всегда помогу, если что...

Эмили посмотрела на него сквозь слезы.

– Но вы ведь меня едва знаете. Как можно быть так уверенным?

Себастьян издал короткий смешок.

– По-моему, мы с вами только что пережили два поистине ужасных дня, а это многое меняет. Скажем, если бы я познакомился с вами в Париже и мы бы даже пару-тройку раз поужинали вместе, то едва ли бы я рискнул говорить так. Но в экстремальных ситуациях есть не только свои минусы, но и плюсы тоже. В обычной жизни на устранение барьеров между людьми уходят недели, а в подобной обстановке они рушатся почти мгновенно. Думаю, я понимаю вас. Более того, я бы с радостью проводил подле вас гораздо больше времени, если бы вы только позволили мне это. – Он слегка отодвинул Эмили от себя и приподнял кончиком пальца ее подбородок, так, чтобы она смотрела ему прямо в глаза. – Эмили! Знаю, все происходит чересчур быстро. Ты сейчас напугана, растеряна, сбита с толку. Я не стану подталкивать тебя ни к чему. Ни за что на свете! Но если бы ты только знала, как мне сильно хочется поцеловать тебя. Прямо сейчас... В эту самую минуту...

Эмили слабо улыбнулась:

– *Поцеловать меня?*

– Да. А что в этом такого удивительного? – улыбнулся в ответ Себастьян. – Но не волнуйся. Я не вопьюсь в тебя с жадностью хищной птицы. Буду честным до конца. Не стану впрямь преследовать тебя или навязывать тебе свое общество.

– Спасибо, – Эмили слегка склонила голову, словно обдумывая собственное решение. Потом придвинулась к нему и слегка коснулась губами его рта. – Спасибо за откровенность, Себастьян. За все спасибо. Вы были так добры ко мне, и я...

Он обхватил ее лицо руками и поцеловал в ответ, потом оторвался, тщательно контролируя себя.

– Послушай, – он взял ее пальцы и переплел со своими. – Скажи мне прямо сейчас. Ты не против? Не хочу, чтобы ты думала, что я просто воспользовался благоприятной возможностью. Не упустил, так сказать, случая... Ты сейчас в смятении. Сама не своя от всего случившегося. В данный момент тебе трудно разобраться со своими чувствами и все такое, но...

– Себастьян, со мной все в порядке. – Кажется, наступил уже ее черед успокаивать его. – Я абсолютно уверена в том, что делаю. Я ведь уже взрослая девочка, как ты успел заметить. А потому, прошу тебя, пожалуйста, не беспокойся.

– Тогда не буду, – тихо прошептал он в ответ и снова заключил ее в свои объятия.

А Эмили вдруг почувствовала, как отступает куда-то ее боль, как ее постепенно смывает прочь волна его нежности. И она с готовностью доверилась этой нежности и сдалась.

6

Париж, январь 1999 года, 9 месяцев спустя

Эмили сидела на последнем ряду в зале, в котором проходил аукцион, и рассеянно обозревала толпу расфуфыренных дам – высший парижский шик! – которые вскидывали вверх свои нежные ручки с накрашенными ноготками в азарте борьбы за право завладеть очередным лотом: прекрасное бриллиантовое кольцо светло-желтого цвета и пара сережек в комплекте с ним. Она глянула в каталог, на полях которого делала пометки по ходу аукциона, и с удивлением обнаружила, что даже по самым приблизительным подсчетам выручка от проданных драгоценностей составила почти двенадцать миллионов франков.

В ближайшие несколько недель на аукцион будет выставлено и другое содержимое парижского особняка, за исключением нескольких картин и предметов мебели, которые она решила оставить себе и позднее перевезти в замок. Сам особняк уже тоже был продан, и в обозримом будущем туда собираются заселиться новые владельцы.

Она почувствовала, как ей легонько пожали левую руку.

– С тобой все в порядке? – шепотом спросил у нее Себастьян.

Она молча кивнула, благодарная за его сопереживание. Как-никак, а она сейчас лицезреет, как уходит с молотка знаменитая коллекция драгоценностей ее матери. Вырученные деньги помогут погасить большую часть долгов, которые умудрилась наделать Валерия за последние годы своей жизни. А вот средства, полученные от продажи дома, уже пойдут на реставрацию и ремонт замка. Благодаря Себастьяну состоялась наконец и окончательная атрибуция Матисса. Он же незамедлительно помог ей найти частного коллекционера, который просто жаждал заполучить полотно, без раздумий выложив за него пять миллионов франков. Чек Себастьян с гордостью вручил Эмили.

– Какая жалость, что Матисс не удосужился подписать свою картину, – вздохнул он при этом. – Тогда бы мы смогли заработать как минимум вдвое больше.

Эмили искоса глянула на Себастьяна, который не без интереса следил за тем, как развиваются события в той жаркой схватке, которая разгорелась за право обладания драгоценным комплектом, при этом легкая насмешливая улыбка блуждала по его устам. Она и сейчас продолжала взирать на него как на некое чудо, которое поистине неким чудодейственным образом случилось именно с нею. Этот мужчина так стремительно ворвался в ее жизнь и изменил ее полностью.

В сущности, Себастьян спас ее. Сейчас все у нее по-другому. Зачастую Эмили ловит себя на мысли, будто она проснулась от долгого и мучительного сна и вырвалась наконец на солнце. Первое время она вообще отказывалась поверить в истинность его чувств к ней. Ее пугало, что в любой момент Себастьян может бросить ее, исчезнуть, взять и уехать прочь. Но он был терпелив и нежен и в конце концов сумел сломать все те барьеры, которые она выстроила вокруг себя. И вот девять месяцев спустя она, можно сказать, купается в его любви. Она расцвела на глазах, как расцветает цветок, томимый жаждой и дорвавшийся наконец до воды, которой он был лишен столь долгое время. Когда она разглядывала себя в зеркало, то видела, что от былой угрюмости и маски полной безнадежности не осталось и следа. Напротив! Ее глаза сверкали, словно звезды, кожа тоже налилась и светилась... Иногда, очень редко, но все же выпадали деньки, когда Эмили даже находила себя красивой.

Но любовь любовью, а ведь Себастьян оказался еще и просто незаменимым помощником по части многочисленных организационных вопросов, касающихся обширного наследия

де ла Мартиньеров. Несмотря на то что часто приходилось жить врозь, поскольку Себастьян был вынужден курсировать между Францией и Англией, где оставался его бизнес, каждую свободную минутку он спешил ей на помощь. Вместе они занимались оценкой и последующей реализацией всего того имущества, что хранилось в парижском доме Мартиньеров. Вместе выслушивали иногда и пустую болтовню многочисленных экспертов, архитекторов, строителей и просто оценщиков, которые толпами зачастили в замок. И постепенно стала вырисовываться некая общая картина того, что именно следует сделать, чтобы отреставрировать замок, и сколько это будет стоить в итоге.

Эмили понимала, что чем дальше, тем все больше она делается зависимой от Себастьяна. И дело не только в чувствах. Прежде всего, она полагалась на него в решении той глыбы финансовых и хозяйственных вопросов, которая свалилась на нее. Самый настоящий лабиринт, из которого без его помощи она никогда не смогла бы выбраться. Лично для нее было истинной мукой разбираться ежедневно с целым ворохом бумаг, которыми осыпал ее Жерар, всякий раз с новыми предложениями о том, как именно следует инвестировать полученные от продажи имущества деньги. Приходилось признать, что, как и отца, Эмили совершенно не интересовали проблемы материального свойства. Главное для нее сейчас было – это чтобы вырученных средств хватило на реставрацию замка. И чтобы осталось еще немного сбережений, на которые она станет жить в будущем. Все же остальное представлялось ей абсолютно несущественным. Она была слишком счастлива, чтобы думать о деньгах.

Наконец участники аукциона сошлись на итоговой цифре в миллион двести тысяч франков за комплект из кольца и пары сережек. Выслушав вердикт аукциониста, Эмили подумала, что кольцо скоро парижский дом уже больше не принадлежит ей, то пора сесть вместе с Себастьяном и детально обсудить с ним все финансовые вопросы. Важно, чтобы ситуация все время была под контролем, никакого разбазаривания средств. А Себастьян гораздо лучше знает, как правильно обращаться с финансами и всем тем, что с ними связано. К тому же с некоторых пор она безоговорочно доверяет ему во всем. Ведь он еще ни разу не подвел ее.

Финальный удар молотка аукциониста. Себастьян с улыбкой смотрит на нее.

– Вау, на целых триста тысяч франков больше, чем мы предполагали. Мои поздравления, дорогая!

Он запечатлел нежный поцелуй на ее щеке.

– Спасибо, – коротко ответила Эмили и вдруг замерла, увидев в руке аукциониста следующий лот: низку кремоватого жемчуга и такого же цвета серьги. Мгновенно во рту стало горько. Она низко опустила голову, не в силах смотреть на то, что будет дальше.

Себастьян участливо наклонился к ней.

– Эмили, что с тобой?

– Мамин любимый жемчуг. Она носила его почти каждый день на протяжении всей своей жизни. Я... Прости!

Эмили поспешно подхватила со своего места и направилась к выходу. В фойе она огляделась в поисках дамской комнаты. Зашла в кабинку и уселась на стульчак, обхватив голову обеими руками. Ее мутило, голова кружилась... Удивительно, думала она, как только один вид мамино жемчуга мог привести ее в такое состояние. Ведь до сих пор она избавлялась от вещей, принадлежавших покойной, с легкостью, не испытывая при этом никаких эмоций. И уж точно никакой печали. Напротив! Она даже почувствовала некое облегчение от того, что наконец может освободиться хотя бы от части своего прошлого.

Эмили отрешенно уставилась на резную дубовую дверь в кабинке. Уж не слишком ли сурово судит она собственную мать? В конце концов, Валерия никогда не била ее, не обращалась с ней плохо. А тот факт, что в жизни своей матери она никогда не занимала центрального места, вечно болталась где-то сбоку припека, – так это еще не повод утверждать, что ее мать

была исключительно плохим человеком. Валерия всегда была слишком занята собой, ее центром мироздания была она сама, и там просто не было места для кого-то еще.

И потом... Эмили тяжело вздохнула. Когда она так тяжело болела, когда в тринадцать лет с ней случилось ужасное, то можно ли обвинять Валерию в жестоком к ней отношении? Да она просто ничего не заметила, только и всего. Как всегда.

Эмили вышла из кабинке, подошла к раковине и плеснула в лицо водой.

– Все, что она могла, она сделала, – прошептала Эмили собственному отражению в зеркале. – Ты должна простить ее. Простить и двигаться дальше.

Сделав несколько глубоких вдохов, Эмили вышла из дамской комнаты и увидела Себастьяна, нервно разгуливающего по коридору.

– С тобой все в порядке? – тут же спросил он и бережно обнял ее за плечи.

– Да. Почувствовала какую-то слабость, но сейчас все хорошо.

– Дорогая! Да от всего этого у кого угодно нервы разойдутся. – Он кивком головы указал на зал, где продолжались торги. – Своими глазами наблюдать за тем, как с молотка уходят вещи твоей матери... последние свидетельства ее жизни. А что, если нам прямо сейчас отправиться куда-нибудь на ланч? Зачем тебе здесь торчать до самого конца аукциона?

– Хорошая мысль. Я только за, – обрадовалась Эмили.

Они вышли на улицу и направились в ресторан, который, по словам Себастьяна, он неплохо знал. Холодный январский ветер пронизывал насквозь.

– Ресторанчик немного простоват, – рассказывал по пути Себастьян, – но зато там подают просто отменную рыбу, тушенную в белом вине. Отлично подойдет на горячее, особенно в такой холодный день, как сегодня.

Они уселись за простой деревенский стол. Эмили продрогла до самых костей и потому очень обрадовалась, когда увидела, что рядом с ними весело полыхает камин. Себастьян заказал рыбу, затем взял Эмили за руки и стал растирать их, пытаясь ее хоть немного согреть.

– Самое хорошее – это то, что процесс расставания с прошлым почти завершен. Сейчас ты смело можешь сконцентрироваться уже на будущем.

– Без тебя, Себастьян, этот процесс затянулся бы еще бог знает на сколько. Спасибо тебе... Спасибо за все! – В глазах Эмили блеснули слезы.

– Не стоит благодарностей, – поспешно обронил он и добавил: – Может быть, сейчас как раз подходящий момент, чтобы поговорить уже о *нашем* будущем?

При этих словах сердце Эмили забилося учащенно. Занимаясь в последнее время исключительно делами прошлых лет, она как-то уже приспособилась жить днем сегодняшним, не горя особым желанием заглянуть в день завтрашний. Да и что толку строить планы на будущее, когда она до сих пор понятия не имеет о том, как именно сам Себастьян представляет себе их отношения в перспективе? А спросить его об этом напрямую у нее просто не хватало духу. Вот и сейчас она замерла на месте, ожидая, что он скажет дальше.

– Тебе известно, Эмили, что бизнес мой сосредоточен в Англии. В последние несколько месяцев, что я провел здесь, во Франции, я изо всех сил старался сохранить его, но боюсь, мое постоянное отсутствие сказалось на делах не лучшим образом. Говоря спортивным языком, я перестал контролировать мяч.

– Это все из-за меня! – воскликнула Эмили сокрушенным тоном. – Ты занимался только моими делами, а собственный бизнес запустил.

– Все не так уж безнадежно, – тут же бросился успокаивать ее Себастьян. – Но в любом случае мне пора домой. Надо максимально сконцентрироваться на своей работе. Перестать тратить время на разъезды и прочее.

– Понятно, – едва слышно обронила Эмили, переваривая все то, что только что сообщил ей Себастьян.

Что ж, все правильно. Он здорово помог ей в самый трудный момент ее жизни. А сейчас, наверное, решил, что самое худшее уже позади и она вполне может обойтись и без него. У нее занято под ложечкой.

Смятение в глазах Эмили не укрылось от Себастьяна. Он словно прочитал ее мысли, после чего взял за руку и поцеловал.

– Догадываюсь, о чем ты сейчас подумала... Да, мне действительно нужно вернуться в Англию. Позарез нужно и прямо сейчас. Но я и в мыслях не держу возвращаться домой одному.

– То есть это... как?

– Так. Ты поедешь вместе со мной, Эмили.

– В Англию?

– Да, в Англию. Кстати, как у тебя обстоят дела с английским? – Он шутливо улыбнулся. – Мы ведь с тобой постоянно общаемся только на французском. Вот я и спрашиваю. Говорить по-английски умеешь?

– Обижаешь! Мама в свое время настояла, чтобы я исправно изучала английский язык. А позже, когда я уже работала в клинике, у меня было несколько клиентов-англичан.

– Вот и отлично. Это многое меняет. Словом, я приглашаю тебя присоединиться ко мне и поехать вместе. Твою парижскую квартиру можно легко сдать на какое-то время, а ты сама в это же самое время будешь наслаждаться поеданием йоркширского пудинга в моем обществе и приобщаться к нашему пиву во всем многообразии его сортов.

– А как же замок? – воскликнула Эмили. – Разве я не должна лично отслеживать весь ход работ?

– Но ты же прекрасно понимаешь, что как только начнется ремонт в доме, он тут же превратится в одну сплошную стройку и станет практически непригодным для жилья. Ведь в замке нужно будет поменять всю проводку, систему водоснабжения и канализации, не говоря уже о крыше. Ну и как ты там станешь жить? Особенно зимой... Конечно, ты можешь продолжать жить в своей парижской квартире и периодически наведываться в Гасси, чтобы проследить за тем, как движутся работы. Но с таким же успехом можно воспользоваться самолетом до Ниццы и прилететь из Англии даже быстрее, чем добираться поездом из Парижа. Соглашайся! – добавил он умоляющим тоном. – Ведь если ты решишься отправиться вместе со мной в Англию, это значит, что мы и дальше будем вместе. – Себастьян бросил на нее выразительный взгляд. – Если ты, конечно, сама этого хочешь.

– Я? Я...

– Тогда о чем больше спорить? – перебил ее Себастьян. – Не говоря уже о том, насколько упростится при этом моя собственная жизнь. Ведь что там греха таить, для меня гораздо удобнее иметь тебя под боком в Англии, чем постоянно сновать, как челнок, туда-сюда. Но решать тебе и только тебе. Если ты предпочтешь остаться во Франции, то я пойму тебя и приму твое решение, как должное.

– Но... – промямлила Эмили в нерешительности, все еще не зная, в какие именно слова ей облечь свой главный вопрос. Он приглашает поехать вместе с ним в Англию навсегда? Или только на тот период, пока будет длиться реставрация замка?

– Эмили, – вздохнул Себастьян. – Я могу читать твои мысли, словно по открытой книге. Мое предложение... оно ведь продиктовано не столько желанием решить какие-то чисто практические вопросы. Есть еще и эмоциональная составляющая. Я люблю тебя и хотел бы провести с тобой весь остаток моей жизни. Где и как мы станем строить нашу совместную жизнь – это вопрос времени. Думаю, вместе мы найдем приемлемое решение. Но у меня к тебе еще один вопрос.

Себастьян засунул руку в карман пиджака и извлек оттуда крохотную коробочку. Открыл ее, и Эмили увидела тоненькое колечко с небольшим сапфиром.

– Эмили! Я прошу тебя стать моей женой.

– Что? – воскликнула Эмили в полнейшем смятении.

– Пожалуйста, не надо делать такой испуганный вид, – ответил Себастьян, шутливо округлив свои глаза. – В конце концов, это романтический момент в нашей жизни. И ты должна вести себя соответственно.

– Прости, но ты действительно сразил меня наповал своим предложением. Я никак не ожидала... – Глаза Эмили моментально наполнились слезами. – Ты уверен? – Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Ты это серьезно? – Себастьян снова вздохнул. – Конечно, уверен. Уверен на все сто! Или ты думаешь, что я каждый день делаю подобные предложения и раздариваю направо и налево обручальные кольца?

– Но ведь мы так мало знаем друг друга.

– Эмили! За последние девять месяцев мы с тобой, по-моему, успели хорошо притереться друг к другу. Вспомни сама. Мы все делали вместе: вместе спали, ели, работали, постоянно разговаривали друг с другом. Но если, – глаза Себастьяна затуманились, – если ты не уверена во мне, тогда, конечно, это меняет дело. Но я пойму тебя и в этом случае...

– Ах, нет, – Эмили все еще никак не могла оправиться от пережитого только что потрясения. – Себастьян, ты – прекрасный человек и я... я люблю тебя. То есть если ты хочешь услышать мой ответ, то – да!

– Уверена? – Себастьян слегка покачал зажатым между пальцами кольцом.

– Уверена, – твердо ответила ему Эмили.

– Тогда я, – Себастьян надел кольцо на палец Эмили, – самый счастливый мужчина на свете.

Эмили безмолвно уставилась на кольцо.

– Какое красивое, – выдохнула она наконец.

– Это обручальное кольцо моей бабушки. Оно мне тоже очень нравится. Скромное, но очень милое. Разумеется, его не сравнишь с теми глыбами бриллиантов, которые обожала твоя матушка. Кстати, если ты захочешь сохранить свою девичью фамилию, я не стану возражать. И не обижусь тоже. – Он отхлебнул немного вина из бокала. – Надо иметь в виду, что ты – последняя из рода де ла Мартиньеров.

Как-то Эмили до сего дня даже не приходила в голову эта мысль.

– Даже и не знаю, что тебе ответить, – сказала она, понимая всю серьезность момента и тем не менее постепенно погружаясь в счастливое состояние полнейшей эйфории.

– А ты и не торопись с ответом, – проговорил Себастьян утешительным тоном, обозревая рыбу, которую им подали. – Извини, что я несколько ошарашил тебя своим предложением. На самом деле я планировал сделать этот шаг уже давно. Итак, какие есть мысли касательно того, где и когда мы можем связать себя узами законного брака?

– Не прямо сейчас... Где-нибудь во Франции, если ты не возражаешь. В небольшом городке... Чтобы все было предельно скромно, – добавила она торопливо.

– Согласен. Приблизительно такого ответа я от тебя и ждал. И все же, когда именно?

Эмили слегка пожала плечами:

– Пока у меня нет никаких конкретных предложений. А у тебя?

– Для меня чем быстрее, тем лучше. Я тут подумал... А здорово было бы заявиться в Англию уже с молодой женой под руку. Ты говоришь, что предпочитаешь что-то тихое и спокойное... Как смотришь, если мы проведем нашу брачную церемонию прямо здесь, в Париже?

Несколько дней спустя Эмили приехала в замок, чтобы лично проследить за тем, как перевозится на хранение мебель из дома. Уже после свадьбы и последующего переезда в Йоркшир она планировала вернуться в Гасси снова, чтобы организовать перевоз библиотеки и сделать это еще до того, как в замке начнутся ремонтные работы. Себастьян улетел в Англию,

чтобы получить там метрику, необходимую, в числе прочих документов, для того, чтобы вступить в законный брак на территории Франции.

Она тем временем успела решить вопрос со своей парижской квартирой: сдала ее внаем сроком на полгода. После чего собралась с духом и, скрипя зубами, позвонила своему шефу, главврачу ветлечебницы, в которой она трудилась, чтобы сообщить ему, что больше в клинику она не вернется.

– Нам всем очень жаль терять тебя, – сокрушенно вздохнул Леон, выслушав новость. – Да и твои пациенты будут по тебе скучать. Но если захочешь вернуться, то просьба: сразу же сообщи мне. Будь счастлива в браке, удачи тебе в твоей новой жизни в Англии. Я рад за тебя, Эмили. Наконец-то ты обрела счастье, которого заслуживаешь.

Эмили слегка смутило, что те немногочисленные приятельницы, с которыми она поделилась своими планами на будущее – выйти замуж и уехать вместе с любимым человеком к нему на родину, в Англию, были, мягко говоря, весьма удивлены ее спонтанным решением.

– Вообще-то это совсем не похоже на тебя. Принимать столь кардинальные решения и в такой спешке, – задумчиво бросила Сабрина, с которой Эмили дружила еще со студенческих лет. – Но надеюсь, я смогу поприсутствовать на свадьбе и своими собственными глазами увидеть того рыцаря на белом коне, который наконец-то похитил твое сердце и готов умыкнуть тебя прочь всю, целиком и без остатка.

– А никакой свадьбы не будет. На церемонии будем только мы с Себастьяном и наши свидетели. Это я настояла, чтобы все было предельно скромно.

– Смешная ты, Эмили, – разочарованно вздохнула Сабрина. – А я-то вообразила, что по такому поводу ты закатишь пир на весь мир. Что ж, будь счастлива. И не теряйся из виду.

Прибыв в замок, Эмили обнаружила Марго прямо у парадного входа. Та поприветствовала ее между делом, потому что бдительно следила за тем, как грузчики управляют с хрупкими зеркалами в массивных золоченых рамах и доспехами времен Людовика XIV, вынося вещи из дома.

– Просила же их быть поаккуратнее. Так нет! Уже успели поцарапать угол старинного комода, – кипятилась домоправительница, ставя перед Эмили чашку кофе.

– Что ж, такие неприятности неизбежны при любом переезде, – рассеянным тоном ответила ей Эмили. – Послушайте, Марго, у меня есть новость. – Она с улыбкой глянула на свое обручальное кольцо. – Я выхожу замуж.

– Замуж? – По лицу Марго разлилось изумление. – За кого?

– За Себастьяна, конечно.

– Конечно, – утвердительно кивнула головой Марго. – Но как-то уж очень все быстро... Вы ведь и знакомы с ним всего ничего, каких-то пару месяцев. Вы уверены в своем выборе?

– Да. Я люблю его, Марго. Он был так добр ко мне. Столько сделал...

– Это верно, – согласилась с хозяйкой домоправительница. После чего подошла к ней и расцеловала в обе щеки. – Тогда я рада за вас. Хорошо, что в вашей жизни появится человек, который станет заботиться о вас.

– Спасибо.

– А теперь прошу простить меня, но я вас оставляю. У нас там столько пылищи наверху. Как начали двигать мебель, то пыль стоит столбом. Пойду прибираться. А с вами, мадемуазель, мы увидимся позднее.

После ланча Эмили собралась навестить Жана и Жака, сообщить им о своем предстоящем замужестве. Все равно толку от ее присутствия в замке никакого – процесс выноса имущества шел своим чередом. Да и не хотелось ей наблюдать весь этот кавардак. Шагая по направлению к виноградникам, она размышляла о том, как убедить своих старых друзей в том, что ее переезд в другую страну никак не отразится ни на процессе реставрации замка, ни на винодельческом бизнесе, в развитии которого она по-прежнему весьма заинтересована.

Выслушав новость, Жан настоял, что по такому поводу не грех выпить и бутылочку шампанского. Ему как раз презентовал недавно бутылку один приятель-винодел.

– Все ждал подходящего повода, чтобы откупорить, – добродушно улыбнулся он, сопровождая Эмили в теплую гостиную. Жак, по своему обыкновению, дремал в кресле возле камина. – Папа, у Эмили отличные новости. Она выходит замуж.

Жак разлепил один глаз и глянул сонным взглядом на Эмили.

– Ты слышал, папа, что я сказал? Эмили выходит замуж. – Жан повернулся к Эмили и добавил вполголоса: – У него опять приступ сильнейшего бронхита. Всегда зимой его бронхит одолевает.

– Да, – с некоторой заминкой отреагировал Жак и открыл второй глаз. – За кого?

– За того молодого англичанина, которого Эмили приводила на виноградники. Помнишь? Она тогда и нас с ним познакомила. Его зовут Себастьян... – Жан вопросительно посмотрел на Эмили, чтобы та подсказала ему фамилию своего жениха.

– Каррузерс, – закончила вместо него Эмили. – Он родом из Йоркшира в Англии. После замужества я перееду к нему. На какое-то время, пока в замке идет ремонт. Но я все равно буду часто приезжать сюда, – твердо пообещала она.

– Вы говорите, Каррузерс? – На лице старика появилось настороженное выражение. – Из Йоркшира?

– Да, отец, – подтвердил ему Жан.

Жак встряхнул головой, словно пытаясь навести порядок в той сумятице мыслей, которые теснили его.

– Скорее всего, это простое совпадение, но я знал одного человека с такой же фамилией, и тоже из Йоркшира, много-много лет тому назад.

– Правда, папа?

– Да, но то была женщина. Констанция Каррузерс. Давно было, еще в годы войны.

– Именно так и звали бабушку Себастьяна. Он мне тоже рассказывал, что в годы войны его бабушка находилась на территории Франции. – Эмилия почувствовала, как по всему ее телу вдруг пробежала легкая дрожь. От волнения, что ли... Глянув на свое обручальное кольцо, она добавила: – Я сейчас ношу ее обручальное кольцо.

Она протянула руку Жаку, чтобы тот смог получше разглядеть кольцо. Старик принялся внимательно изучать его.

– Да, это ее кольцо. Точно! – Жак поднял глаза и уставился на Эмили. В его взгляде читалось сильное потрясение, пожалуй, даже шок. – Так вы собираетесь выйти замуж за внука Констанции?

– Да.

– Мой бог! – воскликнул Жак и стал неловко шарить в кармане брюк в поисках носового платка. – Поверить не могу. Констанция...

– Ты хорошо ее знал, папа? – спросил у него Жан. Судя по всему, он был удивлен реакцией отца не меньше Эмили.

– Очень хорошо знал. Ведь она же жила вот здесь, в этом доме, вместе со мной. Провела тут много месяцев... Она была... – Жак нервно сглотнул слюну. – Она была мужественной женщиной и доброй тоже. Участливой, всегда готовой прийти на помощь. Она еще жива? – В его водянистых голубоватых глазах мелькнула надежда.

– К сожалению, нет. Она умерла где-то около двух лет тому назад, – ответила Эмили. – Но как Констанция Каррузерс очутилась в наших местах? Как попала к вам? Расскажите мне, пожалуйста.

Жак погрузился в долгое молчание, отрешенно уставившись куда-то вдаль, а потом и вовсе закрыл глаза, чтобы ничто не мешало ему думать и вспоминать.

– Папа, немного шампанского, а? – предложил Жан, протягивая ему бокал.

Жак взял бокал трясущейся рукой и отхлебнул немного игристого. Он явно все еще продолжал собираться с мыслями.

– Эмили, – неожиданно обратился он к ней. – А как вы познакомились с этим человеком... внуком Констанции?

– Перед самой смертью бабушка рассказала Себастьяну о своей жизни в годы войны на территории оккупированной Франции, в частности, здесь. Он отыскал информацию о нашем замке и приехал, чтобы лично взглянуть на него, – принялась пересказывать Эмили старику всю историю своего знакомства с Себастьяном. – Но он так же, как и я, понятия не имеет, по какой причине она оказалась в Гасси. Мы оба были бы счастливы узнать это.

Жак устало вздохнул:

– О, это очень длинная история. Вот уж никогда не думал, что в один прекрасный день мне придется ворошить прошлое и рассказывать о том, что было давным-давно.

– Пожалуйста, Жак. Я прошу вас! – взмолилась Эмили. – С огромным удовольствием выслушаю эту историю из первых уст. С каждым днем я понимаю все острее и острее, как же мало я знаю о прошлом своей семьи, особенно о том, что касается отца.

– Эдуард был замечательным человеком. Он был, к слову говоря, награжден орденом Освобождения за проявленную храбрость и мужество в деле освобождения Франции, но, – Жак скорбно пожал плечами, – граф отказался принять награду. Сказал, что есть гораздо более достойные люди, заслужившие столь высокую награду.

– Пожалуйста, Жак, расскажите мне хоть немножко, хоть самую малость, – Эмили снова принялась упрашивать старика. – В конце концов, я ведь собираюсь выйти замуж за внука Констанции. И мне особенно важно знать, какие ниточки, тянущиеся из прошлого, связывают нас.

– Да, вы правы, мадемуазель Эмили. Вы должны знать. Ведь это – история вашей семьи. Вот только с чего начать? – Жак снова уставился куда-то вдаль, словно ища там подсказку. – Итак, – заговорил он после долгой паузы, – начнем с Констанции. Я знаю о ней практически все. Ну или почти все. – Старик улыбнулся. – Здесь, в этом доме, долгими зимними вечерами она часто рассказывала мне о своей жизни в Англии... И о том, как оказалась во Франции...

Хочу видеть...

*Хочу видеть алые розы
И свет серебристой луны,
Тяжелые гроздья мимозы,
Все буйные краски весны.
Хочу видеть синь океана
И волн устрашающий рев.
И вдруг в высоте так неожиданно
Парящих красавцев орлов.
Хочу видеть кисть винограда
И солнечный свет с высоты.
Другой красоты мне не надо.
Мне хватит и этой мечты.
Хочу видеть лица людей,
Кто внемлет мне, слушая стих.
И это желанье, пожалуй, сильнее
Всех прочих желаний моих.*

София де ла Мартиньер, 1927 год, 9 лет

7

Лондон, март 1943 года

Констанция Каррузерс вскрыла конверт из плотной бурой бумаги, который уже поджидал ее на письменном столе по приходе на работу. Внимательно прочитала содержимое. В письме ее приглашали на собеседование. Оно должно было состояться во второй половине дня в Министерстве обороны, кабинет 505а. Снимая пальто, она рассеянно подумала, что наверняка ее с кем-то перепутали. Конни была вполне довольна своей нынешней работой делопроизводителя в службе разведки – «перехватчики», как ласково называли этих девушек в МИ-5, а потому и думать не думала о переходе на другую работу. Она тут же направилась в приемную и осторожно постучала в кабинет начальницы.

– Входите.

– Прошу простить меня, что отвлекаю вас от работы, мисс Кавендиш, но я получила письмо, в котором меня приглашают явиться сегодня на собеседование в Министерство обороны. Вы, случайно, не в курсе, с чем это связано?

– Мы здесь не задаем вопросов типа «Почему?» или «С чем связано?»! – рявкнула в ответ мисс Кавендиш, оторвавшись на мгновение от вороха бумаг, которыми был завален ее стол. – Думаю, они сами все объяснят вам в процессе собеседования.

– Но, – Конни замялась в нерешительности, слегка прикусив нижнюю губу, – я думала, вы довольны тем, как я работаю.

– Да, я довольна вашей работой, миссис Каррузерс. А сейчас предлагаю вам отложить все остальные ваши вопросы на вторую половину дня.

– Так мне идти туда?

– Само собой. Это все?

– Да, спасибо.

Конни тихонько прикрыла за собой дверь, вернулась на свое рабочее место и села за стол. Одно она поняла точно: все случившееся есть не случайность, а свершившийся факт.

Петляя по извилистым подземным переходам цокольного этажа Министерства обороны, где, по сути, размещался штаб правительства по руководству всеми военными операциями, Конни вдруг особенно остро почувствовала, что предстоящее собеседование будет отнюдь не простым дежурным разговором. Ее проводили в небольшую комнату, на первый взгляд совсем голую. Из предметов мебели – только стол и два стула.

– Добрый день, миссис Каррузерс. Меня зовут мистер Поттер. – Представительный мужчина средних лет поднялся ей навстречу и, слегка перегнувшись через стол, пожал руку. – Прошу вас, присаживайтесь.

– Спасибо.

– Мне сказали, что вы свободно говорите по-французски. Это правда?

– Да, сэр.

– Тогда не возражаете, если мы продолжим наш дальнейший разговор на французском?

– Я... *non*, – согласилась Конни, мгновенно переключаясь на другой язык.

– Вот и отлично! А теперь расскажите мне, где вы научились так хорошо говорить по-французски? – задал свой первый вопрос мистер Поттер.

– Моя мама была француженкой. У ее сестры, моей тети, имеется свой дом в Сен-Рафаэлле. Я там отдыхала каждое лето.

– Иными словами, вы очень любите Францию, не так ли?

– Да. Я чувствую себя француженкой и англичанкой одновременно, хотя родилась в Англии.

Глаза мистера Поттера, похожие на два острых буравчика, немедленно уставились на Конни. Густые каштановые волосы, карие глаза, широкая крепкая кость, выдающая галльскую кровь.

– Да, вы действительно очень похожи на француженку. Из вашей анкеты следует, что вы изучали французскую культуру в Сорбонне?

– Да. Я провела в Париже три года. Незабываемых три года, – добавила Конни с легкой улыбкой.

– Тогда почему вы все же вернулись на родину по завершении учебы?

– Я вернулась, чтобы выйти замуж за друга своего детства.

– Понятно, – коротко обронил мистер Поттер. – Ваше постоянное местожительства – Йоркшир?

– Да, фамильное имение моего мужа располагается в Северном Йоркшире, среди тамошних болот. Правда, сейчас, пока я работаю на Уайт-холле, я временно проживаю в нашей лондонской квартире. Муж в данное время находится за границей, в Северной Африке.

– Насколько мне известно, он – капитан Шотландской гвардии?

– Да, – подтвердила кивком головы Конни. – Но в настоящий момент он числится пропавшим без вести.

– Я слышал об этом. Сочувствую вам всей душой. Детей пока нет? – задал очередной вопрос мистер Поттер.

– Нет. Война помешала. – Конни тяжело вздохнула. – Мы поженились буквально за несколько недель до того, как Лоренса призвали на службу. Вот я и решила, что негоже мне сидеть в Йоркшире и вязать носки. Нужно ехать на Юг, в столицу, и попытаться заняться чем-то более полезным и важным.

– Так вы, оказывается, пламенная патриотка, миссис Каррузерс?

– Так оно и есть, мистер Поттер.

Конни слегка вскинула брови, несколько раздосадованная столь бесцеремонным вопросом.

– И вы даже готовы отдать жизнь за родину, если это потребуется? И за Францию, которую так сильно любите?

– Если потребуется, то – да.

– Говорят, вы умеете отлично стрелять, – продолжил мистер Поттер свой допрос.

Конни бросила на него удивленный взгляд.

– Я бы не рискнула заявлять, что отлично стреляю. Правда, я с молодых лет любила поучаствовать в охоте в имении моего будущего мужа.

– То есть в юности вы были настоящим сорванцом?

– Никогда не задумывалась над этим, – честно призналась Конни, стараясь отвечать предельно искренне на столь неожиданные вопросы. – Но я действительно любила и продолжаю любить все, что связано с времяпрепровождением на свежем воздухе.

– И здоровье у вас отменное, не так ли?

– Да. Мне повезло. Со здоровьем у меня пока нет проблем.

– Благодарю вас, миссис Каррузерс. – Мистер Поттер решительным движением захлопнул папку, лежавшую перед ним, и поднялся из-за стола. – Мы с вами свяжемся в ближайшее время. Всего хорошего.

Он протянул ей руку, и Конни пожала ее.

– Спасибо, до свидания, – ответила она, удивленная тому, как неожиданно резко закончилось это необычное собеседование. И так ли она повела себя? Правильно ли держалась на протяжении всего этого довольно странного разговора?

Конни вышла на улицу. В воздухе пахло весной. Город жил напряженной жизнью военного времени. В небе над Лондоном, у самой кромки горизонта, в тревожном ожидании застыли аэростаты. Всю обратную дорогу к себе на работу Конни размышляла о том, почему ее пригласили на встречу с человеком, который назвался мистером Поттером.

Тремя днями позже она снова сидела в кабинете номер 505а, неловко щурясь под ярким электрическим светом, бьющим прямо в лицо. И все началось по новой. Ее укачивает в машине? А в самолете? Есть проблемы со сном? Знакома ли она с французской железной дорогой? Знает ли, как там можно добраться из одного места в другое? А Париж она знает хорошо? С легкостью ориентируется в городе?

Хотя ей ни слова не было сказано о том потенциальном задании, которое они планировали ей поручить, кое-что в голове Конни стало постепенно проясняться. Вечером она вернулась к себе домой, на квартиру, расположенную неподалеку от Слоун-сквер, уже в полной уверенности, что если сегодняшнее собеседование она выдержала как положено, то в скором будущем ее жизнь должна измениться самым кардинальным образом. И бесповоротно.

– Итак, миссис Каррузерс, вот мы и встретились с вами снова. Пожалуйста, присаживайтесь.

От глаз Конни не укрылось, что сегодня мистер Поттер ведет себя с ней более непринужденно и раскованно. Он даже улыбнулся ей, прежде чем заговорить.

– Уверен, миссис Каррузерс, что вы уже догадались, зачем мы пригласили вас сюда снова.

– Да, – ответила она. – Полагаю, вы считаете, что я могу пригодиться для выполнения какого-то спецзадания на территории Франции, не так ли?

– Именно так. Надеюсь, вы наслышаны о существовании отдела разведывательно-диверсионной службы под грифом F, так называемой РДС, который руководит всеми спецоперациями в рамках МИ-5? – поинтересовался он у нее.

– Немного. Кое-какие документы проходили через мои руки, – призналась Конни. – Но только в той части, которая касалась перепроверки данных на рассматриваемые кандидатуры женщин.

– За последние несколько дней такой перепроверке подверглись и вы сами, – сказал мистер Поттер. – В ходе этой проверки не всплыло ни единого факта, дискриминирующего вас. Ничего существенного. Мы действительно думаем, что вы нам подходите и со временем станете полезным членом нашей команды в РДС, настоящим агентом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но мы, миссис Каррузерс, вполне отдаем себе отчет, сколь велика ответственность, которую наша служба намеревается возложить на вас. Да, мы здесь, в Британии, и во Франции тоже, вполне доверяем вам. Но нельзя забывать, что выполнение секретного задания, которое будет вам поручено, сопряжено и с потенциальными угрозами для вашей жизни. – Лицо мистера Поттера приобрело серьезное выражение. – Что вы сами об этом думаете?

Конни заранее предвидела подобный вопрос. Она целую неделю промучилась без сна, прикидывая в уме, как она станет отвечать и что именно будет говорить.

– Мистер Поттер, у меня нет ни тени сомнения в правоте того дела, за которое так мужественно сражаются союзники. И я сделаю все от меня зависящее, чтобы не подвести вас. Но я понимаю, что пока еще ни разу в своей жизни не подвергалась серьезным испытаниям, которые помогли бы мне ответить на ваш вопрос уже со знанием дела. Мне двадцать пять лет, и во многом у меня просто еще нет опыта. Мне надо многому научиться для того, чтобы лучше понять жизнь. И саму себя тоже.

– Я ценю вашу искренность и прямоту, миссис Каррузерс. Хочу вас заверить, что отсутствие опыта – не такая уж страшная вещь. Большинство из тех женщин, которых мы привлекли в нашу службу для выполнения более чем серьезных и важных заданий, имеют опыт не больше

вашего. Среди тех, кто уже числится в списке наших агентов, на данный момент есть актриса, продавщица, просто домохозяйка, жена и мать, администратор, работавшая ранее на ресепшн в отеле. Со своей стороны, и это я расцениваю как позитивный момент, мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы помочь вам, чтобы, как говорится, натаскать вас по всем правилам, прежде чем забросить в тыл к врагу. Вас впереди ждет интенсивный курс тренировок, различные психологические тренинги, которые в дальнейшем помогут вам в какой-то мере правильно ориентироваться в ситуации, верно оценивать степень грозящей вам опасности, если вы вдруг в таковой окажетесь. Могу заверить вас, что окончательное решение по вашей кандидатуре будет принято лишь по окончании обучения, когда и вы, и руководители РДС будете абсолютно уверены в том, что вы готовы к работе и сможете достойно справиться с теми задачами, которые будут перед вами поставлены. Итак, я спрашиваю вас еще раз. Вы готовы к такой работе, понимая, что она сопряжена и с вашей потенциальной гибелью тоже?

Конни распрямилась и посмотрела прямо в глаза мистеру Поттеру.

– Да, готова.

– Отлично. Значит, все решено. Поскольку вы и так являетесь сотрудницей МИ-5 и подписывали в свое время Акт о неразглашении служебных тайн, то больше я вас не стану беспокоить. Через несколько дней вы получите всю необходимую информацию уже непосредственно из отдела F. Мои поздравления, миссис Каррузерс. – Мистер Поттер снова поднялся из-за стола, но на сей раз он обошел его, чтобы не только пожать ей руку, но и лично проводить до двери. – От имени наших двух стран, Британии и Франции, выражаю вам свою глубочайшую благодарность за вашу готовность пожертвовать собой, если понадобится, во имя нашего общего дела.

– Спасибо, мистер Поттер. Могу я спросить...

– Нет, больше никаких вопросов, миссис Каррузерс. В свое время вы получите ответы на все интересующие вас вопросы. Само собой, факт наших с вами собеседований здесь, в том числе и все то, что касается вашего будущего, есть тоже государственная тайна самого высокого уровня. Надеюсь, вы понимаете это?

– Да.

– Тогда удачи вам, миссис Каррузерс.

Мистер Поттер прочувствованно пожал ей руку и распахнул перед нею дверь.

– Благодарю вас.

На следующее утро, придя на работу, Конни поняла, что ее начальница мисс Кавендиш уже проинформирована о предстоящем уходе своей сотрудницы.

– Слышала, что уже совсем скоро вам предстоит пастись на новом пастбище, – бросила она, когда Конни вошла в кабинет, и в ее усталых глазах мелькнуло нечто отдаленно похожее на улыбку. – Это вам. – Мисс Кавендиш протянула Конни запечатанный конверт. – Завтра в девять часов утра вы должны явиться вот по этому адресу. Благодарю за вашу работу здесь. Мне жаль терять такого сотрудника.

– Мне тоже жаль уходить.

– Уверена, миссис Каррузерс, вы достойно справитесь со всем, что ждет вас впереди.

– Буду стараться, – коротко ответила Конни.

– Вот и прекрасно. Не подведите меня, – бросила ей вдогонку мисс Кавендиш, когда Конни была уже у дверей. – Ведь это же я порекомендовала вас туда.

На следующее утро, ровно в девять часов, Конни уже стояла перед входом в здание на Орчард-Корт, почти рядом с Бейкер-стрит. Она назвала свое имя открывшему ей дверь вахтеру, тот молча кивнул и проводил до кабинки лифта, распахнув перед ней позолоченную решетку лифта. Вместе они поднялись на второй этаж, там он открыл замок в одной из дверей, тянувшихся вдоль длинного коридора, и провел ее внутрь.

– Пожалуйста, мисс, подождите здесь.

К своему удивлению, Конни обнаружила, что ее провели не в кабинет, а в ванную комнату.

– К вам сейчас подойдут, мисс, – кивком головы распрощался с ней вахтер и закрыл дверь за собой.

Конни присела на краешек ванны сверкающего черного цвета, сделав свой выбор именно в пользу ванны, а не стоящего рядом биде цвета оникса, и стала гадать, что будет дальше. Через какое-то время дверь снова отворилась, и на пороге опять возник вахтер.

– Следуйте за мной, мисс, – скомандовал он и, выведя Конни из ванной комнаты, повел вдоль по коридору в кабинет, где ее уже поджидал, небрежно усевшись прямо на стол, высокий светловолосый мужчина.

При виде Конни он широко улыбнулся и крепко пожал ей руку.

– Миссис Каррузерс, рад познакомиться с вами. Меня зовут Морис Бакмастер. Я возглавляю отдел F. Слышал о вас много лестного.

– Я тоже, сэр, – ответила Конни, энергично пожимая ему руку. Да и как не слышать было? В МИ-5 об этом человеке ходили легенды. Говорили, что даже сам Гитлер якобы недавно сказал так: «Когда я войду в Лондон, то у меня будут большие сомнения насчет того, кого повесить первым – Черчилля или Бакмастера».

– На каком языке предпочитаете вести дальнейший разговор – на английском или на французском?

– Все равно, – ответила Конни.

– Отлично. Тогда я выбираю французский. Уверен, вы жаждете узнать как можно больше о том, чем мы все тут занимаемся. А потому прямо сейчас я сдам вас с рук на руки мисс Аткинс. С этого момента вы всецело поступаете в ее распоряжение.

Бакмастер легко спрыгнул со стола и зашагал своими длинными ногами к выходу. Семеня за ним следом по коридору, Конни наблюдала за его энергичной и целеустремленной походкой. Вот он открыл еще одну дверь и ввел ее в комнату, утопавшую в клубах сигаретного дыма.

– Приветствую вас, Вера, – улыбнулся он женщине средних лет, восседавшей за письменным столом. – Прошу любить и жаловать! Констанция Каррузерс собственной персоной. Оставляю ее в ваших надежных руках. Констанция, это – мисс Аткинс, гроза всего нашего отдела. До скорой встречи! – Он попрощался с обеими коротким кивком головы и исчез за дверью.

– Присаживайтесь, милая, – обратилась к Конни мисс Аткинс, вперив в нее пристальный взгляд своих голубых глаз. – Мы рады, что вы вливаетесь в наши ряды. А сейчас я готова ответить на любые ваши вопросы и рассказать, что вас ждет в ближайшее время. Что вы сказали своей семье о тех переменах, которые произошли с вами за последнее время?

– Ничего. Пока ничего, мисс Аткинс. Мой муж пропал без вести на фронте. Он воевал в Африке. А с родителями я беседую по телефону раз в неделю, по воскресеньям, – ответила Конни и добавила, слегка улыбнувшись: – А сегодня еще только пятница.

– Ваши родители проживают в Йоркшире, и у вас нет детей. – Мисс Аткинс глянула в папку с личным делом Конни, лежавшую перед ней на столе. – В нашем с вами случае это даже к лучшему. Родителям, да и всем своим друзьям тоже, можете сказать, Констанция, что вас перевели в Корпус медсестер скорой помощи. Скажете, что по служебным делам возможны командировки во Францию, водительские услуги и все такое прочее. В любом случае правду нельзя говорить никому.

– Да, мисс Аткинс.

– В скором времени вы отправитесь в учебный центр за пределами Лондона. Там вы пробудете несколько недель. Ежедневно я лично буду отслеживать все ваши успехи на всех этапах подготовки.

- А что включает в себя курс подготовки? – поинтересовалась Конни.
- Вас, миссис Каррузерс, научат всему, что может вам пригодиться при выполнении задания. Курите? – Мисс Аткинс протянула Конни пачку сигарет.
- Спасибо. – Конни взяла одну. Мисс Аткинс тоже.
- В своей лондонской квартире вы живете одна?
- Да.
- Тогда нет необходимости менять вам адрес на новый. А вот фамилию придется. Мы тут поговорили с мистером Бакмастером и решили, что вы возьмете девичью фамилию вашей матери. Шапель, если мне не изменяет память. А ваша тетушка, которая проживает в Сен-Рафаэль, она по мужу баронесса де Монтень?
- Да, – кивнула в знак согласия Конни.
- Что ж, тогда во Франции вы будете тем, кто вы и есть на самом деле, – племянницей своей тетушки. Мы считаем, что это очень удачный ход. Не надо будет привыкать к чужому имени. Вы довольны таким решением, Констанция Шапель?
- Да, полностью! – воскликнула Конни. – А как скоро меня отправят во Францию?
- Обычно курс подготовки наших агентов длится как минимум восемь недель. Но в связи с тем, что дела во Франции сейчас обстоят не лучшим образом и есть острейшая необходимость в засылке наших девушек на вражескую территорию, срок обучения может быть и сокращен. – Мисс Аткинс тяжело вздохнула. – Мы все тут перед вами в неоплатном долгу уже за то, что вы согласились на такую опасную работу. Еще вопросы есть, милая?
- А могу я поинтересоваться, в чем именно будет заключаться моя работа во Франции? – спросила Конни.
- Отличный вопрос, – похвалила ее мисс Аткинс. – Большинство девушек, которые попадают к нам сюда, почему-то считают, что их буду использовать, как шпионку. Но наша служба, я имею в виду отдел F, имеет совсем другие функции. Сбор информации и саботаж – вот главная задача наших агентов. Наша единственная цель – это всемерно содействовать ослаблению режима нацистов во Франции. Служба РДС работает в тесном сотрудничестве с маки и французским Сопротивлением, оказывая им всемерное содействие и помощь чем только можно.
- Понятно. – Конни слегка нахмурила брови. – Меня, правда, смущает мысль о том, что наверняка найдутся люди, которые гораздо лучше меня подготовлены к выполнению столь ответственного задания.
- Не думаю так, Констанция, – ободряюще улыбнулась ей мисс Аткинс. – У вас безупречный французский, вы прекрасно знаете Париж и юг Франции. К тому же у вас галльская внешность. Все это вкуче делает вас просто бесценной кандидатурой для такой работы.
- Но наверняка ведь мужчины больше бы подошли для этих целей, разве не так?
- Представьте себе, что нет. Начнем с того, что при существующих ныне там порядках любого француза мужского пола могут в любое время вызвать на допрос в местное отделение полиции или даже в гестапо. Их могут подвергнуть обыску. Особа же женского пола, путешествующая по Франции, поездом ли, автобусом или даже на велосипеде, вызывает меньше подозрений. Она не так бросается в глаза. – Мисс Аткинс подняла глаза на свою собеседницу и вяло улыбнулась. – А при такой внешности, как у вас, Констанция, уверена, вы всегда найдете способ, как выпутаться из самой сложной ситуации. Ваши чары подействуют неотразимо на любого. Что ж, – мисс Аткинс мельком глянула на свои часы, – если у вас ко мне больше нет вопросов, возвращайтесь к себе домой, напишите письмо родителям, в котором сообщите им только то, о чем мы договорились, а затем наслаждайтесь последними выходными, которые вы проведете в своей лондонской квартире на Дживви-стрит. Боюсь, следующие выходные будут у вас не скоро. – Мисс Аткинс окинула Конни оценивающим взглядом. – Думаю, у вас все получится, Констанция. Вы еще потом будете гордиться тем, что сделали для победы над врагом. Помните! В нашей службе работают только лучшие из лучших.

8

В понедельник утром Конни подвезли на машине и высадили на ступеньках крыльца имения Уанборо-Мейнор неподалеку от городка Гилдфорд, что в графстве Сюррей. Ее проводили наверх в комнату, в которой стояло четыре односпальных кровати. Пока занята была только одна из них. Конни распаковала содержимое своего небольшого чемодана и повесила одежду в огромный гардероб из красного дерева, попутно отметив про себя, что кем бы ни была ее нынешняя соседка по комнате, но она явно тяготеет к цыганскому стилю в одежде. Расшитое золотом вечернее платье облегающего покроя болталось на плечиках рядом с шелковыми шароварами и ярким длинным шарфом.

– А вы, наверное, Констанция, – раздался хриловатый голос у нее за спиной. – Рада познакомиться. Не очень-то приятно проторчать ближайшие несколько недель одной в этой комнате. Меня зовут Венеция Борро. Нет, пожалуй, уже Кладет Дезали.

Констанция повернулась на голос и увидела перед собой девушку с необыкновенно броской внешностью. Иссиня-черные волосы тяжелой волной спадали до самого пояса, смуглая кожа, похожая на слоновую кость, и огромные зеленые глаза, подведенные краской для век. И в довершение образа – ярко-красные губы. Контраст между экзотическим видом девушки и строгой военной униформой, в которую она была облачена, был разительным. Про себя Конни невольно удивилась. Надо же! Столь экстравагантная девушка признана годной для такой опасной и сложной работы. Ведь с такой яркой внешностью не затеряешься ни в какой толпе.

– Констанция Каррузерс, – представилась она в свою очередь. – Теперь уже Констанция Шапель. – Она с улыбкой подошла к Венеции и пожала протянутую руку. – Не знаете, еще женщины будут?

– Нет. Я спрашивала, и мне сказали, что в нынешней группе курсантов-женщин только двое. Мы ведь будем тренироваться вместе с парнями. – Венеция улеглась на кровать и закурила сигарету. – Хотя что-то приятное... Маленький, но плюс в нашей работе. – Она сделала глубокую затяжку, и ее брови непроизвольно поползли вверх. – Наверное, мы с вами обе из разряда сумасшедших.

– Наверное, так оно и есть, – согласилась с ней Конни и, подойдя к зеркалу, внимательно оглядела себя. Не растрепался ли в дороге аккуратно скототый пучок волос на голове?

– И где они вас отыскали? – поинтересовалась у нее Венеция.

– Я работала делопроизводителем в одном из отделов МИ-5. Мне сказали, что я им подхожу, потому что свободно владею французским и хорошо знаю страну.

– А мое знание о Франции не простирается дальше курорта Кап-Ферра и его ресторанов, на террасе которых я потягивала свои бесконечные коктейли, – рассмеялась Венеция. – Это, да, пожалуй, еще то, что у меня бабушка – немка. А потому я неплохо болтаю по-немецки. Мой французский они тоже нашли вполне сносным. Я приехала сюда из Блетчли-Парк... Поскольку вы работали в МИ-5, то вам не надо объяснять, что это такое.

– О да! – ответила Конни, зная, что в этом здании располагается главное шифровальное подразделение Великобритании и центр правительственной связи. – Все мы наслышаны о вашем шифре «Энигма».

– Действительно, «Энигма» – это наш триумф. – Венеция поднялась с постели, поискала глазами цветочный горшок на окне, подошла к нему и стряхнула в него пепел с сигареты. – Судя по всему, там, во Франции, катастрофически не хватает радистов-связников. А поскольку у меня есть все навыки шифровальщика, то я – их человек. А знаете, – она снова вернулась к кровати и вытянулась на постели во весь рост, – что при нынешнем состоянии дел на фронтах век связиста крайне недолог: максимум шесть недель.

– Не может быть!

– А что здесь удивительного? – хрипло рассмеялась Венеция. – Передатчик ведь в трусы не запихнешь.

Конни поразило, с каким равнодушием Венеция говорила о своей возможной гибели.

– И вы не боитесь?

– Пока не знаю. Но одно я знаю точно. Этих гадов нацистов надо остановить во что бы то ни стало. Отцу удалось вывезти бабушку из Берлина еще до того, как началась война. Но все остальные его родственники в Германии куда-то исчезли. Они ведь евреи, вы понимаете, о чем я. – Венеция немного помолчала. – Мы дома подозреваем, что их отправили в один из этих страшных лагерей смерти, о которых все слышаны. Вот поэтому, – Венеция подавила тяжелый вздох, – все, что я могу сделать для того, чтобы остановить эту нечисть, я сделаю. Я ведь что думаю... Жизнь будет бессмысленной для любого из нас, пока мы не зароем Гитлера и всю его свору глубоко в землю... И чем скорее, тем лучше. Вот только одно выводит из себя. Мне приказали коротко остричь волосы. – Она стремительно поднялась с подушки и села на постели, тряхнув своей роскошной гривой волос, которые рассыпались по плечам. – Вот с этим точно у меня будут проблемы.

– У вас прекрасные волосы, – совершенно искренне восхитилась Конни и подумала, что если кто-то и сумеет одержать верх над нацистами даже в одиночной схватке, даже голыми руками, то наверняка эта необычная женщина будет в числе победителей.

– Как изменилась жизнь! – Венеция снова откинулась на подушку, заложив руки за голову. – Всего лишь каких-то четыре года тому назад я танцевала на балу дебютанток в королевском дворце. И жизнь представлялась мне одним сплошным праздником. А что теперь? – Она повернулась к Конни и издала короткий, едва слышный вздох. – Только подумайте, где мы с вами очутились.

– Все так, – снова согласилась с ней Конни. – А вы замужем?

– Еще чего не хватало, – усмехнулась Венеция. – Я еще много лет тому назад решила, что сначала поживу для себя, а уже потом начну заниматься обустройством своей семейной жизни. Остепенюсь и все такое. Но похоже, меня уже остепенили. А вы?

– Я замужем. Мой муж Лоренс – капитан Шотландской гвардии. В данный момент воюет в Африке. Правда, пока он числится пропавшим без вести.

– Сочувствую, – Венеция взглянула на соседку с явной симпатией. – Будь она проклята, эта война, и все, что с ней связано. Надеюсь, вашему мужу удастся выбраться живым.

– Я тоже верю в это всей душой, – ответила Конни твердым голосом, хотя в глубине души сильно сомневалась в таком благополучном исходе.

– Скучаете?

– Ужасно. Но мало-помалу уже научилась жить без Лоренса. Впрочем, как и многие другие женщины, у которых мужья на фронте.

– Какие-нибудь романы на стороне случались за это время? – Венеция глубокомысленно улыбнулась, задав свой вопрос.

– Боже! Какие романы? Да я... ни за что... никогда! – Конни почувствовала, как краска прилила к ее лицу. – Нет! – коротко отрубилла она.

– Конечно нет, – поддержала ее Венеция. – У вас вид стопроцентно верной жены.

Последняя реплика показалась Конни не совсем понятной: то ли ее похвалили, то ли оскорбили.

– А я вот, – продолжила свой монолог Венеция, – чертовски счастлива, что не выскочила замуж за последние четыре года. Зато повеселилась от души. Да и вообще, в такие трудные времена, как наши, мой жизненный девиз прост: лови мгновение. Вполне возможно, это твой последний день. А уж если вспомнить, что нас с вами ждет впереди... – Она воткнула окуроч в цветочный горшок. – Словом, надо действительно ловить мгновение, пока оно еще есть...

Ближе к вечеру обеих женщин пригласили вниз на чай в роскошную парадную столовую. За чаем с пирожными представили курсантам-мужчинам.

– А знаете, – прошептала Конни на ухо Венеция, – самые статные и импозантные мужчины Англии служат в разведке. В обиходе РДС так и расшифровывается: рост, достоинство, сексапильность. – Она тихонько фыркнула себе под нос. – Интересно, кто обитал в этих шикарных апартаментах до войны?

– Действительно, очень красиво, – подтвердила Конни, разглядывая высокие потолки, величественный мраморный камин, продолговатые окна в георгианском стиле, из которых открывался выход на элегантную террасу.

– А вот и *он, наш герой*.

Конни проследила за взглядом Венеции и увидела молодого мужчину, небрежно облокотившегося о камин. Незнакомец оживленно беседовал о чем-то с одним из инструкторов.

– Да, очень даже ничего, – согласилась она со своей соседкой по комнате.

– Тогда пошли, познакомимся. Вперед!

Конни нерешительно поплелась вслед за Венецией, которая бодрым шагом подскочила к молодому человеку и представила ему их обеих.

– Ужасно рад познакомиться с вами, милые девушки. А меня зовут Генри дю Барри, – ответил он на превосходном французском.

Конни оставалось лишь наблюдать за тем, как Венеция немедленно пустила в ход все свои обольстительные чары. Сексуальность тут же забила из нее ключом. Невольно почувствовав себя третьей лишней в их беседе, она стала незаметно отступать назад.

– Итак, Мата Хари нашей группы уже в работе, – насмешливо прошептал мужской голос у нее за спиной. – Разрешите представиться. Джеймс Фрубишер, известный также под именем Мартин Косте. А вас как зовут?

Конни повернулась к говорящему лицом и увидела перед собой мужчину приблизительно одного роста с ней. Заметила редющие волосы на голове и очки в роговой оправе.

– Констанция Каррузерс, точнее, теперь уже Шапель.

Она протянула мужчине руку, и тот пожал ее.

– Как у вас обстоят дела с французским? – поинтересовался он у нее приятельским тоном.

– Моя мама – француженка, а потому я говорю по-французски свободно.

– К сожалению, мне не так повезло, – тяжело вздохнул Джеймс. – Сейчас вот прохожу интенсивный курс обучения. Кое-какой прогресс есть, но боюсь, если меня схватит гестапо, то сразу же забуду все на свете. Впрочем, больше всего в этой ситуации меня будет волновать, что я перепутаю «ты» и «вы», когда стану отвечать на их вопросы.

– Не думаю, что вас выпустят отсюда раньше, чем будут уверены в том, что с языком у вас все в порядке, – возразила ему Конни.

– Само собой. Правда, во Франции сейчас такая белиберда творится... Им позарез нужны новые агенты. Насколько мне известно, по всей стране там прокатились массовые аресты. – Джеймс вскинул брови. – Что ж, у каждого из нас, оказавшихся здесь, свои навыки и умения. Вот я, к примеру, отличный подрывник. А когда держишь в руках связку динамита, то тут уже не до разговорчиков, не правда ли? – Он широко усмехнулся. – Должен сказать, что я восхищаюсь женщинами, которые добровольно пришли в разведывательно-диверсионную службу. Это очень опасная работа.

– Не могу сказать, что я пришла в РДС добровольно, по собственной инициативе, – честно призналась ему Конни. – Но я рада, что смогу сделать хоть что-то полезное для своей страны.

В течение ужина, который был сервирован в элегантной столовой, Конни познакомилась со всеми четырьмя однокурсниками-мужчинами, будущими агентами РДС. Каждый из них был вырван из своей прошлой жизни решительно и бесповоротно, потому что, по мнению

вышестоящего руководства, идеально подходил для новой работы, в которой была потребность именно сейчас. Франциск Монт-Кларе и Гуго Сороки были, как и она, наполовину французами. Потом Джеймс и, конечно, Генри, летчик-истребитель, душа всей группы. Вино лилось по бокалам, а Конни чем дальше, тем больше ощущала некоторую ирреальность всего происходящего. Просто сюр какой-то, размышляла она, разглядывая исподтишка участников трапезы, сидящих вокруг стола. Легко можно вообразить себе, что это некий типичный парадный ужин, один из многих, проводимых до войны в британских домах по всей стране.

После пудинга капитан Биван, старший инструктор группы, громко хлопнул в ладоши, призывая к тишине.

– Минуточку внимания, леди и джентльмены. Надеюсь, наш ужин дал вам отличную возможность познакомиться друг с другом. Ближайшие несколько недель все вы будете интенсивно работать в тесной связке друг с другом. А вот что касается увеселений, то сегодняшняя трапеза ставит на них точку. Отныне никаких забав. Завтра утром завтрак в шесть. После завтрака каждый из вас получит справку о состоянии здоровья, подтверждающую степень вашей пригодности к дальнейшей работе. А уже через день все вы должны до завтрака совершать пробежку протяженностью в пять миль.

За столом раздался тихий ропот.

– Большая часть времени, которое вы пробудете здесь, будет потрачена именно на вашу физподготовку. Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы к моменту вашей отправки во Францию все вы были сильными, выносливыми, максимально готовыми физически к любым испытаниям. Помните, что порой именно сила и выносливость помогают человеку выжить.

– Ну если у меня за спиной будет маячить нацист с автоматом в руке, то я побегу быстрее пули, – пошутил Джеймс.

Венеция весело хихикнула, капитан тоже едва заметно улыбнулся.

– Кое-кто из вас уже прошел армейскую «учебку» и не понаслышке знает, какие там интенсивные занятия по физподготовке. Для других, в частности, для вас, дамы, – капитан взглянул на Венецию и Конни, – будет сложнее. Пожалуй, ближайшие несколько недель будут самыми сложными в вашей жизни. Но если эта ваша жизнь вам действительно *дорога*, вы должны выложиться по полной и овладеть всеми теми навыками и умениями, которым мы вас станем обучать. В шесть часов вечера каждый день на доске объявлений я буду вывешивать расписание занятий на следующий день. За время учебы вас научат стрелять, обращаться с динамитом, вы изучите базовый код Морзе, научитесь прыгать с парашютом и усвоите основные навыки выживания в незнакомой среде. Все эти знания подготовят вас к дальнейшей работе в тылу противника. Все вы прекрасно понимаете, что агенты РДС подвергаются самой большой опасности, даже в сравнении с теми нашими соотечественниками, которые тоже воюют с немцами во Франции уже в составе регулярных частей. Все мы сейчас сражаемся за наше право на свободу и независимость.

Разговоры за столом смолкли, повисла торжественно-печальная тишина. Глаза всех присутствующих были устремлены на капитана.

– Но я должен также сказать, что без таких людей, как вы, которые понимают всю степень опасности своей будущей работы и тем не менее готовы идти на любой риск во имя наших высоких целей, так вот, без таких людей нам никогда не одержать победы в этой войне. А потому от имени правительств двух стран – Великобритании и Франции – я выражаю вам благодарность. А сейчас для всех желающих кофе и бренди в гостиную. Прошу! Кто не желает, с теми я прощаюсь и говорю им «спокойной ночи».

Джеймс и Конни оказались теми двумя, кому капитан пожелал спокойной ночи. Отказавшись от кофе, они направились к выходу. Все же остальные потянулись в гостиную.

– Не хотите к ним присоединиться? – спросил у Конни Джеймс.

– Не хочу. Чувствую себя немного уставшей, – ответила Конни, хотя на самом деле ей хотелось сказать: «Слишком много всего навалилось, и впечатления переполняют меня». Однако она благоразумно воздержалась от излишней откровенности.

– Я тоже подустал.

Они сделали пару шагов в сторону лестницы. Внезапно Джеймс остановился на нижней ступеньке и повернулся к Конни.

– Вы боитесь? – спросил он у нее в лоб.

– Я не уверена в себе, это точно, – ответила она.

– Я тоже, – признался Джеймс – Однако все мы должны делать то, что должно. Нести, так сказать, свой крест. Спокойной ночи, Констанция. – Джеймс вздохнул и зашагал вверх по лестнице.

– Спокойной ночи, – пожелала она ему вслед, наблюдая за тем, как он скрылся из виду.

Внезапно ей стало зябко. Обхватив себя руками, Конни подошла к одному из огромных окон и уставилась на полную луну. Так она все же *боится*? Ответа у нее не было. Вполне возможно, и потому, что война, которая длилась уже четыре года, целых четыре года из тех двадцати пяти, которые она прожила на этом свете, успела притупить все ее чувства. С тех самых пор, как Лоренс ушел на фронт спустя всего лишь несколько недель после их свадьбы, Конни почувствовала, будто жизнь ее вдруг остановилась. Остановилась и замерла в тот самый момент, когда она должна была только начинать стремительно развиваться по нарастающей. Поначалу она страшно скучала по мужу. Ей казалось, что она не вынесет разлуки. В огромном фамильном доме мужа, продуваемом всеми ветрами Йоркшира насквозь, коротая время в обществе лишь грубоватой и бесцеремонной свекрови и двух ее старых лабрадоров, у нее оказалась куча времени, чтобы передумать обо всем на свете. Мать Лоренса не одобрила ее намерение уехать в Лондон и поступить на работу в МИ-5. Эту вакансию ей выхлопотал по своим старым связям отец, видя, как его дочь чахнет в одиночестве среди мрачных и топких болот, окружающих имение со всех сторон.

Между тем в военном Лондоне царила несколько экзальтированная атмосфера всеобщего веселья, и многие сослуживицы Конни по ее работе в МИ-5 вовсю наслаждались ею. Они постоянно бегали на свидания с офицерами, прибывшими в отпуск, а те, в свою очередь, с готовностью водили их по ресторанам и ночным клубам. Причем многие из этих девушек были обручены, а некоторые – о, ужас! – и вовсе замужем. Их молодые мужья сражались где-то на фронте, как и ее Лоренс, что отнюдь не останавливало их ветреных супругов от поисков развлечений на стороне.

У Конни все было по-другому. Лоренс всегда был и оставался единственной любовью всей ее жизни. С тех самых пор, когда она еще шестилетней девочкой познакомилась с ним на каком-то теннисном мероприятии в Йоркшире. Несмотря на то что она успешно окончила Сорбонну и могла бы продолжить свою карьеру, несмотря на то что она *всегда отдавала* предпочтение Франции в сравнении с промозглым и холодным Северным Йоркширом, Конни без раздумий согласилась прожить всю свою оставшуюся жизнь в качестве жены своего возлюбленного Лоренса и хозяйки его поместья Блэкмор-Холл.

А потом была их свадьба. И она, переступив порог небольшой католической часовни прямо на территории поместья Блэкмор-Холл, произнесла у алтаря слова клятвы верности мужчине, которого она любила на протяжении целых четырнадцати лет и которого у нее отнимут всего лишь спустя несколько недель после свадьбы.

Конни тяжело вздохнула. Четыре года, минувшие с тех пор, она прожила в вечном страхе, каждый день ожидая телеграммы, сообщающей ей, что муж погиб или пропал без вести. И в один прекрасный день такая телеграмма пришла. Работая в МИ-5, Конни отлично представляла себе, сколь мизерны шансы Лоренса остаться в живых после двух месяцев неизвестности, причем с каждым днем эти шансы все уменьшались и уменьшались.

Она отвернулась от окна и, пройдя через холл, стала подниматься по лестнице. Получается, что самый большой страх в своей жизни она уже пережила в тот самый день, когда несколько недель тому назад получила эту злополучную телеграмму. Лоренс продолжал числиться в списках пропавших без вести и по сей день, но лично для нее жизнь уже утратила всякий смысл. Да и какая ей, в самом деле, разница – умереть или продолжать жить без Лоренса?

Она улеглась в постель, оставив гореть ночник. На всякий случай, для Венеции. Но та явилась лишь под самое утро. Конни слышала, как, войдя в комнату, Венеция зацепилась ногой обо что-то на полу и тут же издала короткий смешок.

– Не спишь, Конни? – послышался ее шепот.

– Не сплю, – ответила она сонным голосом.

Громко скрипнула кровать под Венецией.

– Ей-же богу! Отличная была ночь. Генри просто чудо. Ты как считаешь?

– Он действительно очень красив.

Венеция сладко зевнула и сказала.

– Думаю, ближайшие недели окажутся более приятными, чем я предполагала. Доброй ночи, Кон.

Несмотря на оптимистичные прогнозы Венеции, последующие недели испытали курсантов, всех и каждого по отдельности, на прочность, потребовав от них всех сил, без остатка. Каждый день был наполнен интенсивными физическими упражнениями, плюс интеллектуальные занятия. И это помимо того, что они часами просиживали в окопах, обучаясь навыкам обращения с динамитом, лазили по деревьям, пытались замаскировать свое присутствие среди густой кроны. Съедобные орехи, ягоды, грибы, листья деревьев – все это нужно было научиться различать и запомнить. Бесконечные занятия по стрельбе и обязательные пробежки на пять миль каждое утро. Венеция, уже успевшая закрутить полномасштабный роман с Генри, с грехом пополам как-то управлялась и со своими дневными нагрузками тоже. Зачастую она возвращалась к себе уже в пятом часу утра и с тихим стоном падала в кровать, предвкушая, что через каких-то полчаса надо будет снова вставать и бежать.

К своему немалому изумлению, Конни обнаружила, что справляется со всеми тренировками гораздо лучше, чем она предполагала. Что, впрочем, было и не так уж удивительно. Ведь она с детства привыкла ко всякого рода играм на свежем воздухе среди болот Йоркшира. Но здесь, на курсах подготовки, она буквально физически ощущала, как крепнет не по дням, а по часам. В группе она оказалась лучшим стрелком, очень быстро набила руку в умелом обращении с динамитом, чего никак нельзя было сказать о Венеции. Та едва не подорвала их всех прямо в окопе, неловко манипулируя с гранатой.

– Что ж, по крайней мере, сейчас я хоть знаю, как это делается, – оправдывалась она на обратном пути в Уанборо-Мейнор.

– Как полагаете, наша Венеция подходит к той работе, которая ее ждет впереди? – как-то вечером поинтересовался у Конни Джеймс, когда они оба сидели в гостиной за чашечкой кофе и бренди. – Уж слишком она яркая. Сразу же бросается в глаза всем и всякому, не так ли? – Он слегка рассмеялся, наблюдая за тем, как девушка сплелась в страстном объятии с Генри на ступеньках террасы за окном.

– А я вот, напротив, думаю, что Венеция справится со всем на отлично, – возразила ему Конни, немедленно бросившись на защиту подруги. – Она живет своим умом... и вообще, она очень сообразительная. А нам ведь постоянно напоминают о том, что сообразительность – это все девяносто процентов успеха в нашей будущей работе.

– Разумеется, эта девушка чертовски привлекательна, – согласился с ней Джеймс. – Пожалуй, с помощью своих чар она легко выпутается из любой, даже самой сложной ситуации. И уж справится с этим гораздо лучше, чем, скажем, я сам, – добавил он с некоторой грустью в голосе. – Итак, у нас сейчас затишье перед бурей, не так ли, Кон? Если честно, то я побаиваюсь

того, что ждет меня впереди. Особенно боюсь прыгать с парашютом. У меня колени уже и сейчас подгибаются от страха.

– Не переживайте раньше времени. – Конни осторожно погладила его руку. – Вдруг повезет и прыгать придется не над морем, а на сушу, где-нибудь в окрестностях Лизи.

– Дай-то бог, – тяжело вздохнул Джеймс. – Но, зная свое счастье, меня наверняка угораздит приземлиться на какое-нибудь дерево. Запутаюсь стропами в его кроне и тем самым сразу же выдам себя с головой.

Джеймс единственный из курсантов откровенно делился с Конни своими сомнениями и страхами. Они как-то очень быстро сдружились, наверное, отчасти и потому, что обоих отличала рассудительность и они были поспокойнее остальных своих коллег.

– Как странно порой складывается жизнь. Идешь дорогой, которую сам не выбирал. – Джеймс отхлебнул немного бренди и помолчал. – Если бы у меня было право выбора, то я наверняка выбрал бы себе иную стезю.

– По-моему, сейчас у большинства людей нет этого права выбора, – откликнулась Конни. – Идет война, о чем тут можно говорить? Если бы не война, то я бы, к примеру, коротала свои годы среди йоркширских болот, рожала бы себе по ребеночку в год и толстела бы постепенно.

– Есть новости? – участливо поинтересовался у нее Джеймс, зная о том, что случилось с Лоренсом.

– Ничего, – вздохнула в ответ Конни.

– Но вы держитесь, Кон! Надежда, как известно, умирает последней. – Теперь уже наступила очередь Джеймса утешать Конни, и он тоже погладил ее руку. – Сами же понимаете, там сейчас такая мясорубка творится. Но шанс остаться в живых есть всегда. Будем надеяться, что ваш муж окажется счастливчиком.

– Я стараюсь не падать духом, – ответила Конни, а про себя подумала, что каждый прожитый в неизвестности день для нее словно еще одна лопата земли, брошенная на могилу Лоренса. – Если эта проклятая война когда-нибудь закончится, чем займетесь потом? – резко поменяла она тему разговора, дабы не беречь лишний раз свои душевные раны.

– Ну и вопрос, господи! – издал короткий смешок Джеймс. – Сегодня даже сама мысль о том, что эта война может когда-то закончиться, представляется чистейшим безумием. А в остальном... Моя жизнь, в принципе, очень схожа с вашей, Конни. Вернусь домой и взвалю на себя тяжкое бремя ответственности перед семьей. Женюсь, произведу на свет потомство. – Он равнодушно пожал плечами. – Словом, все как у всех. Понимаете, о чем я.

– Зато у вас появится возможность обучить своих детей хорошему французскому, – улыбнулась в ответ Конни. – Вы сильно подтянулись за последние несколько недель. Несомненные успехи налицо, – похвалила она приятеля.

– Спасибо, Кон, за доброе слово. Но если у нас кто и делает успехи, так это вы. Тут я днями подслушал, как наш капитан у себя в кабинете обсуждает по телефону с Бакмастером всех нас. Ну да, я притаился и подслушал! – весело ухмыльнулся Джеймс. – А разве нам не повторяют из дня в день держать ушки на макушке, чтобы улавливать любую информацию? Но как бы то ни было, а капитан пропел вам настоящие дифирамбы, сказал, что вы звезда номер один в нашей группе. Отличница, первая по списку по всем дисциплинам. Словом, в руководстве отдела F на вас возлагают большие надежды.

– Благодарю за информацию. Если честно, то в школе я всегда была зубрилкой, – рассмеялась в ответ Конни. – Беда только, что мне так и не удалось реализовать все мои знания на практике.

– А вот за это, Кон, можете не беспокоиться. Думаю, у вас еще все впереди.

Спустя месяц предварительная подготовка агентов была завершена. Каждый из них прошел долгое и нелегкое собеседование с капитаном, в ходе которого наставник прямо указал на все сильные и слабые стороны своих курсантов.

– Ваши успехи, Констанция, выше всяких похвал, – резюмировал он в разговоре с Конни. – Мы все здесь очень довольны вами. Одно лишь замечание, которое сделали ваши непосредственные наставники: порой вы несколько тормозите с принятием решения. В реальной боевой обстановке именно умение реагировать мгновенно на ту или иную ситуацию может спасти вам жизнь. Вы понимаете меня?

– Да, сэр.

– Вы продемонстрировали в ходе практических занятий, что у вас хорошая интуиция. Ну так и доверяйте ей больше. Не сомневаюсь, ваши инстинкты никогда не подведут вас. Сейчас мы направляем вас вместе с остальными агентами, успешно прошедшими курс обучения здесь, в Шотландию, – завершил беседу капитан. – Там вы продолжите оттачивать свое мастерство для будущей работы. И оттуда же вас и направят уже непосредственно на боевое задание. – Он поднялся из-за стола и протянул Конни руку. – Удачи вам, мадам Шапель, – проговорил капитан, улынувшись.

– Благодарю вас, сэр.

Когда за Конни закрылась дверь, капитан тихо обронил:

– Благослови тебя Господь, девочка.

В Шотландию были направлены те курсанты, которые успешно выдержали все испытания в школе. Таковых оказалось четверо: Конни, Венеция, Джеймс и, к вящей радости Венеции, Генри. В Шотландии, на просторах дикой природы, им предстояло усвоить самые передовые навыки ведения партизанской войны. Вдали от всех населенных пунктов они практиковались в том, как закладывать взрывчатку и взрывать мосты, как управлять лодкой, не утопив ее при этом, как устраивать тайники из немецкого, британского и американского оружия, а потом в кромешной тьме перегружать его на грузовики и вывозить дальше. Особо подчеркивалось доскональное знание всего того, что связано с линией разграничения в Виши. Курсантам снова и снова рассказывали о том, как немцы соорудили границу, разрезавшую Францию на две части: так называемая «оккупированная» зона на Севере и Южная зона.

Все те навыки выживания, которым их обучали в Уанборо-Мейнор,годились им как нельзя больше, когда их загнали в самые настоящие болота и потребовали, чтобы они там продержались как минимум несколько дней. Профессиональный киллер обучал их приемам, позволяющим мгновенно и бесшумно уничтожить противника.

Спустя две недели после прибытия в Шотландию Венецию вдруг срочно отозвали.

– Хотя за это спасибо, – прокомментировала она очередную перемену в своей жизни, поспешно пакуя вещи в чемодан. – Наверняка направят в Тейм-Парк, для ускоренной переподготовки по работе с передатчиками. Там у них во Франции началась какая-то паника. Судя по всему, нужны позарез новые радистки. Ах, Кон! – Венеция обняла подругу за плечи. – Свидимся ли мы еще когда-нибудь? Но будем надеяться. И присматривай тут за моим Генри, ладно?

– Присмотрю-присмотрю, – пообещала Конни, наблюдая за тем, как Венеция захлопнула крышку чемодана, сняла его с кровати и поставила на пол. – Хотя, я думаю, ты быстро найдешь ему замену.

– Наверное, да. Ты права. – Венеция взглянула на Конни. – Но все равно мы с ним чертовски приятно провели время.

В дверь постучали.

– Мисс Борро, машина уже ждет вас внизу, – сказал чей-то голос.

– Пора! Удачи тебе, Кон! – Венеция подхватила чемодан и направилась к двери. – Рада была познакомиться с тобой.

– Я тоже. Пожалуйста, верь в себя, – взмолилась Конни. – Верь в то, что ты со всем справишься.

– Я постараюсь, – пообещала Венеция, открывая дверь. – Но я оттуда не вернусь. Погибну. Я знаю это наверняка. – Она пожала плечами и добавила по-французски: – *Прощай!*

9

– Итак, Констанция, вы завершили курс обучения и готовы к отправке во Францию. Как настроение?

Разговор происходил в штабе отдела F в Лондоне, и Конни сидела возле стола, по другую сторону которого восседала Вера Аткинс.

– Настроение боевое. Думаю, я вполне готова к предстоящей работе, – отвечала Конни скорее на автомате, ибо ее ответ не отражал и малой толики тех переживаний, которые она испытывала на самом деле.

После Шотландии ее перебросили в аббатство Белью в Хэмпшире, еще одно поместье, временно реквизированное государством у прежних владельцев. Там продолжилась шлифовка ее шпионских навыков. Так, Конни научилась распознавать малейшие отличия в обмундировании немецких военных и французской полиции, столь ненавистной всем французам главной опоры вишистского режима. Ее также обучили основным приемам вербовки французов, если это, скажем, потребуется для расширения действующей агентурной сети. Она усвоила одно из основных правил конспирации, которое ей буквально вбили в голову: никогда и ничего не доверять бумаге.

– Мне кажется, что когда я окажусь непосредственно на месте выполнения задания, то почувствую себя еще более уверенно, – заключила она в конце разговора.

– Отлично. Именно это мы и хотели услышать от вас, – прострекотала в ответ мисс Аткинс. – Мы планируем вашу отправку в следующем месяце, в период полнолуния. Наверное, вас обрадует новость о том, что вам не надо будет приземляться с помощью парашюта. Вас перебросят во Францию на легком самолете «Лизандер» и высадят прямо на сушу.

– Спасибо.

«Все какое-то послабление», – подумала Конни, выслушав эту информацию и почувствовав некоторое облегчение.

– У вас в запасе еще пара дней для отдыха. Можете расслабиться. Я забронировала вам комнату в Фоли-Корт. Вполне комфортабельный пансионат. Он функционирует под эгидой Корпуса медсестер скорой помощи. Отдыхайте в ожидании отправки. Самое время написать письма всем, кого вы любите. Их я отошлю адресатам в ближайшие несколько недель уже после вашего отъезда.

– Что я могу написать в этих письмах? – поинтересовалась Конни у мисс Аткинс.

– Я всегда советую девушкам быть краткими и использовать позитивный стиль. Типа: все у вас хорошо, дела обстоят блестяще и так далее. Я приду за письмами уже непосредственно в день вашего отъезда. Точное время я сообщу вам дополнительно. Уже на аэродроме перед самым вылетом я сообщу вам ваши позывные, по которым мы здесь, в Лондоне, и другие агенты там, во Франции, будем узнавать вас. По прибытии во Францию вам сообщат, в какую агентурную сеть вы вливаетесь для дальнейшей работы. А сейчас, Констанция, прежде чем вы уйдете, с вами хочет встретиться мистер Бакмастер.

Мисс Аткинс снова повела Конни по знакомому коридору в кабинет Мориса Бакмастера.

– Констанция, дорогая вы моя! – воскликнул Бакмастер при виде Конни и, пружинисто вскочив с кресла, на котором он сидел за письменным столом, заторопился ей навстречу с раскрытыми объятиями. – Все в порядке? – спросил он, разнимая руки.

– Пока да, сэр, – коротко ответила Конни.

– Вот и умница. Наслышан, наслышан о ваших успехах. Звезда набора. Лучший курсант в группе. Уверен, вы еще заставите всех нас здесь, в отделе F, гордиться вами! – воскликнул Бакмастер с нескрываемым энтузиазмом в голосе.

– Если честно, сэр, то я буду только рада побыстрее оказаться на месте.

– Не сомневаюсь в этом. Но прошу вас, дорогая моя, никаких дополнительных страхов и волнений. Вчера вечером я имел беседу с одной из наших девушек-агентов, которая вернулась домой после своей первой командировки во Францию. И она сказала мне, что самое трудное в ее работе было ежедневно накручивать десятки миль на велосипеде. Пожаловалась, что после таких марафонов бедра у нее стали как у слона.

Бакмастер весело рассмеялся, Конни тоже.

– Ко мне у вас есть вопросы, Констанция?

– На данный момент нет. Разве что хотелось бы узнать о судьбе Венеции. Как она? – не удержалась Конни, невольное волнение прорвалось в голосе. – Насколько мне известно, несколько дней тому назад она улетела на задание.

– Пока никаких новостей, – ответил Бакмастер, и его лицо моментально помрачнело. – Впрочем, я не стал бы делать никаких поспешных выводов. Радистам часто требуется какое-то время для адаптации, прежде чем выйти на первый сеанс связи. А в том ареале, где она сейчас обитает, в последнее время возникли серьезные проблемы. Но как бы то ни было, – Бакмастер вернулся к своему письменному столу, выдвинул один из ящиков, достал оттуда небольшую коробочку и вручил ее Конни, – это вам подарок от меня с пожеланиями доброго пути и удачи во всем.

– Спасибо, сэр.

– Откройте же и посмотрите, что там, – попросил ее Бакмастер. – Такие прощальные подарки от меня получают все наши девушки. Полезная вещь, которую, в случае непредвиденных финансовых затруднений, всегда можно будет продать. Очень удобно...

Конни открыла коробочку и извлекла оттуда компактную пудру в аккуратной серебряной пудренице.

– Нравится? – поинтересовался у нее Бакмастер.

– Очень! Спасибо, сэр.

– Не хочу, чтобы наши девушки растеряли там высокие стандарты своей внешности. Даже на линии фронта они должны оставаться красивыми. Что ж, Констанция, мне остается лишь еще раз поблагодарить вас за то усердие, которое вы проявили во время учебы. Не сомневаюсь, что уже в ближайшие несколько недель я получу первые донесения о вашей работе там, в тылу врага. Бог вам в помощь и... *удачи*, – добавил он уже по-французски.

– Спасибо, сэр. До свидания.

Конни развернулась и вышла из кабинета.

Семнадцатого июня Конни в сопровождении Веры Аткинс покинула Лондон и направилась на военный аэродром в Суссексе. Устроившись за маленьким столиком в дальнем углу ангара, Вера протянула Конни крохотный листок бумаги.

– Пожалуйста, постарайтесь за следующие двадцать минут выучить наизусть все, что там написано. Ваши позывные – Лаванда. Этими позывными вы станете пользоваться всякий раз, когда будете выходить на связь с нами или с другими нашими агентами, действующими на территории противника. Как с британцами, так и с французами. Вы присоединитесь к группе «Ученый», которая работает главным образом в Париже и в его окрестностях. Самолет приземлится во Франции неподалеку от городка Бриолле. Там вас встретят представители комитета, отвечающие за прием наших агентов. Они позаботятся о вас, доставят к месту назначения, сообщат пароли, по которым вы станете связываться с руководителем вашей группы, радистом и другими членами группы.

– Да, мисс Аткинс.

– Должна предупредить вас, Констанция, что в последнее время у нас возникли некоторые сбои в связи именно с вашей группой. Вполне возможно, люди, которые будут вас встречать на месте, дадут вам более исчерпывающую информацию о том, что у них творится. Но я

уверена, вы, с вашим интеллектом и здравым смыслом, справитесь с любой неожиданностью. А сейчас, – мисс Аткинс взяла небольшой кожаный чемоданчик и поставила его на стол, – я вручаю вам все, что вам нужно. Документы, удостоверяющие вашу личность: Констанция Шапель, учительница, проживающая в Париже. У вас много родственников, проживающих на юге Франции. Вы и сама родом из тех мест. Именно этим обстоятельством вы будете пользоваться всякий раз, когда вам понадобится пересечь линию Виши, чтобы выехать за пределы оккупированной зоны.

Затем мисс Аткинс извлекла из чемоданчика пузырек, в котором лежала одна-единственная таблетка.

– Спрячете в подошве своей обуви, – проинструктировала она. – Это таблетка с ядом.

Конни, которую уже уведомили обо всем заранее, сняла с ноги башмак со специальной подошвой и открыла отверстие в ней.

Мисс Аткинс вложила туда пузырек с таблеткой.

– Будем надеяться, что она вам никогда не пригодится.

– Будем, – согласилась с ней Констанция.

Она знала, что в безобидной на вид таблетке содержится смертельная доза цианистого калия. Таблетка предназначалась на случай возможного ареста и последующих пыток.

– Вот теперь, – воскликнула мисс Аткинс жизнерадостным тоном, – все у нас готово.

– Да.

– Тогда пойдемте, я провожу вас к борту нашей Лиззи.

Они обе вышли на взлетное поле и направились в сторону небольшого самолета, окрашенного в целях маскировки в черный цвет, что делало его незаметным даже при ярком свете луны. Уже возле самого трапа мисс Аткинс замешкалась.

– Ах да, чуть не забыла! Это вам, – Она извлекла из кармана своего жакета конверт и протянула его Конни.

Та вскрыла его, достала оттуда листок и прочитала, отказываясь верить собственным глазам.

– Хорошие новости, не так ли? – прокомментировала ее реакцию мисс Аткинс.

Конни поднесла руку ко рту, а глаза ее тут же наполнились слезами.

– Мисс Аткинс, Лоренс жив. Он жив!

– Я знаю, дорогая. Три дня тому назад его доставили на военном корабле в Портсмут. Тяжелое ранение в грудь, перелом ноги. Но доктора говорят, что он пребывает в отличном расположении духа и быстро идет на поправку.

– То есть вы хотите сказать, что он уже *здесь*? В Англии?! – Конни не верила своим ушам.

– Да, дорогая моя. Он уже дома. Слава богу, жив и почти здоров. Очень хорошая новость.

Конни машинально глянула на дату отправки телеграммы, в которой ее извещали о том, что муж, числившийся пропавшим без вести, найден и будет незамедлительно переправлен домой. Двадцатого мая, почти месяц тому назад.

– Думаю, такая приятная новость как нельзя более в дорогу. Теперь у вас появился отличный стимул для того, чтобы вернуться домой живой. Пора, девочка! – проговорила мисс Аткинс нетерпеливым голосом и взяла телеграмму из рук Конни. Заработали пропеллеры на самолете. Вера Аткинс протянула свою руку для прощального рукопожатия. – До свидания, Констанция. Удачи вам, – сказала она и энергично тряхнула руку Конни.

Словно в тумане Конни поднялась по трапу и очутилась в тесном салоне самолета. Усевшись, она пристегнула ремни безопасности и попыталась осмыслить все то, что ей только что сообщили. Итак, ее муж, оказывается, не только жив, но он *здесь, дома*, в Англии. Вполне возможно, всего лишь в нескольких часах езды от этого военного аэродрома.

И они ей ничего не сказали...

Как они могли так поступить? *Ничего* не сообщить ей о том, что Лоренса нашли. Более того, что он вот-вот вернется домой. Конни больно прикусила губу, чтобы не разрыдаться вслух, не залить слезами неудобные тяжелые защитные очки, которые были на ней надеты.

С тяжелым сердцем она все же вынуждена была признать очевидное. Они прекрасно понимали, что, *сообщив* они ей правду о Лоренсе, о том, что его со дня на день ждут на родине, и она могла бы тут же расправить свои крылышки и улететь от них прочь, начисто забыв обо всем том, к чему ее готовили.

Вот двое пилотов в летных костюмах при полном боевом снаряжении и в таких же защитных очках, как у нее, что делало их абсолютно неузнаваемыми, взбежали по трапу в самолет и люк тотчас же задраили. Назад пути нет. Что ж, в разведывательном управлении воспользовались обстоятельствами ее личной жизни в своих целях. И лишь в самую последнюю минуту, уже накануне вылета, они сказали ей правду, ввели в нее допинг, необходимый для того, чтобы она сделала все от себя зависящее, все возможное и невозможное, но осталась в живых и вернулась обратно.

– Господи! Как мне вынести все это? – прошептала едва слышно Конни, когда самолет при свете лунной ночи пошел на взлет.

– Конни! Это ты скрываешься под доспехами? – прокричал ей кто-то с соседнего сиденья, стараясь перекрыть рев двигателей. Знакомый голос!

– Джеймс! – воскликнула она тоже во весь голос, и ей мгновенно стало хорошо уже от одного осознания того, что он рядом.

Самолет между тем уже набрал высоту, растворившись в ночном небе, и все дальнейшие разговоры стали просто невозможными из-за сильнейшего гула мотора. Но вот рука Джеймса коснулась ее руки и крепко стиснула. Конни не отдернула руки. Она лишь отрешенно уставилась в иллюминатор, пытаясь разглядеть под крылом самолета английские ландшафты, скрывающиеся в этой крошечной тьме.

– До свидания, Лоренс. До свидания, мой дорогой, мой любимый, – прошептала она едва слышно. – Клянусь тебе, я вернусь домой. Обязательно вернусь и упаду в твои объятия. Как только смогу...

10

«Лизандер» осторожно коснулся поверхности земли где-то в открытом поле, приземлившись там, куда ему указали мигающие фонарики в руках неизвестных. Пилот повернулся к ним лицом и вскинул вверх палец, давая понять, что все в порядке.

– Кажется, все прошло как надо. До свидания, леди и джентльмены. Удачи вам! – крикнул он им вдогонку, пока они торопливо спускались по трапу прямо на траву.

– *С благополучным прибытием вас,* – проговорил на французском мужской голос.

Какой-то мужчина торопливо прошмыгнул мимо них, взбежал по трапу, держа в руках ранец. Швырнул его в салон самолета, закрыл люк и спрыгнул на землю, чтобы наконец своими глазами увидеть пополнение.

«Лизандер» между тем уже двинулся в обратный путь. Конни посмотрела ему вслед с завистью. О, если бы у нее хватило духу ринуться за ним, подбежать, догнать, вскарабкаться вовнутрь и лететь домой, туда, где осталось ее сердце.

– За мной! – негромко скомандовал им тот самый мужчина, который забросил в самолет ранец. – И побыстрее. Пару минут тому назад я засек на дороге немецкий грузовик. Что, если они слышали, как приземлялся самолет?

Все трое новобранцев устремились вслед за своим провожатым напрямик по полю. Последним шел Джеймс. Стояла красивая французская ночь, теплая, ясная, тихая. Конни бежала вместе со всеми остальными, успевая ощутить в незнакомом пейзаже что-то привычное и узнаваемое. На нее вдруг пахнуло привычными ароматами Франции.

Сладковатый, сухой, насыщенный запахами хвои воздух, так непохожий на вечную английскую сырость. Да, эти ароматы и запахи Конни узнала бы везде.

Спустя какое-то время их провожатый открыл дверь деревянной хижины, затерянной среди лесной чащобы. Внутри прямо на полу лежали соломенные тюфяки, прикрытые сверху одеялами. В углу стояла газовая горелка, мужчина немедленно чиркнул спичкой и зажег ее.

– Здесь мы останемся до утра, пока действует комендантский час. А дальше каждый из вас направится своей дорогой до железнодорожного вокзала в Бриолле. Отсюда туда ходу двадцать минут на велосипеде. Свои летные костюмы сложите там, в углу. Они останутся здесь. Потом я спрячу их. Приступайте! А я пока сварю всем нам кофе.

Конни стянула с себя тяжелую амуницию и принялась наблюдать за своими коллегами. Третьим тоже оказался мужчина, но она его не знала. Они уселись на свои тюфяки, и провожатый вручил каждому по эмалированной кружке кофе.

– К сожалению, молока нет. Знаю, что вы, англичане, любите кофе с молоком.

Конни обрадовалась, получив кружку горячей ароматной жидкости. Когда-то она обожала именно черный кофе, крепкий черный кофе, который бодрит и придает новые силы.

– Меня зовут Стефан, – представился им провожатый. – А вы, мадам, наверное, Лаванда, поскольку единственная женщина среди нас.

– А я – Нарушитель, – подал голос Джеймс.

– Прагматик, – представился незнакомец.

– От имени своей страны приветствую вас на территории Франции. Мы сейчас как никогда остро нуждаемся в помощи квалифицированных британских агентов, – сказал Стефан. – За последние несколько дней прошли массовые аресты среди наших людей. Особенно пострадало парижское подполье. Пока нам ничего не известно о судьбе всех этих людей. Наверняка действовал предатель, который и навел на них гестапо. А те, в свою очередь, провели успешную облаву. И вот вам мой первый совет: не доверять никому. – Стефан сделал особое ударение на слове «никому». – А теперь спать. Постарайтесь заснуть, если сможете. Я буду караулить снаружи и, в случае чего, разбужу вас.

Стефан направился к двери, но прежде чем выйти на улицу, закурил сигарету. Все трое постарались поудобнее устроиться на своих тюфяках.

– Спокойной ночи, друзья! – сказал Джеймс. – Сладких вам снов.

– Лично я, скорее всего, не сомкну глаз до самого утра, – пожаловался Прагматик. Однако уже через пару минут с противоположного угла хижины послышалось его ровное посапывание.

– Конни, – негромко позвал ее Джеймс.

– Да?

– Вот оно, настоящее дело, да? Начинается.

– Да, – согласилась с ним Конни и почувствовала, как от крепкого кофе и переизбытка эмоций у нее свело пустой желудок.

Все же сон в конце концов сморил и Конни. Ее растолкал Джеймс. Она глянула в маленькое оконце и увидела, что уже светает.

– Просыпайся, соня, – пошутил Джеймс. – Они уже ждут нас на улице.

Конни спала прямо в одежде, а потому ей оставалось лишь натянуть чулки и напялить туфли, что она и сделала в мгновение ока. На улице их поджидали Стефан и еще какая-то женщина.

– Доброе утро, Лаванда, – поприветствовал ее Стефан. – Готовы двинуться в путь?

– Да, но только, – Конни оглянулась на лес, подступающий к домику со всех сторон, – мне нужно... – Она почувствовала, что краснеет.

– К сожалению, здесь у нас без удобств. Ступайте прямо в лес и подыщите себе местечко.

Конни торопливо устремилась вглубь леса и присела под деревом. Когда она вернулась, Джеймс и их третий напарник уже приготовились двинуться в путь на велосипедах в сопровождении женщины.

– Удачи тебе, – прошептала Конни Джеймсу. – Надеюсь, скоро увидимся.

– До скорого! – воскликнул Джеймс. Лицо его было напряженным и угрюмым. – Во всяком случае, буду стараться подорвать здесь как можно больше бошей. Разнесу их, так сказать, в пух и прах.

– Вот это действительно боевой настрой. Так держать! – напутствовала приятеля Конни с оптимистичной улыбкой на устах, глядя ему вслед, пока его велосипед, а он ехал последним, не скрылся среди деревьев.

– Ну а мы пока немного подождем. Пусть отъедут хотя бы на пару километров отсюда, – сказал Стефан. – Если сразу из леса появится большая группа велосипедистов, то это тоже может привлечь внимание. Как насчет кофе?

– Спасибо, не откажусь.

Конни уселась прямо на ступеньках крыльца и стала наблюдать за восходом солнца. Солнечный диск медленно скользил по небу, не задевая кроны деревьев и отбрасывая неровные блики на землю сквозь их густую листву.

– А сейчас, Лаванда, я расскажу вам о наших дальнейших планах, – проговорил Стефан, протянув ее кружку с кофе, а сам устроился на крыльце рядом с ней и закурил. – Как вас уже уведомили накануне отправки сюда, вы присоединяетесь к подпольной группе «Ученый». Это – наша самая большая организация, действующая на территории Парижа и в его окрестностях.

– Да, я в курсе, – подтвердила Конни.

– К несчастью, согласно полученной нами информации, многие члены группы были схвачены гестапо. В их числе и Проспер, руководитель группы.

– Меня предупредили и сказали, что все подробности мне сообщат уже на месте, – сказала Конни, потягивая свой кофе.

– Пока молчит и радист Проспера, что может означать худшее: его тоже арестовали. – Стефан загасил сигарету о подошву собственного башмака. – Три дня тому назад меня уведомили, что ждут вас и готовятся встретить прямо с поезда на вокзале Монпарнас. Но сейчас я

уже не уверен в том, кто именно придет встречать вас. – Стефан жадно раскурил следующую сигарету. – Лично мне тоже крайне опасно сопровождать вас до Парижа. Наше руководство отдало приказ всем залечь на дно, пока не прояснится ситуация в целом. Вот почему добираться до Парижа вам придется самостоятельно.

– Понятно, – коротко ответила Конни, вцепившись в кружку с кофе обеими руками, словно в свой главный талисман, который поможет ей справиться с расхолодившимися нервами.

– Ваш пароль и ваши позывные пока еще наверняка не числятся в списках гестапо, а потому ваше путешествие не вызовет ни у кого особых подозрений. Женщин останавливают для проверки на дорогах гораздо реже, чем мужчин, – попытался успокоить ее Стефан. – Конечно, посылать вас прямо туда сейчас, сразу же после вашего прибытия в страну, – это слишком. Я понимаю. Но нам позарез нужен свой человек в Париже, кто-то, кого боши пока еще не знают. Необходимо выяснить, что там у них произошло на самом деле. Вы готовы выполнить такое задание?

– Готова.

– Вас будут ждать на привокзальной площади возле киоска «Табак». Вы должны будете купить пачку сигарет марки «Голуаз». Купив, уроните пачку на землю, будто случайно. Поднимите пачку с земли, достаньте оттуда сигарету и закурите, чиркнув спичкой вот из этой коробки. – Стефан достал из кармана и протянул ей спичечный коробок. – В этот момент к вам подойдет мужчина. Он отведет вас в безопасное место.

– А если никакого мужчины не будет?

– Это знак того, что явка провалена. Вы хорошо знаете Париж?

– Да. Я училась в Сорбонне.

– Тогда вам не составит труда отыскать вот этот адрес. – Стефан протянул ей крохотный листок бумаги.

– Дом семнадцать, улица Де Рене, – прочитала Конни название знакомой улицы. – Я хорошо знаю это место.

– Отлично. Вы подойдете к указанному дому, минуете его и пойдете дальше, до самого конца улицы, затем вернетесь назад, но уже по противоположной стороне улицы. Если заметите поблизости гестаповцев или крытый грузовик с эсэсовцами, то это верный знак того, что и эта явка провалена.

– А если гестаповцев снаружи не будет?

– Тогда поднимайтесь на третий этаж – там располагается нужная вам квартира – и постучите в дверь. Вначале два раза, потом три. Вам откроют. Сообщите им, что вас не встретили на вокзале, что за вами не прибыл курьер из Парижа и что вас отправил к ним Стефан.

– Хорошо, – ответила Конни, старательно запоминая адрес, потому что Стефан уже забрал листок и поджег его спичкой. – Но если в квартире никого не будет, что мне делать дальше?

– В этой квартире у нас установлено круглосуточное дежурство. Но если вам не ответят, то это значит, что подпольная группа «Ученый» раскрыта полностью и все, кто уцелел, залегли на дно. А потому никаких дополнительных контактов ни с кем. Это опасно и для вас, и для них. – Стефан тяжело вздохнул и сделал глубокую затяжку. – Остается последний вариант. Я направлю вас к своему другу. Он не является членом Сопротивления, не имеет никакого отношения к разведке, но это истинный патриот своей родины, и его порядочность вне всяких сомнений. Он наверняка поможет вам. Вот его адрес. – Стефан протянул следующий клочок бумаги. – Пойдете по этому адресу и спросите Героя.

Конни с некоторым удивлением прочитала адрес.

– Улица Де Варен. Когда-то там жили друзья моих родителей.

– Должно быть, ваша семья принадлежит к высшему свету? – Стефан тоже удивленно вскинул брови. – Ведь это один из самых шикарных уголков Парижа.

– Но если Героя тоже не окажется на месте, что дальше? Сесть на поезд и вернуться обратно?

– Мадам, – Стефан резким движением швырнул сигарету на землю и воскликнул воинственным голосом: – Вот тут самое время пустить в ход свою смекалку. Устройтесь в каком-нибудь пансионе поблизости и станете ждать, пока Герой вернется. А сейчас нам пора трогаться в путь. И запомните! Никакого шатания по парижским улицам с наступлением комендантского часа. Это самое опасное время суток.

Он скрылся в хижине, чтобы поставить на место кружки, а Конни принялась изучать допотопные велосипеды, на которых им предстояло добираться до станции.

– А кто он, ваш друг, которого вы называете Героем? – поинтересовалась она у Стефана, вскарабкиваясь на велосипед. Чемодан она надежно привязала к раме между рулем и решеткой.

– У нас здесь правило номер один – не задавать лишних вопросов. Скажу так. Это человек, который в курсе всего того, что происходит. И он сможет помочь вам наладить контакты с теми членами группы «Ученый», которые еще остались на свободе. Вы, в свою очередь, должны изыскать возможности, чтобы выйти на связь с Лондоном и как можно скорее доложить им об обстановке в Париже. Это при условии, если там уцелел хотя бы один радист, – добавил Стефан угрюмо.

Путешествие до железнодорожного вокзала прошло, слава богу, безо всяких приключений: обычная поездка, как все. И городок точно такой же, как десятки других французских городков, в которых Конни приходилось бывать до войны. Разве что флаг со свастикой над зданием местной мэрии выдавал присутствие немцев в городе.

Стефан купил в железнодорожных кассах билет до Парижа и вручил его Конни. Она заметила, что он все время стреляет глазами по платформе.

– Мне нужно идти. До свидания, мадам. – Стефан расцеловал ее в обе щеки, словно провозжая в путь ближайшую родственницу. – Будьте на связи, – добавил он, раскуривая очередную сигарету, после чего легко запрыгнул на свой велосипед и укатил прочь, оставив Конни одну дожидаться поезда.

Поезд прибыл точно по расписанию, ровно в одиннадцать ноль-ноль. Конни вдруг вспомнила, как Бакмастер пошутил в разговоре с нею, что единственный позитивный результат оккупации Франции немцами – это то, что на французских железных дорогах вдруг стало неукоснительно соблюдаться расписание движения поездов. Конни вошла в вагон, уселась и забросила чемодан на верхнюю полку. Но вот поезд тронулся, и она исподтишка окинула взглядом пассажиров. Обычная публика, ничего примечательного. В пустом желудке у нее противно заурчало, и она закрыла глаза, надеясь, что мерное покачивание состава поможет ей успокоиться и привести в порядок нервы, которые были напряжены до предела. Но на каждой станции глаза ее открывались сами собой, и она принималась разглядывать тех пассажиров, которые только что зашли в вагон.

В Ле-Мане она сделала пересадку, успев купить в привокзальном буфете какую-то залежалую булку. Присев на скамейку в ожидании своего поезда, она впервые увидела немецкого офицера, который о чем-то оживленно беседовал с начальником вокзала.

Наконец, около пяти часов вечера, поезд прибыл на вокзал Монпарнас в Париже. Конни смешалась с толпой пассажиров, заполнивших платформу, и зашагала к выходу. Впереди ее ждала первая проверка документов. Она увидела, что многих пассажиров останавливают и начинают досматривать их багаж, выворачивая содержимое чемоданов на столы. Сердце у нее моментально ушло в пятки, но никто из французских полицейских, проводящих досмотр, даже не удостоил ее взглядом.

Все еще чувствуя слабость от пережитого напряжения, Конни, слегка пошатываясь, неуверенной походкой вошла в зал ожидания и стала оглядываться в поисках киоска, торгу-

ющего табачными изделиями, где ее должен был поджидать провожатый. В самом вокзале царила страшная толчея: рабочие, закончив смену, возвращались домой. Наконец киоск был обнаружен в самом дальнем углу зала ожидания. Она подошла к киоску и купила пачку сигарет «Голуаз», как ей было велено. Забрав сдачу, она, словно нечаянно, уронила пачку на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.